

170

ПИОНЕР 11

НОЯБРЬ ● 1978 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С праздником Октября!

Праздник Октября — самый дорогой для каждого советского человека. Октябрьская революция, свершенная народом под руководством партии Ленина, — важнейшее событие в истории человечества. Наша страна, пройдя через все трудности в борьбе с врагами Советской власти, показала всем народам путь к миру, свободе, братству и счастью.

Сегодня в праздничной колонне шагаешь и ты, юный гражданин Страны Советов, твой отряд — частица большой Всесоюзной пионерской дружины, в рядах которой больше двадцати миллионов пионеров — твоих друзей и единомышленников.

Тебя называют наследником Октября. Пройдет совсем немного времени, и страна доверит тебе и твоим сверстникам выращивать хлеб, варить сталь, делать новые открытия в науке и технике, лечить людей, открывать новые дороги в космос.

Это великое право завоевали для тебя те, кто штурмовал Зимний, кто сражался в Первой Конной, защищал Брестскую крепость, строил новые города.

Это право завоевали для тебя, наш дорогой читатель, отцы и деды — старшее поколение. Их мудрость, их преданность делу Революции — твое бесценное богатство.

Учись у них мужеству и стойкости, верности Родине, трудолюбию и честности и всегда помни: «Есть у революции начало, нет у революции конца!»

С праздником Октября, юные пионеры!

Анатолий КОСТЕЦКИЙ

Красный флаг

Огромна, стоцветна
Земля-планета,
и флаги у стран —
различного цвета.
Но бой за свободу
рабочим классом
повсюду ведется
под флагом
КРАСНЫМ!

Дальние дороги

Мак на стебле спит зеленом
перед тем как вспыхнуть ало.
Небо спит в крыле орленка —
время взлета не настало.
Теплый дождь из туч не льется —
до поры уснул он, значит...
Спят и дальние дороги,
спят пока что в снах ребячьих.
Сто дорог — на труд, на подвиг,
в радость, ввысь, в кипенье жизни.
И в любой дороге с нами —
сердце мамы, свет Отчизны.

Перевел с украинского
В. КОРЧАГИН.

Рисунки В. КОСТИЦЫНА

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Москва 1978 г.
Издательство «Правда»

*Герои Малой земли
Марфа Антоновна и Николай Иванович Алёшичевы
у памятника Неизвестному солдату.*

Сергей ИВАНОВ

ПАМЯТНИК ИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

ОЧЕРК ТРЕТИЙ

Фотографии В. АРСИРИЯ

Седой, по лицу глубокие морщины. А в глазах грустноватая усмешка, не то удивление: неужели это мне шестьдесят восемь? Неужели это я уже сорок пять лет служу на Черноморском флоте?..

Николай Иванович Алёшичев. Кто же он?..

В ночь с третьего на четвертое февраля 1943 года на новороссийском берегу высадился батальон десантников. Началась битва за этот клочок советской земли — за Малую землю, за Новороссийск. Командиром в том отряде был Цезарь Львович Куников. Старшиной — Алёшичев.

«Десантник-куниковец»... Их осталось совсем мало — тех, кто имеет право носить этот почетный знак. У каждого своя судьба — не простая, не обычная: в опасный, рискованный этот отряд люди шли только добровольно. И, значит, характера, решительности, убежденности им не занимать!

Он родился в Москве. Детство и юность провел в подмосковном поселке Люберцы. Как и всякого мальчишку той поры, его тянуло к технике, к машинам. Едва представилась возможность, пошел на завод.

Семья их к тому времени переехала в Ростов. И Николай стал работать на паровозоремонтном заводе имени Ленина. Отсюда его призвали в Красную Армию, на флот.

Рядовой Алёшичев отслужил срочную службу и остался сверхсрочником. Словно кто-то подсказал ему, что смекалка его, ухватистость и опыт в скором времени пригодятся именно здесь, в армии...

Он продолжал служить в Новороссийске, куда и был призван старшиной береговой дальноточной батареей.

А стояла батарея, между прочим, на том самом месте, которое в сорок третьем году назовут Малой землей.

И вот грянуло то суровое время, про которое в первых сводках Совинформбюро говорилось: «Вероломный враг внезапно напал на нашу страну».

Вышло так, что к Новороссийску противник прорвался не с моря, а со стороны гор. Батарея Алёшичева, готовая сражаться с военными кораблями, вооруженная в основном бронебойными снарядами, оказалась плохо защищенной от пехоты, танков, легкой артиллерии.

Батарея приняла первые бои, расстреляла небольшой запас шрапнельных и разрывных снарядов. Орудия надо было срочно эвакуировать. Кто же этим займется в первую очередь, как не батарейный старшина?

В те тяжелые дни часто некогда было писать любую, даже самую кратчайшую бумагу. Приказы отдавались устно.

Словно невидимая печать, горели на приказах слова командира: «Любой ценой».

Любой ценой обеспечить эвакуацию личного состава и орудий.

Любой ценой добыть судно и вывезти раненых...

Любой ценой уничтожить орудия, которые не удалось спасти...

Уничтожить родную батарею — взорвать, сжечь, — а после любой ценой вернуться на базу, чтобы продолжать сражаться, чтобы отомстить врагу. И победить!

«Любой ценой» почти всегда значило: ценой жизни. Но боевая выучка и храбрость раз за разом выручали Алёшичева...

Батарее предстояло расположиться на новом месте — нелегкая, но все ж довольно спокойная боевая работа. Артиллерия дальнего действия — это, в общем, тыл, хотя и близкий, но тыл...

А едва ли не каждый моряк на базе рвался в те дни в Новороссийск. Туда, где у цементных заводов держали оборону наши войска. Туда, где с гор чувствительные удары врагу наносили партизаны.

Советское командование понимало, что прорвать фронт с северной стороны, то есть со стороны цементных заводов, — задача крайне сложная и длительная. Значит, необходим удар с юга, с моря. Необходим морской десант. Разработкой такой операции и занимался штаб Черноморской группы войск Закавказского фронта, где заместителем начальника политуправления был Леонид Ильич Брежнев.

Как мы знаем, она была осуществлена в ночь с третьего на четвертое февраля 1943 года. 16 марта Л. И. Брежнев за разработку ее получил одну из первых своих боевых наград — орден Красной Звезды.

А тогда, осенью сорок второго, требовались разведданные — оперативные, точные. Эта часть боевой работы легла на плечи особого отряда, старшиной которого стал бывший артиллерист Николай Алёшичев.

Теперь трудно даже себе представить, что это была за работа. Уходили на катере ночью. Подбирались к новороссийским берегам, к минированной, пристрелянной до метра, высвеченной прожекторами Цемесской бухте...

Но вот сумели обмануть прожекторы, и пушки, и плавучую минную смерть, — высадились там, где не ждала вражеская засада. Теперь-то и начинается работа — изнурительный поход по горам, часто без воды, без пищи по несколько суток. После удачной (а то и неудачной) операции отходили с боем, несли раненых по самым коварным тропам. И все это помня задание, продолжая разведку.

Разведка — романтика. Прежде всего романтика, правда? Так неминуемо представляется по книжкам, по кино... И я невольно задаю Николаю Ивановичу «наводящие» вопросы — про то, как он ворвался в блиндаж с гранатой в руке. Про то, как: «Ура! Вперед!» — и пошла штыковая... Из его кратких ответов понимаю: вдосталь было и этого. Но рассказывает он о дру-

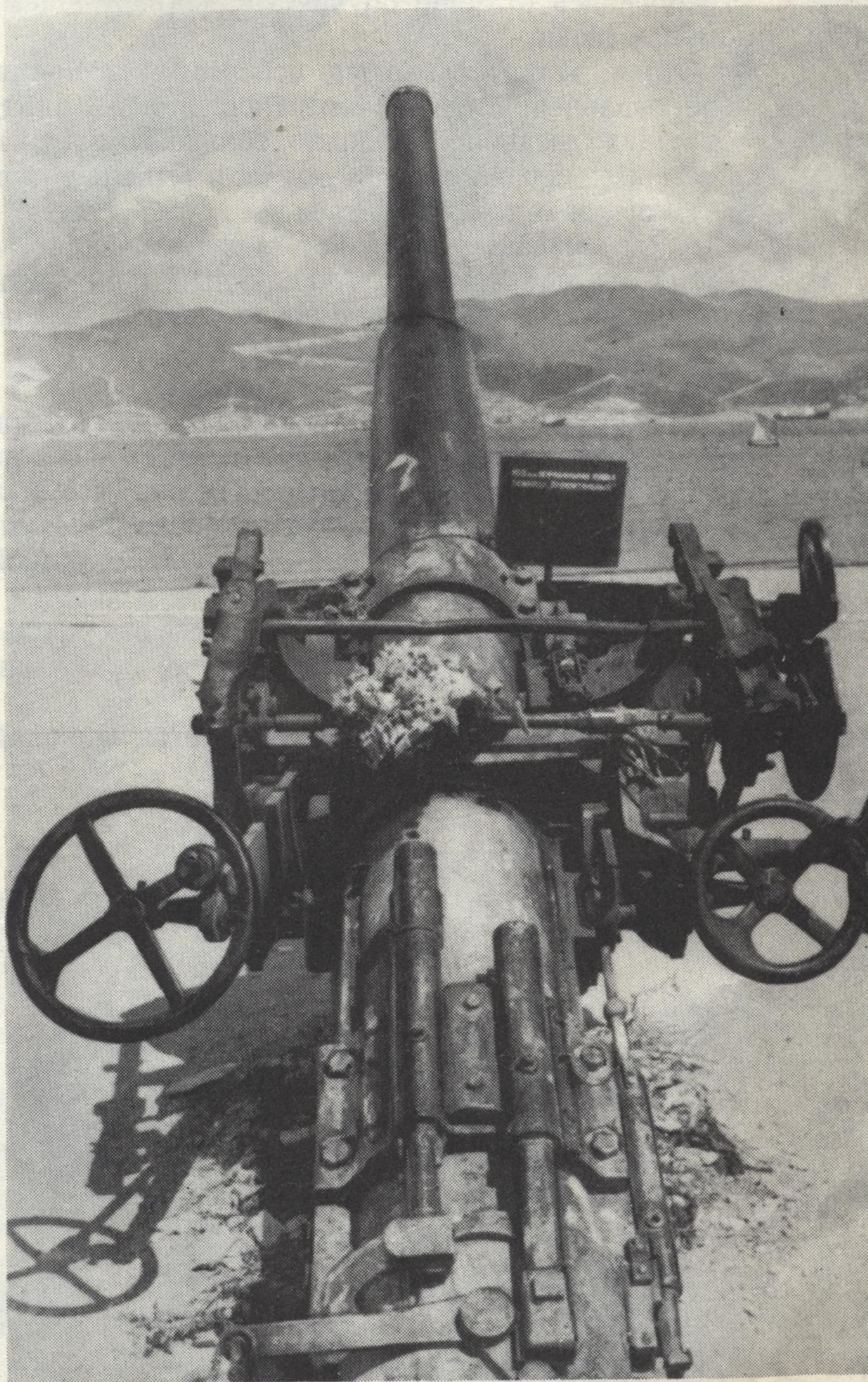
гом — о том, из чего в основном состояла и война вообще и любая разведка в частности. Черновая работа, тяжелая, бессонная, со сбитыми ногами, с кровавыми мозолями, с глухими перестрелками и со смертью товарищей.

Сидящая рядом жена его Марфа Антоновна качает головой: пришли записать рассказ героя-куниковца, а он... Что люди подумают? А правда: что?

Что он не гонится за славой. Что говорит все как есть, все как было, что главная ему награда — та самая Победа, которая, помните: «Одна на всех, мы за ценой не постоим...». И вот эту Победу Николай Иванович Алёшичев справедливо считает своей вместе с миллионными других солдат-тружеников, и живых и погибших...

К январю сорок третьего года советским командованием была разработана десантная операция. Операция сложная, рискованная. Тут

*Музей под открытым небом.
Память. Тишина...*

16 сентября 1978 года.
Торжественный марш ветеранов.
Сегодня — 35-летие освобождения Новороссийска.

требовались отлично обученные, по-настоящему смелые люди.

Стали набирать отряд особого назначения, добровольцев. Куда, зачем? Неизвестно. Задачу будущих десантников знало только командование... Да, неизвестно, но все-таки бывалый солдат мог кое о чем догадаться.

Когда выдают новенькое обмундирование, и автоматы еще в масле, и усиленный харч — значит, дело серьезное. Почтище ночных разведок. Впрочем, никто тебя не неволит...

Старшиною отряда стал Алёшичев.

Пошли тренировки. Отобранных смельчаков учили быть десантниками. Ночью подходили на катерах к неизвестному берегу (рельеф его был похож на тот, где действительно предстояло высаживаться) и по команде — за борт, с полной выкладкой.

Холод жуткий, но только из воды высунешься — еще холоднее. Обмундирование сразу как терка.

— Об этом не думали, — улыбается Николай

Теплоход «Малая земля».

Иванович. — Ура! Вперед!.. В общем, как игра была.

До поры, до времени!..

По плану готовилось два удара. Основные силы высаживались у местечка Южная Озерейка, южнее Новороссийска. Другой десант был демонстративным. Его должны были выбросить на новороссийском берегу. Цель озереевского — прорвать оборону, выйти к городу. Цель демонстративного — отвлечь противника. Так сказать, вызвать огонь на себя.

Специально обученный отряд особого назначения должен был выступить как демонстративный десант. Командиром его стал недавно прибывший в Геленджик майор Цезарь Куников. Старшиною же был Алёшичев.

Отправляясь на задание, десантники дали клятву. И еще раз каждому было сказано: «Товарищ! Если ты не уверен в себе, лучше останься». С Куниковым пошло более двухсот пятидесяти человек. И про каждого из них в «Характеристике на бойца» командир с суровой уверенностью мог написать: «Подходит физически и морально. Смерти не боится».

Третьего февраля, как раз накануне операции, задул норд-ост, крепчая с каждым часом. Любой местный человек знал, что «артналет» норд-оста продолжается не меньше трех суток. В трое не уложится, значит, дует шестеро. В шестеро не уложится — дует девятеро... Но не меньше трех...

Ветер, мороз — слезы леденеют. У черноморской соленой воды давно уже минусовая температура. Десантники радовались: «Фашисту тяжело придется!»

— А как же нашим бойцам, Николай Иванович?

— Врагу тяжело, значит, нам легче.

В полной тьме они вышли на траверс рыбозавода, где должен был проходить десант, пустили дымовую завесу, потому что знали: обнаружены будут, едва завяжется бой. Но прежде ударила наша артиллерия, обрабатывая передний край противника. Десантники шли прямо на взрывы собственных снарядов.

За Родину! За Новороссийск! Ура!..

Рукопашная. Прямо во вражеских траншеях, когда в автомате самая ценная часть — кованный приклад. Против пулеметного гнезда — гранаты. Гранат пока вдоволь... На базе, когда комплектовались, говорили: «Тушенкой будем закусывать, когда вернемся. Лучше дайте еще пару гранат. И патронов».

Тьма, разрывы гранат, бесконечная трескотня автоматов, ледяной ветер, весь исчерченный перекрестьями трассирующих очередей. Тяжелые, оглушительные взрывы. Бьет артиллерия вражеская по образовавшемуся вдруг крохотному плацдарму, советская дальнбойная — по огневым точкам противника.

А в это же самое время десант у Южной Озерейки терпел неудачу. Он вел тяжелый бой, нес большие и все большие потери. Вынужден

был отступить... А куда? В штормовое море? Кого-то успели подобрать подоспевшие катера, кто-то сумел уйти в горы, соединиться с партизанами и потом просочиться к куниковцам. Но многие и многие навсегда остались на скалистом берегу под Южной Озерейкой...

Куниковцы опрокинули первую линию вражеской обороны и даже смогли несколько продвинуться вперед. Но дальше идти было невозможно. Да и нельзя: слишком мало оставалось у майора Куникова людей, не удержать большую линию обороны.

За кратчайшее время окопались, оцетинились автоматами и пулеметами: десантники шли в бой только с легким оружием. Ни пушек, ни танков. Подкрепление необходимо как воздух. Но единственная связь с Большой землей — радио. Шторм все усиливается, суда сейчас бесильны... Шторм. Норд-ост задул третьего и будет «бомбить» не меньше трех дней...

Краткое затишье. Рассвет... Ну вот и все. Сейчас фашисты увидят, что атаковала их вовсе не вооруженная до зубов дивизия, а всего лишь несколько сот бойцов-автоматчиков. По цепи от человека к человеку идет приказ майора Куникова. «При любом тяжелом положении никто не имеет права отходить даже в тех случаях, когда ему грозит неминуемая смерть».

Да и куда тут отходить!

Враг с обычной своей методичностью жестоко обрабатывал клочок земли, который вряд ли тогда превышал площадь футбольного поля. Сперва била тяжелая артиллерия, сыпались мины. Потом, не торопясь, уверенные в полной безнаказанности, пошли целые стаи юнкерсов. Наконец, к развороченному куску освобожденного советского берега двинулись солдаты в серо-зеленых шинелях. Сколько их было? Может быть, в пять, а может быть, в десять раз больше, чем защитников.

Что рассказать об этом бое, и о следующем, и о следующем, и о двадцатом?... Противник атаковал непрерывно. Сначала десантники дрались остатками своих боеприпасов. Потом тем, что удалось захватить у гитлеровцев... Вдруг прилетел, прорвался наш самолет, сбросил несколько ящиков патронов. И еще бойцы не успели подползти к драгоценной посылке, «мессершмитты» налетели на наш ястребок. Он закачался, вспыхнул, круто завалился на крыло и пропал в штормовых волнах...

Спасибо тебе, товарищ. Прощай!

Вдруг наступила невероятная тишина. Только бухали за спиной тяжелые волны. «Смелые русские солдаты! — говорил, гордясь своим произношением, переводчик из гестапо. — Германское командование предлагает вам...» Ух, сколько оно предлагало — огромную бочку словесного меда. А в ней лишь одна ложечка дегтя: Малая земля должна быть сдана.

Гитлеровец кончил говорить. И тут в напря-

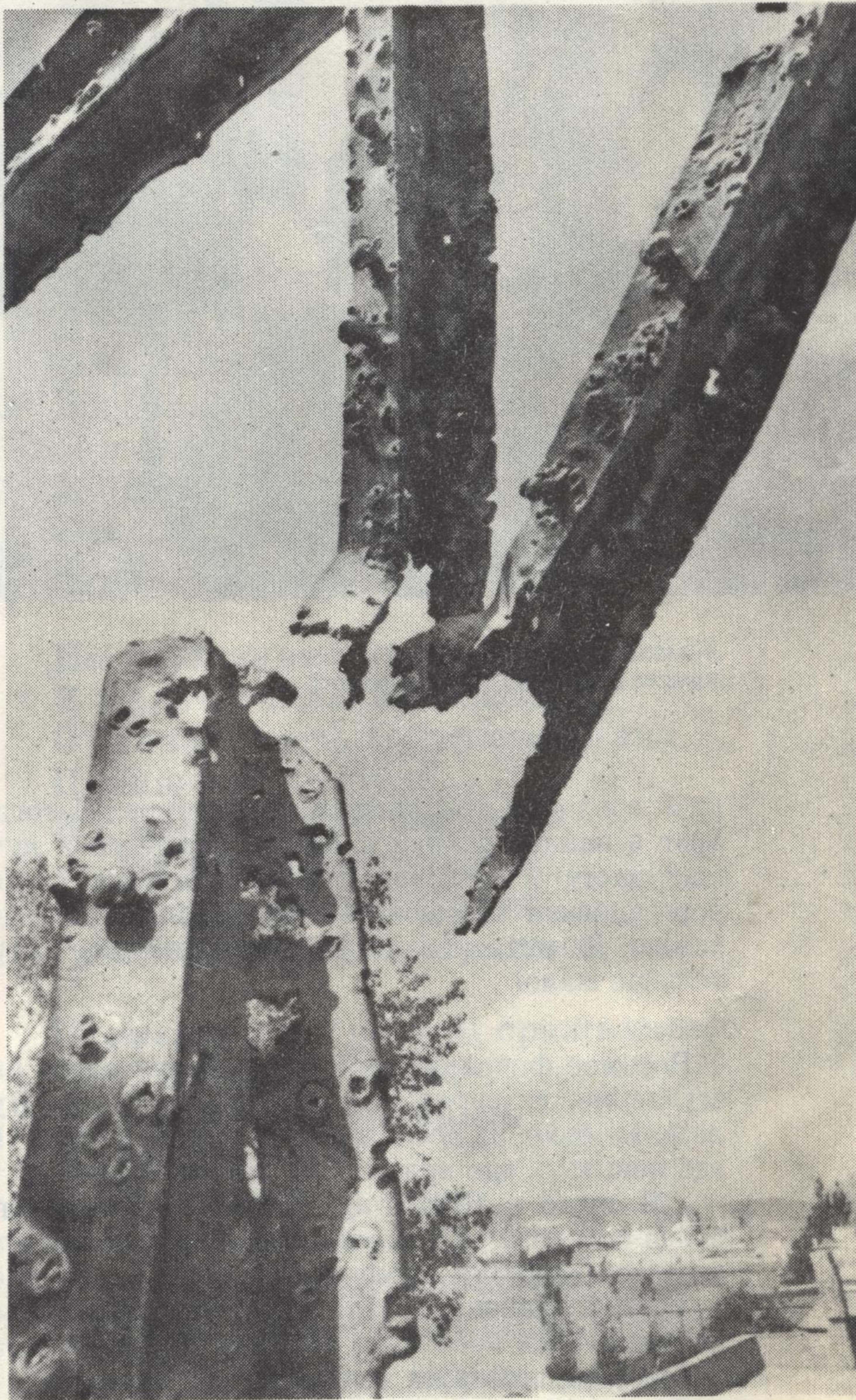
женной тишине заиграл баян и молодой голос запел разудалую русскую песню: «Эх, полным-полна коробочка. Есть там си-и-те-эц и парча. Пожале-эй, душа-зазнобушка...» И это вышло страшней для фашистов, чем самый страшный залп катюш.

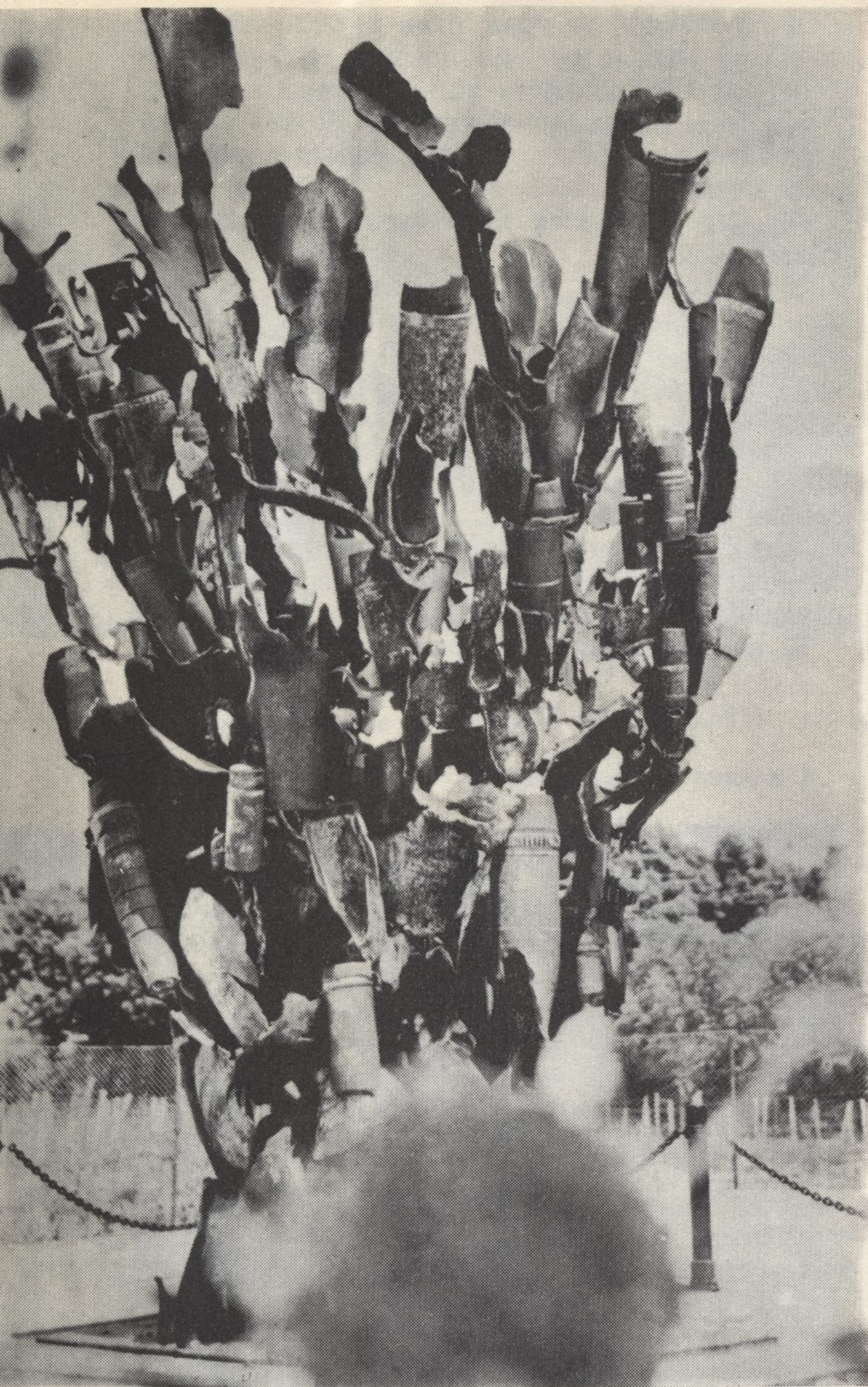
Они продержались двое суток, и каждый из них — герой.

В ночь с пятого на шестое прибыло первое подкрепление — двести бойцов. Ночью шестого высадились подразделения 255-й бригады морской пехоты. Наши пошли в наступление. Седьмого в ночь прибыли новые части. С восьмого по одиннадцатое идут ожесточенные бои. Враг, имея преимущество в воздухе, делает до ста сорока вылетов в сутки... Сто сорок разделить на двадцать четыре часа — это выходит бомбежка каждые десять минут. А наши все равно наступали.

К восемнадцатому февраля плацдарм достиг

...А железо не выдерживало.

*Железный букет —
монумент из осколков снарядов.*

уже тридцати квадратных километров. И тогда враг в панике стянул к Малой земле свои лучшие части и атаковал, атаковал, атаковал. Новороссийская заноза — так они называли Малую землю. Да нет, не заноза. Новороссийское смертельное жало!

Восьмое февраля 1943 года. Наши ведут наступление, гитлеровцы — контр наступление. Пулеметы бьют из дома в дом — через улицу. И где наш тыл, где вражеский, не разобрать.

...В штаб к Куникову принесли израненного бойца-связного. Оказывается, наши захватили элеватор: народу немного, патроны на исходе, а кругом фашисты. Кто поднесет боеприпасы? Откликнулось несколько человек. Куников оставил свой выбор на старшине: не подведет!

И здесь обязательно надо вставить рассказ Марфы Антоновны Алёшичевой.

...Я эвакуироваться не успела. Вот его все ждала, — кивает на Николая Ивановича. — А он как на батарею ушел, так и не возвращается. Тут уж бои пошли. Сильней, сильней... На чем эвакуироваться?

Жили. Уж и не знаю, как перебивались. Кругом враги зверствуют... После стали присылать повестки: к такому-то часу явиться в комендатуру, взять еды на одни сутки. Сперва думали: угоняют в Германию. А потом узнали: просто убивают!

Принесли и мне такую бумажку. Сажу за столом: что делать? На руках двое детей — дочка, года еще нет, болеет, и сыночек четырех лет... Надо уходить. Дверь заперла... Едва со двора вышла — они! «Алёшичева?» А я сказать ничего не могу, только на замок показываю: мол, ушла она, нету... И так пронесло. Чудом!

Пошла. А куда идти? Зима, холод. Еды крохи... И пошла к нему на батарею... Да нет, знала, конечно, что там фашисты. А все ближе к родному. Иду. Город пустой — кого порасстреляли, кто попрятался. На счастье, на чудо встречаю знакомого старичка: «Приютите, дядя Миша!» Две ночи я кой-как с деточками поночевала. На третью — патрули: «Партизан?» — на меня показывает, а сам смеется. А я с грудной Жанночкой на руках... Только они за дверь вышли, дядя Миша нас как толкнет. Успели упасть, и тут по окнам, через стенку: та-та-та-та!

Надо уходить и от дяди Миши. У самой окраины города, у рыбзавода, вижу разбитый домишко и в земле щель, чтоб прятаться от бомбежек. Больше идти некуда. И сидели там. Вода, снег. Еще какие-то мужчина с женщиной приползли... И вот ночью как-то гром, выстрелы, бой. И все горит! Это я уж потом узнала, что это десант Куникова. А тогда плачу да твержу: «Голубчики! Побыстрей!»

Но день, два, три проходит — бой все сильнее. Детям кушать нечего. А пить — снег наполовину с землей. И уж думаю: ну, видно, умирать!..

Старшина Алёшичев взял с собою ящик винтовочных и противогазную сумку автоматных патронов для ППШ. Больше было не унести. Передвигаться все время приходилось по-пластунски, под сплошным огнем.

Вдруг он услышал голоса и уже приготовил гранату... Говорили по-русски. Алёшичев заглянул в узкую яму...

Как он узнал в этой еле живой женщине свою жену? Как она узнала в этом измазанном пороховой копотью, кровью, землей человеке своего мужа?... И не могли сказать друг другу ни слова. Потом: «Я на задании, Мара. Я вернусь!» И уполз.

— Куников меня сразу хотел отправить на Большую землю, — говорит Марфа Антоновна. — Да как же я?... Санитарок не хватало, а бойцы ко мне: сестрица, мамаша... Куда же я уеду? Цезарь Львович: «Ну смотри, Мара, — головой покачал, — оставайся». А через четыре дня его убило...

У Марфы Антоновны нет боевых наград, кроме одной — драгоценной памятной медали, которую имеют право носить лишь куниковцы...

Начиная с марта одной из важнейших задач стала переброска на Малую землю боеприпасов, снаряжения, свежих частей. Бой на Малой шел, не переставая. Куниковцы к тому времени были переведены в береговую охрану. Старшина Алёшичев попросился на мотоботы доставки.

Каждую ночь посудины эти отправлялись на Малую землю. Я сказал «посудины», потому что это были мало приспособленные к морю и совсем не приспособленные к боевой работе суда. Скорость — четыре-пять узлов, то есть около девяти километров. Вооружения никакого: надо было побольше погрузить бойцов и боеприпасов.

А фашисты куда как понимали важность этих перебросок. И бомбили, и торпедировали, и били из береговой артиллерии. К утру едва ли возвращалось две трети судов... Не раз с такими караванами ходил на Малую землю и Леонид Ильич Брежнев.

«Подходит физически и морально. Смерти не боится»... Вот какой эпизод из тех времен рассказал мне Николай Иванович.

Однажды, в апреле сорок третьего, когда на Малой шли особенно тяжелые бои, срочно потребовался дополнительный рейс. Идти практически предстояло по дневному, открытому врагу морю.

— Кто пойдет на Малую землю?

И сразу несколько команд:

— Мы!

Что же делать? Командиры, казалось, были в некоторой растерянности. Вдруг кто-то предложил:

— А ну давай канат. Тягаться!..

— Кто же тогда перетянул, Николай Иванович?

— Наши и перетянули.

...Я смотрю на него и думаю: с кем же его сравнить? Может, с легендарным Теркиным? Грудь в орденах. Освобождал Новороссийск, Керчь, Севастополь — три города-героя. Не шутка!

Марфа Антоновна улыбается.

— Его стали осколки беспокоить. Говорю: ну, пойдешь ты на операцию. Такой смелый, говорю... А он не решается...

На новороссийской набережной стоит памятник неизвестному матросу. И памятник этот, и заново отстроенный город, и виноградники за ним, и солнце, и спокойное Черное море, и вся наша жизнь — каждая школа, каждый веселый воскресный день, каждое пшеничное поле — это все памятник ему, Известному Матросу, Солдату. Миллионам таких же, как он.

Низкий им всем поклон!

От «Боевого
листка»

22 января
16 лет! От
И желаем
час, — наст
В следу
победителя
тории.

Адам ШОГЕНЦУКОВ,

народный поэт Кабардино-Балкарии

ТАНК

Танк на нас глядит с кургана,
Память о былом храня,
И на танк два мальчугана
Взобрались, как на коня.
И в глазах — отвага, лихость,
И старанием ребят
Башня, гусеницы, пушка,
Будто новые, блестят.

Но дружинники неожиданно
К мальчуганам подошли,
С танка слезть, сойти с кургана
Приказали патрули.
Я с приказом не согласен:
— Их не трогайте сейчас,
Пусть играют наши дети,
Грозной пушки не страшась.

Насмерть мы с врагом сражались,
Чтоб играла детвора,
Чтобы окна освещались
И сияли вечера,
Чтобы утренние зори
И закатный тихий час
Человек встречал спокойно,
Грозных пушек не страшась.

Перевел с кабардинского
Семен ЛИПКИН

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ— ДЕСЯТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ!

Итак, «Боевой листок» получил ваши ответы на викторину. Хорошие, серьезные ответы. Очень трудно определить, кто победитель... Посоветавшись, жюри решило назвать победителя по каждому отдельному вопросу. Десять вопросов — десять победителей.

Им жюри вручит призы: грамоты журнала «Пионер» и книги о юных тимуровцах.

Жюри отмечает особо: ребята, которые прислали нам свои альбомы, взялись за работу над викториной не случайно, не от скуки. Они отлично работают в своих тимуровских зонах и немало рассказали «Боевому листку» об этом в письмах. Спасибо!

Итак, первый вопрос и первый победитель

В каком журнале или газете была впервые опубликована повесть А. П. Гайдара «Тимур и его команда»?

...Сначала А. П. Гайдар написал киносценарий «Тимур и его команда». К июлю 1940 года сценарий был готов и появился в журнале «Пионер» (тимуровец Марийка Цымбал, г. Котово, Горьковской области).

...А с пятого сентября по восьмое октября 1940 года «Пионерская правда» печатает повесть с иллюстрациями художника Смехова (отряд «Всадник», г. Керчь).

...Ее читали на одном дыхании. Ребята не могли дожидаться очередной почты. А пионеры со станции Косино

не стали ждать «целых два дня» и приехали в Москву в редакцию газеты, чтобы дочитать повесть в рукописи и рассказать товарищам (клуб «Сильные духом», г. Вольногорск, Днепропетровской области).

...В газете еще печатались главы «Тимура и его команды», а во дворах уже появились свои Тимуры и тимуровцы (тимуровцы 4-го «Д» класса, школы № 19, г. Никольский Джезказганской области).

...Гайдар приходил в редакцию и рассказывал о своих встречах с тимуровцами, совсем такими, как в книжке. Он был очень доволен (отряд имени А. П. Гайдара, школа-интернат № 16, г. Ульяновск).

Газета «Правда» (этот номер газеты отыскивали ребята из штаба Тимура школы № 82 г. Свердловска) писала 23 сентября 1940 года: «Дети увидели себя в этом произведении такими, какими хотят увидеть себя все мальчики и девочки Советской страны, в героях Гайдара они узнали себя, свои мысли — глубокие, благородные, чистые и сокровенные».

Лучше всех ответил на первый вопрос отряд «Всадник». «Боевой листок» не стал печатать его ответ полностью, чтобы дать слово и другим ребятам. Но победителем жюри назвало его.

Знакомьтесь: победитель викторины «Боевого листка» отряд «Всадник».

Отряд «Всадник» рассказывает

Рассказ первый

Меня зовут Наташа (жаль, Наташа не назвала свою фамилию). Я в отряде самая младшая. Мне одиннадцать лет, а отряду моему пятнадцать. Чтобы это никому не

показалось страшным, скажу историю ряда.

В 1963 году в интернате № 1 г. родился пионер. Отряд полюбил Петровича Гайдара. Его книг, много

«Ну смотри, Мара, — головой покачал, — оставайся. А через четыре дня его убило...»

У Марфы Антоновны нет боевых наград, кроме одной — драгоценной памятной медали, которую имеют право носить лишь куниковцы.

Начиная с марта одной из важнейших задач стала переброска на Малую землю боеприпасов и снаряжения, свежих частей. Бой на Малой шее не переставая. Куниковцы к тому времени были переведены в береговую охрану. Старший Алёшичев попросился на мотоботы доставки.

рождения писателя, а свои пионерские галстуки и красные тимуровские звезды хра-

нить всю жизнь. А еще они решили принять в отряд пополнение: целый год работали вместе с пятиклассниками.

И когда ушли из школы, «Всадник» продолжал жить.

Собирается наш отряд в Аджимушкayских каменоломнях, там, где сражались солдаты в Отечественную. Здесь мы обсуждаем свои дела, принимаем в пионеры и вручаем комсомольские билеты. Здесь новые члены отряда дают клятву. Здесь наш пост № 1.

Старшие члены отряда давно окончили школу. Мы проводили многих ребят на службу в армию, на учебу в техникумы и институты. Но они по-прежнему считаются членами отряда. Первым командиром у нас был Саша Можаровский. Ему сейчас двадцать шесть лет, он механик рыболовецкого судна, коммунист. Андрей Ильин, второй наш командир, служит в армии, комсомолец. А Сереже Бибику, нынешнему командиру, сейчас четырнадцать лет.

Рассказ второй

Меня зовут Виктор Дедус, мне двадцать лет, сейчас я служу в армии. В отряде я с 1970 года. Знаете, что самое главное для нас? Забота о товарище. Отряд создан в интернате, и к нам часто приходят трудные ребята. Я и сам был трудным, разболтанным мальчишкой. Мое счастье, что встретился с тимуровцами. Когда впервые попал на сбор, старшие ребята

так рассказывали об Аркадии Петровиче Гайдаре, что я ушел от них с заветной мечтой — стать тимуровцем, вступить в отряд. Через месяц меня не узнавали мои воспитатели.

Я считаю самое важное достижение отряда вот в чем: пятнадцать лет в отряде не было ни одного второгодника и двоечника, никто не ушел из отряда, ни один человек не остался в стороне от общего дела.

Рассказ третий

Меня зовут Виктор Шконда. Я окончил Одесскую мореходку и плаваю по морям, океанам. По-прежнему считаю себя членом отряда «Всадник».

У каждого подростка, наверно, есть свой идеал человека, за которым пошел бы

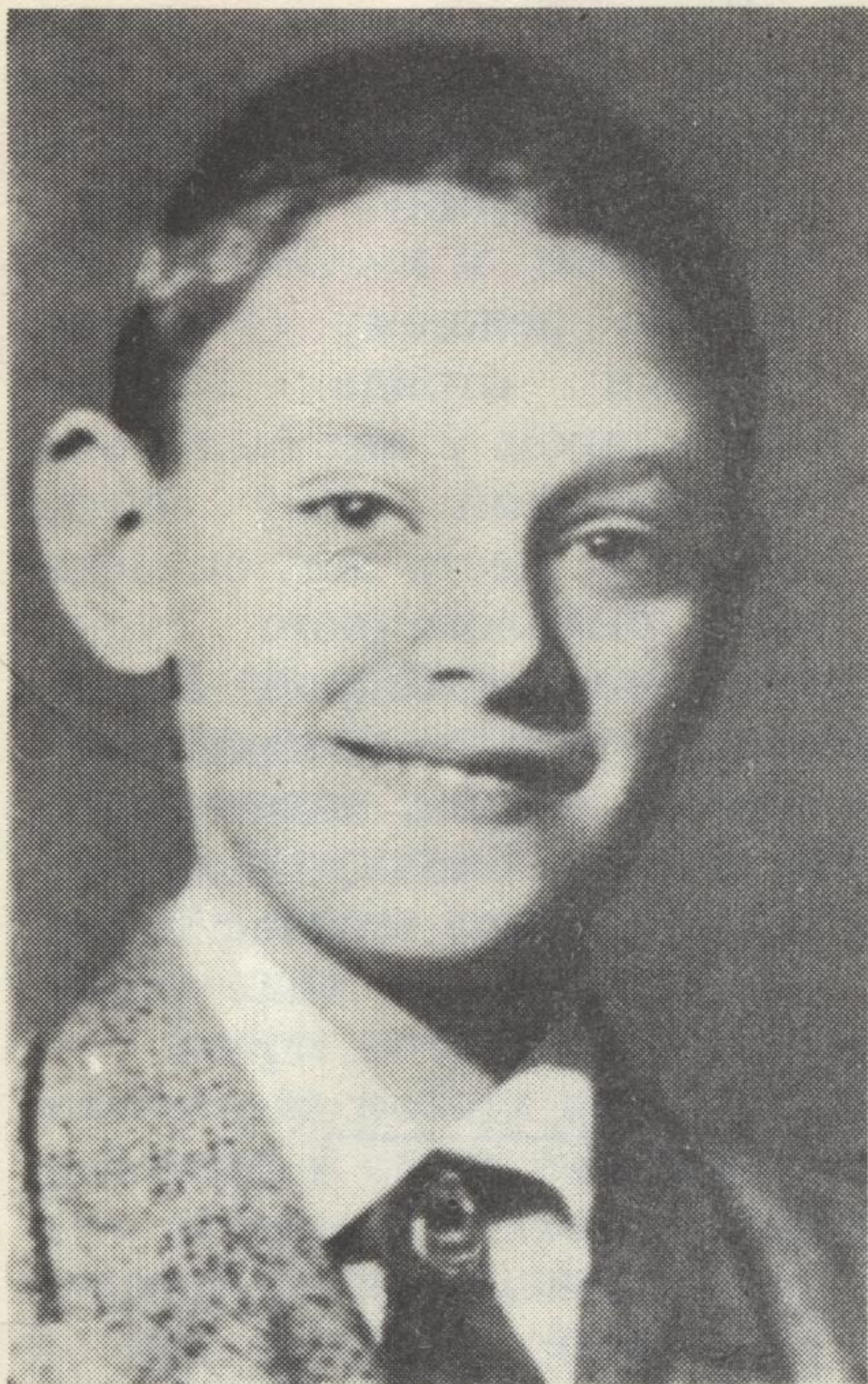
на край света. Для нас это Гайдар. В день его рождения мы собираемся. И рассказываем, как прожили год. Кто не может приехать, присылает письмо. Каждый держит ответ перед друзьями, честно ли жил, не изменял ли отрядным законам. Я думаю девиз «О себе не думай, думай о друзьях» останется с нами на всю жизнь.

От «Боевого листка»

22 января будущего года отряду «Всадник» исполнится 16 лет! Отличный возраст! Поздравляем с днем рождения. И желаем: оставайся, «Всадник», таким, какой ты сейчас, — настоящим тимуровцем.

В следующем выпуске «Боевого листка» жюри назовет победителя, лучше всех ответившего на второй вопрос викторины.

Валя Капрелов —
тимуровец военного Киева.

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

ДРУЖНАЯ, СПЛОЧЕННАЯ, БОЕВАЯ

В. КАПРЕЛОВ,
член Союза композиторов СССР

Наверное, у каждого из ребят есть в родном городе или селе какой-то особенно любимый уголок. В предвоенные годы мы, киевские ребята, любили свой детский кинотеатр «Смена» на Крещатике. Он как магнит притягивал к себе детвору.

Перед сеансами там проводились разные игры, аттракционы, выступали артисты, там мы пели хорошие песни. Красиво оформленные стенды знакомили нас с героями революции и гражданской войны. «Смена» была не просто кинотеатром, нашим любимым клубом.

От школы, где я учился, до «Смены» было всего две-три минуты ходу. И мы с товарищами по классу, сэкономив на завтраке 10 копеек (столько стоил билет), частенько сразу же после уроков отправлялись в кинотеатр. Бывало, правда, мы обходились и без денег. Дело в том, что в «Смену» взрослых без детей не пускали. И нередко кто-нибудь из взрослых просил кого-нибудь из нас:

— Ребята, возьмите меня с собой, уж очень хочется посмотреть этот фильм. А билеты на всю компанию — за мой счет.

Мы только того и ждали.

Сколько лет прошло, а я и сейчас помню названия многих кинофильмов, которые мы бежали смотреть: «Джюльбарс», «Ущелье аламов», «Концерт Бетховена», «Веселые путешественники».

Когда на экран вышел фильм «Тимур и его команда», нас просто невозможно было выгнать из зала. К тому времени мы уже прочитали в «Пионерской правде» повесть А. П. Гайдара, а в журнале «Пионер» — сценарий фильма, и гайдаровские герои казались нам самыми интерес-

ными людьми на свете. Мы старались им подражать.

Война не разлучила нас с нашим любимым кинотеатром. Однажды утром у входа в кинотеатр появился большой фанерный щит с объявлением. В нем говорилось, что все пионеры, которые хотят вступить в тимуровскую команду, должны в назначенное время прийти на линейку.

Мой товарищ Новомир Маркович Гарцуненко рассказал вам в прошлом номере журнала, как организовывалась и работала наша команда.

Норика Гарцуненко по предложению Марии Теофиловны Боярской ребята единогласно выбрали начальником штаба. И потом мы не раз убеждались, что выбор был правильным. Рослый, спокойный, уверенный в себе Норик пользовался непререкаемым авторитетом у ребят. Манерой поведения и даже обликом он был похож на Тимура из кинофильма. Помню, одна девочка как-то спросила у меня:

— Как лучше его называть — Нориком или Тимуром?

Я был звеньевым и расскажу вам о своем звене.

Мое третье звено должно было помогать семьям военных. Но делали мы все, что в данный момент оказывалось необходимым. Каждый день на линейке мы получали задание. Сегодня, скажем, мы отправляемся собирать подарки для раненых воинов. Мария Теофиловна указывает нам район, где мы будем действовать, и вручает подписной лист с печатью и штампом — каждый, от кого мы получаем деньги и подарки, распишется в этом листе. И мы отправляемся по домам.

Звоним или стучим в дверь, двери открыва-

ются, и старший нашей группы отдает салют и говорит:

— Мы, тимуровцы центральной городской команды, собираем деньги и подарки для раненых воинов. Приглашаем и вас принять в этом участие.

Киевляне встречали нас приветливо, и никогда мы не уходили с пустыми руками.

Но вот однажды в одной из квартир долго никто не открывал нам дверь. Мы настойчиво звонили. Наконец дверь открылась, на пороге стояла пестро одетая женщина. Она не пригласила нас войти, сама вышла на лестничную площадку. Ее поведение сразу же показалось нам странно суетливым.

— Сейчас, сейчас, дорогие деточки, — говорила она, — сейчас я дам вам денежки, конечно, дам, а как же.

Взяв у меня из рук подписной лист, она вписала туда необычно большую сумму и заискивающе попросила:

— Подождите меня здесь, деточки, сейчас я вынесу денежки.

Входя в комнату, она на секунду приоткрыла двери, но я успел заметить в комнате на столе полевой телефонный аппарат и провода, тянувшиеся от него к окну. Это меня поразило: время теперь военное, откуда в квартире полевой телефон? Мы понимали, что нужно быть бдительными, и я обо всем немедленно доложил Норику, начальнику штаба. Норик на следующий день сказал мне, что он сообщил о случившемся и все необходимые меры приняты.

Из рассказа Новомира Марковича вы уже знаете о том, как командир звена разведки Володя Остроменский разоблачил «слепого старика» — фашистского шпиона. Повторяться не буду, но о Володе Остроменском хочу сказать несколько слов особо.

У Володи был талант разведчика. Все мы завидовали его острой наблюдательности. Помню, перед началом сеанса в кинотеатре выступали иллюзионисты. Фокусы, которые они показывали, казались нам просто волшебными. А Володя, посмотрев фокус два-три раза, безошибочно разгадывал его секрет. Поэтому, когда Володя раскрыл секрет «слепого старика» с цветными карандашами в руках, мы не удивились.

Подарков, собранных тимуровцами, вскоре набралось много, и Мария Теофиловна сообщила, что мы поедем их вручать. Райком партии прислал грузовик, и вот мы в госпитале. Все одеты парадно, настроение у всех праздничное. Подарки обернуты ярко-красной бумагой, перевязаны разноцветными ленточками.

Но когда мы увидели бледные лица раненых, повязки с пятнами просочившейся крови, услышали сдержанные их стоны, мы особенно остро почувствовали, какая беда постигла нашу страну, как нелегок ратный подвиг воина. И еще мы хорошо поняли, что в это трудное время очень нужна наша помощь.

Раненые обрадовались нам. Лица их посветлели. Нас стали расспрашивать, как мы живем, чем занимаемся. Вручение подарков прошло

торжественно и трогательно. Потом мы читали воинам стихи, пели песни, а они рассказывали нам, как били фашистов.

Однажды к нам на линейку пришли инспектора противопожарной охраны. Они попросили нас выполнить специальное задание. В те дни фашистские бомбардировщики ночью прорывались к Киеву и сбрасывали бомбы — фугасные и зажигательные.

— Зажигательные бомбы малого калибра, — объяснили нам инспектора, — пробивают крышу дома, и на чердаке вспыхивает пожар. Если чердак очищен от всякой рухляди, то погасить бомбу не так уж сложно: были бы только песок и вода. Так что, ребята, проверьте внимательно все чердачные помещения и проследите, чтобы там не было ничего лишнего.

Со следующего же дня несколько звеньев тимуровцев занялись проверкой чердаков. И лишь немногие знали, что это задание исходило не от пожарников, а от органов государственной безопасности. Фашисты забросили в Киев диверсантов, среди которых были и так называемые «ракетчики». Во время налетов вражеской авиации они с помощью цветных ракет указывали фашистским летчикам важнейшие объекты для бомбежки. Вот эти «ракетчики» и устраивали свои тайники с ракетами на чердаках. Мы, сколько могли, мешали им и радовались тому, что мешаем врагу разрушать наш родной город.

Норик рассказывал вам и о нашем детском садике. Наше звено тоже работало там. Многие женщины, проводив мужей на фронт, становились на их рабочие места. Некоторым не с кем было оставить ребенка. Вот и приводили малышей к нам в команду на целый день, а бывало и на ночь. Наши девочки с трогательной заботой относились к своим маленьким воспитанникам. Развлекали их как могли, водили на прогулки, читали интересные книжки. А игрушек мы натащили столько, сколько, наверное, никогда не было ни в одном детском саду.

Девочки из нашего звена работали и в швейной мастерской. Однажды пришла к нам пожилая женщина и сказала:

— Я хорошо умею шить и могу научить этому и ваших девочек.

Желающие нашлись, и вскоре мастерская заработала полным ходом.

Девочки шили простыни и полотенца для военных госпиталей и нехитрую одежду для ребят из детского сада.

Помощь семьям фронтовиков считалась у нас самой важной работой. Списки семей, где были престарелые, инвалиды, больные — словом, те, кто особенно нуждался в помощи, Мария Теофиловна получила в райкоме партии. Ребята бегали за лекарствами в аптеку и вызывали, если нужно, врача, закупали продукты, готовили еду, мыли посуду, убирали.

Как-то, помню, пришел к нам старший лейтенант и попросил помочь отыскать его семью,

о которой он ничего не знал. Он служил на границе, и в первые часы войны их застава уже воевала.

— Если жена с сынишкой успели эвакуироваться, то они могли поехать в Киев к родственникам. Я в Киеве проездом, разыскать родственников не успел, адреса их не знаю, запомнил только улицу — Тимофеевская. Разыщите их, ребята!

Выполняла это нелегкое задание Муся Ткаченко. Три дня с утра до вечера ходила она из дома в дом, из квартиры в квартиру, расспрашивала дворников, старожилов и в конце концов нашла тех, кого искала.

Мы разносили повестки военкомата, письма, выполняли разные поручения городского и районного комитетов партии.

окраин, и возвращался в гостиницу поздней ночью.

Поэтому к нам он пришел неожиданно, когда большая часть ребят была на заданиях. Те, кто случайно оказался в тот день в кинотеатре, стали строиться на торжественную линейку, но Аркадий Петрович сказал:

— Не надо, ребята, давайте просто поговорим.

Гурьбой двинулись мы во двор кинотеатра. Гайдар сел на бревно. Те, кому хватило места, уселись рядом, остальные окружили его плотным кольцом.

В нашей школе до войны в пионерской комнате висел портрет писателя. Тогда, в августе 1941 года, мне показалось, что Аркадий Петрович выглядит старше и суровее. Он был в воен-

В «Смене» тимуровцы заменили контролеров. Выполняли эти обязанности ревностно, и порядок в кинотеатре был образцовым. Как-то группа ребят постарше вела себя развязно, задиристо, грозила разогнать нашу команду. «Мы вам отомстим за Мишку Квакина!» — грозились они. Они были куда сильнее нас, а мы организованней, дружнее, сплоченней, и мы победили. Мы задали им хорошую трепку, квакинцы с позором ретировались и больше нам на глаза не попадались.

Одним из самых ярких воспоминаний той поры осталась, конечно, встреча с Аркадием Петровичем Гайдаром. Гайдар часто уезжал на фронт, который был тогда уже неподалеку от

ной форме, с орденом на груди, с полевой сумкой через плечо, с трофейным автоматом. До этого еще никто из ребят не видел трофейного оружия.

Аркадий Петрович расспрашивал нас о тимуровских делах. Отвечали ему все наперебой. А когда говорил он, мы старались не пропустить ни одного слова. Говорил он о том, что сказал позже в своем обращении к тимуровцам.

Гайдар обещал встретиться с нами после войны. К несчастью, нам не пришлось больше беседовать с ним...

Но в каждом трудовом дне нашей Родины, в славных делах сегодняшних тимуровцев бьется горячее сердце Гайдара!

На сборе отряда распределяли поручения. Тебе одноклассники предложили стать вожатым октябрят. В общем-то ты не против такого поручения. Но ЧЕМУ учить малышей, КАК с ними заниматься, ВО ЧТО играть? Об этом говорит с тобой вожатая Всероссийского пионерского лагеря «Орленок» Татьяна ЖИЖИНА.

ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ...

Вспомни свой первый, самый первый день в школе. Вспомни себя, любопытного и растерянного первоклашку. Хорошо было бы, если б тогда к тебе подошел твой новый вожатый, уже «умудренный» школьным опытом пятиклассник, и сказал: «Хочешь, я познакомлю тебя с нашей школой?» Вот почему в школе, где я работала, вожатые октябрят знакомятся со своими малышами первого сентября.

Я не очень люблю, когда вожатые называют своих малышей «подшефными». Есть в этом слове что-то снисходительное. Для настоящего вожатого октябрята — друзья.

Поэтому неправы ребята, которые почему-то считают, что быть октябратским вожатым — это значит развлекать октябрят. Тогда получается, что вожатый и фокусы показывает и вприсядку танцует, а «зрители» все равно скучают.

Ты не фокусник и не массовик-затейник, ты вожатый. А у вожатого должен быть авторитет. Если ребята шумят, не старайся перекричать. Попроси остаться только тех, кому интересно. Не бойся, что останется всего три человека. Если этим трем будет интересно с тобой, в следующий раз останутся тридцать.

Больше всего на свете ребята любят играть. Вот и начни свое знакомство с ними с игры. Я думаю, это будет нетрудно: ты ведь и сам не старичок и тоже не прочь поиграть. Но ты еще и вожатый. Значит, должен понимать, что игра помогает объяснить малышам очень важные для них вещи.

Малыши пришли на прием к Доктору Айболиту. Игра? Игра. «Почему это Аня Иванова сутулится, когда сидит за партой, а Иван Чижиков ленится чистить зубы? — строго спрашивает Доктор. — Почему первый «А» забывает делать по утрам зарядку?» То, что скажет и посоветует уважаемый Доктор Айболит, ребята обязательно запомнят.

Пусть малыши сами больше придумывают и предлагают новые игры. А вот за результаты игры отвечает вожатый. «Салочки» могут превратиться в отличные спортивные соревнования.

Играя в «шоферов» и «пешеходов», можно выучить правила дорожного движения.

Многое зависит от того, что ты умеешь делать сам. Умеешь столярничать? Попробуй научить этому малышей. Шьешь из лоскутков забавные игрушки? Принеси в класс к октябрятам выкройки, иглолку и ножницы. Увлекаешься фотографией? Когда отправишься на «охоту» с фотоаппаратом, пригласи с собой и их. У тебя появится общее с октябрятами дело. А это, ты сам знаешь, лучший способ подружиться.

Ты знаешь поговорку «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»? Возьми ее себе на вооружение. Можно сто раз повторить малышам, что опаздывать невежливо, но если ты сам, назначив сбор, заставил ребят ждать, то веры твоим словам не будет.

Если ты был несправедлив, не разобрался толком в октябратской ссоре, накричал, обидел кого-то из младших, чего будут стоить твои слова о справедливости?

Октябрята должны верить тебе, вожатому. Ведь от тебя они услышат впервые рассказ о пятиконечной октябратской звездочке. И о том, что в слове «октябренок» частица священного для всех нас слова «Октябрь». От тебя они услышат о Лене Голикове, Марате Казее, Лизе Чайкиной. И о том, почему ты сам так гордишься своим алым пионерским галстуком. Это ты, вожатый, расскажешь им впервые о законах пионеров. И о том, как пионеры выполняют свои законы, они будут судить по тебе.

Очень сложный маршрут «Звездочка», очень серьезный и ответственный. Какими придут октябрята к тому дню, когда им повяжут пионерские галстуки? Это зависит и от тебя.

Предугадать все трудности, которые встретятся тебе в вожатской работе, трудно. Но ведь ты не один. Поговори со старшей пионервожатой, попроси помощи у одноклассников. А издательство «Молодая гвардия» специально для тебя выпустило книги «Приглашаем в Октябратск» и «Путешествие в страну Пионерию». Обязательно разыщи их в библиотеке.

Юрий КАЧАЕВ

ГРОЗА НАД МАШУКОМ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ
О КОМСОМОЛЬСКО-ПИОНЕРСКОМ
ПОДПОЛЬЕ В ПЯТИГОРСКЕ

Продолжение. Начало в № 10

Рисунки С. ТРОФИМОВА

«Почему они на свободе?»

Эту листовку горожане находили в почтовых ящиках, в дверных ручках. Она белела на заборах и афишных тумбах; ее передавали из рук в руки.

Начальнику «русского» гестапо Колесникову листовку чуть свет принес Рахим Махмудов. Жили они в соседних домах.

Спросонья Колесников не понял, чего от него хочет Рахим.

— Ну что вы суете мне под нос эту бумагу? Ну листовка, дальше что?

— Александр Акимович, это не самодеятельность, это типографская работа.

— Где вы ее достали?

— В вашем парадном, на двери висела.

Колесников пробежал глазами листовку и нахмурился.

— Так, — сказал он. — Подарочек. Вот что, немедленно свяжитесь с городской полицией. Пусть все наличные силы перебросят в город. И в первую очередь туда, где много народу. Всех подозрительных и болтунов — брать. Полицейским переодеться в гражданское. Ступайте. Я буду в гестапо!

— Слушаюсь! — Рахим неуклюже повернулся и вышел.

Колесников стал одеваться.

«Действительно, подарочек, — раздраженно думал он. — Этот орангутанг еще чего доброго наябедничает Винцу, что нашел листовку на моих дверях».

Колесников терпеть не мог своего помощника и про себя звал его орангутангом, что весьма соответствовало истине. У Рахима руки были неимоверной длины и походка обезьянья. Но не только внешность вызывала в Колесникове неприязнь к этому человеку. Начальник «русского» гестапо боялся своего подручного. Рахим отлично владел немецким, и часто Колесников оказывался в дурацком положении, когда Рахим и Винц в его присутствии начинали говорить по-немецки. Про что говорят — черт их знает, может, о нем?!

На улице Колесников столкнулся с женой Рахима. На ней было желтое платье, усыпанное мелкими коричневыми свастиками.

— Гутен таг, господин начальник, — пропела она, пристраиваясь к шагу Колесникова. — Что же это творится в городе? Эти типы совсем обнаглели.

— Вы про что?

— Да про листовки.

«Вот скотина, уже протрепался, — подумал Колесников о Рахиме. — А она теперь всему свету раззвонит». Махмудова работала машинисткой в городской полиции. Там через каких-то десять минут в адрес Колесникова посыплются ехидные шуточки.

— Извините, мне направо, — сказал он и свернул в ближайший переулок, чтобы отделаться от нее.

Сделав ненужный крюк, он вышел на Советский проспект, к зданию гестапо.

Несмотря на ранний час, в кабинете Винца уже сидели Фишер и Бибуш.

— А, это вы! — сухо сказал Винц, не подавая Колесникову руки. — С чем пожаловали?

Колесников молча положил перед гауптштурмфюрером листовку. Винц прочитал ее и покачал головой.

— Рас-чудесно, — медленно произнес он, поднимая на Колесникова взгляд льдисто-голубых глаз. — У меня для вас тоже есть сюрприз. Полюбуйтесь. — Колесников взял в руки тетрадную страничку. — Что это, по-вашему?

— Листовка.

— А я думал, праздничное поздравление, — съязвил Винц. — Вы знаете, кто их распространяет? И где эти люди? Почему они на свободе?

— Скорей всего сбрасывают с самолетов, — неуверенно сказал Колесников.

— А расклеивают листовки тоже самолеты? — Винц порывлся в столе и достал еще какой-то листок. — Смотрите. Этот плакат с фигой — тоже работа красных летчиков? Листовку писали дети. Понимаете, это детский почерк. Немедленно найти этих змеенышей. В конце концов кто у нас в городе начальник оперативного отдела? Вы или не вы?

— Я полагал, что для расследования подобных дел существует политическая полиция на Университетской, девятнадцать, — возразил Колесников. — Моя задача — выявление подозрительных людей.

— Узко мыслите, — заметил Винц. — Вы должны работать рука об руку с политической полицией. Задача у нас общая: установить незыблемый новый порядок. Отныне и присно и во веки веков! Вам дана власть, так пользуйтесь этой властью!

— Я уже отдал приказ произвести аресты.

— Весьма разумно и своевременно. Должен только предупредить: дело нужно поставить на широкую ногу. Даже если из ста задержанных виновным окажется только один, вас это не должно волновать. Зато у меня не будет безработных. — Винц кивнул в сторону Фишера и следователя Бибуша.

Колесников замялся:

— Да... но... если нам потом придется выпускать невиновных, по городу поползут нежелательные слухи.

— А кто вам сказал, что мы их выпустим? Чем меньше живых свидетелей, тем лучше. Вы думаете, Германия от этого останется внакладе? Отнюдь.

—хлопотно, знаете, — поежился Колесников.

— Особых хлопот не будет. Через два-три дня в город придут специальные машины. Я просил об этом лично господина штурмбанфюрера Негеле¹.

— Что это за машины?

— Увидите. Наши солдаты прозвали их «Bäckereien» — «пекарни». — Винц поднялся, давая понять, что разговор окончен.

ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

«Кто своим сообщением поможет поймать или уничтожить членов любой красной банды или пленных беглецов, получит либо 10 000 рублей вознаграждения, либо право первенства в получении продовольственных продуктов, либо право на надел земли или увеличение его приусадебного участка».

«Все население обязано сдать в комендатуру имеющееся оружие, боеприпасы, военное снаряжение и радиоприемники. Кто не выполнит приказ, будет расстрелян».

Из приказов военной комендатуры.

¹ Того самого палача Фридриха Негеле, который приказал уничтожить тысячи советских граждан в Пятигорске. После войны он стал руководящим работником полицейского президиума в Штуттгарте (ФРГ).

Новые встречи

В квартире Володи Рыжкова на Октябрьской сидели за столом четверо: Качерьянц, Спартак Никитин, Мурат Темирбеков и сам хозяин. Окна были глухо зашторены. На столе горела стеариновая свеча, слабо освещая радиоприемник, листы бумаги и карандаши, приготовленные для записи сводки.

Ждали половины двенадцатого. С первых дней войны в это время Москва передавала сводку Совинформбюро.

Качерьянц взглянул на часы и подключил к приемнику питание. Робко заалела нить накаливания в лампочке. Лицо у Юрия стало напряженным, как у слепого. В приемнике сначала послышалось попискивание, затем какое-то бульканье, перешедшее в пронзительный свист. И, наконец, раздались знакомые слова:

— Говорит Москва. От Советского информбюро...

— Записывайте, — сказал Качерьянц. — «В течение 13 августа в районе северо-восточнее Котельникова продолжались упорные бои. Огневые налеты нашей артиллерии уничтожено до 100 немецких танков, 35 бронемашин, 350 автомашин и 600 солдат и офицеров противника. На северо-западном фронте наши части уничтожили более 3000 солдат и офицеров противника. В районе Краснодара идут напряженные оборонительные бои с численно превосходящими силами противника».

Сводка была тревожной. Враг все еще продолжал наступать на многих участках фронта, но по всему чувствовалось, что его великолепно отлаженная военная машина начинает давать перебои.

Ребята по слухам знали, какой ценой достается гитлеровцам каждая пядь советской земли. Неведомыми путями в Пятигорск просачивались рассказы о жестоких непрерывных боях на кавказских перевалах, куда немецкое командование направило отборные горно-егерские дивизии. Перед ними стояла одна задача — прорваться к нефтяным промыслам.

Гитлер бросал в бой все новые и новые части, прошедшие специальную подготовку в Гарце и Австрийских Альпах. И каждый раз безуспешно. Тысячи гитлеровских солдат остались навсегда на ледяных кручах Кавказа.

На второй день оккупации в доме Никитиных поселились немцы, и Екатерина Александровна с сыном перебрались на Университетскую, в тесную комнатку с одним-единственным окном, глядевшим во двор. Здесь по крайней мере можно было не видеть всякий час рожи постояльцев, стирать их белье и мыть у них полы.

Сегодня Никитина ждала гостью. Спартак предупредил, что к ним после смены зайдет Нина Елистратовна. К ее приходу Никитина вскипятила на керосинке чай, достала алычовое ва-

ренье, еще из довоенных запасов. Кроме варенья и каменной крепости сухарей, в доме ничего не было.

Бондаревская пришла около шести. Раньше женщины не были знакомы, хотя и знали друг друга в лицо.

— Вы так нам помогли, — сказала за чаем Нина Елистратовна. — Просто не знаю, как вас и благодарить. Пятерых мы уже переправили. Документы оказались в полном порядке.

— Меня не за что благодарить. Это вам спасибо. И за сына и за других ребят. За то, что поддерживаете в них веру в победу. Ведь у них у всех отцы на фронте! И сыновья воюют тоже. Страшно за них, сердце всё время будто в тисках. Проснусь другой раз ночью и думаю, думаю. Может, нужно бы побережь наших мальчиков, сохранить их для будущей мирной жизни? Дети ведь, ничегошеньки еще не видели. — Никитина прикрыла глаза рукой. Пальцы ее вздрагивали.

— Не надо, — тихо попросила Нина Елистратовна. — Они бы тогда перестали нас уважать. Я счастлива, что у нас такие сыновья.

Прощаясь, они условились о новой встрече. Проводив Нину Елистратовну до порога, Никитина сказала:

— На днях я встречусь с Федором. Если это тот человек, которого я знаю по рассказам мужа, то все будет в порядке.

— А стоит ли рисковать?

— Стоит. Нам позарез нужна связь с партизанами. Я приму все меры предосторожности, в капкан не попаду.

— Ну, тогда желаю удачи.

Планшет желтой кожи

Вернувшись домой, Нина Елистратовна узнала, что Юрий вместе с Муратом и Левой Акимовым отправились в город. Сын оставил на столе записку, она кончалась словами: «С охоты придем поздно. Не волнуйся».

Легко сказать, не волнуйся, когда скоро восемь, а с восьми — комендантский час.

Но она нервничала напрасно. Сын вернулся вовремя — перемазанный с головы до пят, измученный, но с сияющими глазами. Первым делом он выставил в соседнюю комнату брата, закрыл за ним дверь и вдобавок прислонил к ней стул.

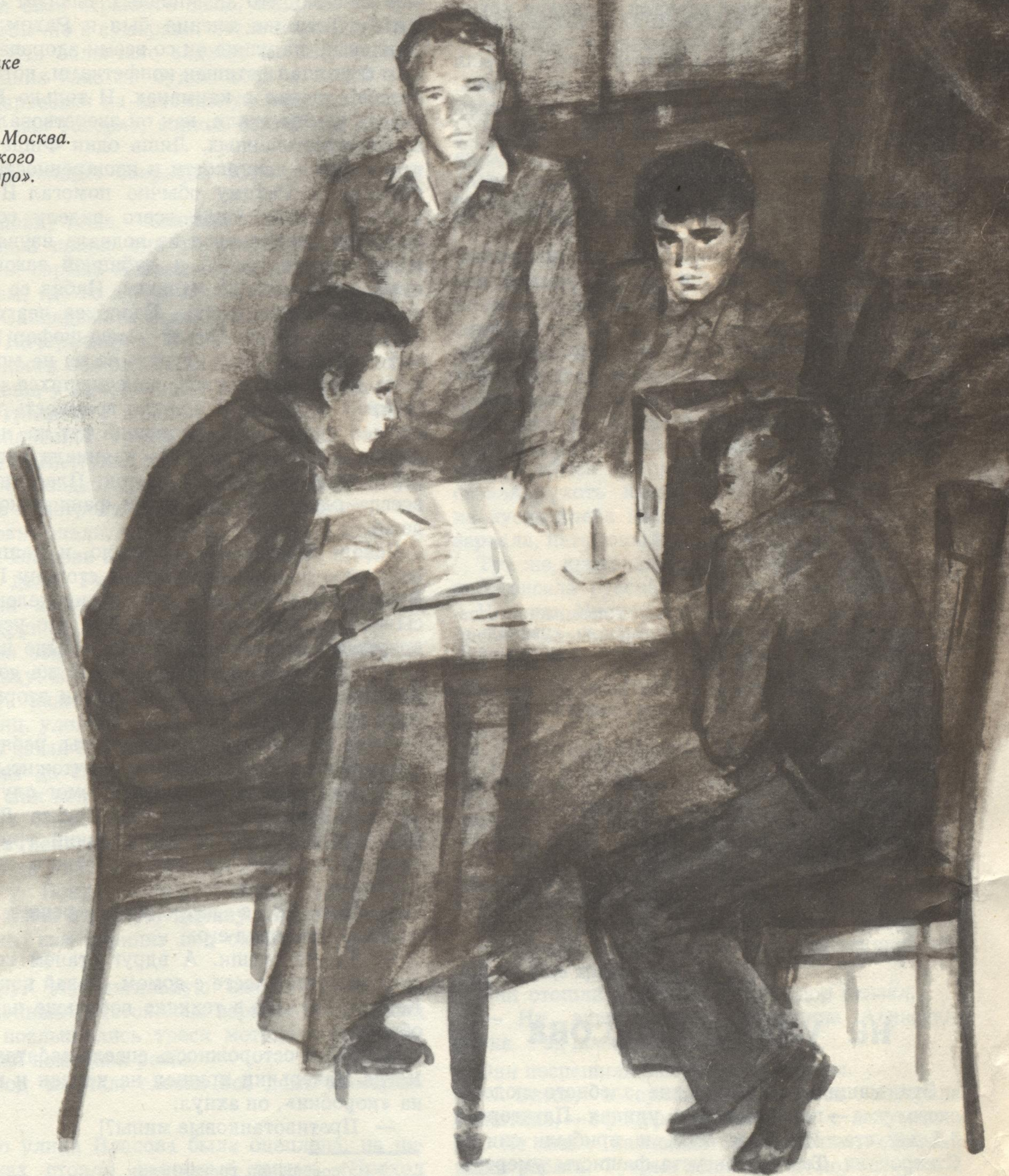
— Ну, мама, можешь нас поздравить. — Юра полез под куртку и вытащил офицерский желтый кожи планшет, туго набитый бумагами. — Часа три караулили. Они подъехали к кабаре у Цветника и пошли обедать. Двое офицеров в черной форме, погоны серебряные. Шофер остался в машине. Машина открытая — «мерседес-бенц». А мы видим, что они пошли пустые — ни планшета, ни портфеля. Ну, думаем, теперь только не зевать. Лишь бы шофер хоть на минутку отлучился. А он, паразит, достал какую-то книж-

ку, уткнулся в нее — и ни с места. В Цветнике народу никого, самый подходящий момент. И машина стоит впритык к тротуару — из кабаре ее не видно. Короче, немцу нашему, видно, приспичило, и только он в двери кабаре — я к машине. Схватил планшет с заднего сиденья — и деру! Вот шуму-то у них будет! — Юра весело рассмеялся.

— Иди умойся и садись ужинать. Вы молодцы, ребята!

Нина Елистратовна развернула планшет и стала доставать из него бумаги, написанные на

*Наконец
в приемнике
раздались
знакомые
слова:
«Говорит Москва.
От Советского
информбюро».*

машинке, с грифами и печатями, чистые бланки, увенчанные германским орлом, карту с пометками. На некоторых документах стояло. «Streng geheim» («Совершенно секретно»).

Эти бумаги жгли руки, хотелось немедленно проникнуть в их смысл, скрытый за колючим готическим шрифтом. Но Нина Елистратовна разбирала немецкий с пятого на десятое и сейчас ругала себя последними словами, что и в школе и в пединституте относилась к нему равнодушно — лишь бы «спихнуть зачеты». А ведь какой-то мудрец недаром сказал: «Человек столько раз человек, сколько он знает иностранных языков».

Юра, вернувшись из кухни, жадно набросился на борщ, в котором плавали одинокие кружочки конской колбасы.

Даже если бы у Нины Елистратовны и были деньги, то на них все равно ничего не купишь. Цены на базаре фантастические: килограмм хлеба стоит 250 рублей, масла — 6000, сала — 7000, стакан соли — 200 рублей. А рабочие на мотороремонтном получают всего пятьсот да по карточкам килограмм хлеба в неделю. (Его выпекали из эрзац-муки.)

Таков был «новый порядок», установленный фашистами. В поддержание его комендатура вывесила приказ: «Все трудоспособные жители Пятигорска в возрасте от 16 до 55 лет обязаны трудиться. В случаях самовольного выезда из города, а также неявки по повесткам биржи труда в течение 7 дней виновные привлекаются к ответственности как за саботаж, а имущество их конфискуется».

ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

«Работая автомехаником, я имел возможность ознакомиться с устройством автомашин, специально приспособленных для удушения — уничтожения людей отработанным газом.

Устройство было таково: кузов имел форму вагона, без окон, внутри обит кованым железом. При работе мотора весь отработанный газ идет внутрь кузова этой герметически закрытой машины. В результате скопления газов находящийся в кузове человек через непродолжительное время умирал. Кузов машины может вместить 70—80 человек. Он имеет на левой стороне, вблизи мотора, металлическую дощечку с надписью: «Завод автокузовов акционерного общества в Берлине».

Из показаний
немецкого военнопленного

Взрыв на улице Власова

Эти машины — порождение злобного людоедского ума — появились на улицах Пятигорска 15 августа. Их было две, и прибыли они из Ставрополя. Там 10 августа фашисты умертви-

ли в этих машинах 660 больных, лежавших в краевой клинике¹.

«Газваген» называли их гитлеровцы, душегубками — русские.

Уже несколько дней по приказу Винца в городе проводились «акции» — повальные обыски, облавы и аресты. «Профилакторий» во дворе гестапо и подвалы бывшей армянской церкви были набиты битком. Людей хватили дома и на улицах: за каждое неосторожно сказанное слово, по малейшему подозрению и просто потому, что лицо человека не понравилось фельд-жандарму или полицая.

Начальник «русского гестапо» Колесников хорошо запомнил слова своего шефа: «А кто вам сказал, что невиновных следует освобождать?» Того же мнения был и Рахим. Тихий, вежливый, на улице он со всеми здоровался первым и угощал детишек конфетками, которые постоянно таскал в карманах. И только Колесников да немцы знали, как он зверствовал, допрашивая арестованных. Лишь один Фишер не уступал ему в жестокости и изощренности пыток. Фишеру и Рахиму обычно помогал Волобуев. Этого полицая чаще всего видели горожане, когда он выволакивал из подвала изувеченных, полураздетых людей и дубинкой загонял их в кузов поджидавшей машины. Набив ее до отказа и захлопнув дверь, Волобуев лез осматривать низ кузова. Потом немец-шофер включал мотор. Мотор сильно гудел, но он не мог заглушить истошных криков, доносившихся из душегубки. Волобуев на полную громкость включал старый граммофон, стоявший тут же на ящике из-под консервов, и труба начинала реветь сотней здоровых мужских глоток. Пластинка была всегда одна и та же: марш фашистской молодежи.

Вскоре в кузове все стихало, и машина увозила свои жертвы за город, в сторону Провала. Душегубки работали в строго определенные часы — перед закатом солнца. Так что установить время их возвращения в город было нетрудно. И ездили они всегда одной и той же дорогой — по улице Власова, куда выходили вторые ворота гестапо...

С тех пор как прибыли машины, ребята ломали голову: каким образом уничтожить их или хотя бы вывести из строя? Помог случай. Однажды Юра Бондаревский, Витька Дурнев и Колотилин забрались в немецкий грузовик и притащили три круглые болотного цвета коробки.

— Наверно, с патронами, — решил Дурнев, но Юра остановил его:

— Ты не спеши. А вдруг станем ковыряться и взлетим вместе с домом. Давай покажем их Качерьянцу. Он в технике побольше нашего соображает.

И Юрина осторожность спасла ребятам жизнь. Когда Качерьянец пришел на чердак и взглянул на «коробки», он ахнул:

— Противотанковые мины?!

¹ Из сообщения Госкомиссии.

Витька Дурнев побледнел.

— Вот так-то, Шагораш, торопыга! — сказал ему Бондаревский. «Шагорашем» друзья прозвали его не зря. Витька смерть как не любил долго раздумывать. Всегдашней его присказкой была военная команда: «Шагом арш» — «Шагораш!» и никаких гвоздей!

— А ты знаешь, как управляться с этими штуками? — спросил Качерьянца Колотилин.

— В военном кружке проходили. И мины, и оружие, и радиодело. А что вы, собственно, задумали?

— Взорвем душегубки! — И Бондаревский рассказал, что известны время и обратный маршрут «газвагенов».

Сделав свое страшное дело, машины возвращались обычно в сумерках, после комендантского часа. Это облегчало задачу. Во всяком случае, лишних глаз не будет, хотя в любой миг можно нарваться на автоматную очередь патруля. Но, как говорят, волков бояться, в лес не ходить.

О предстоящей операции Юра предупредил мать.

— Я пойду тоже, — сказала она.

Дозорные посты они распределили заранее. Место для взрыва выбрали поглуше, поближе к переулкам, где на худой конец можно будет укрыться. Закладывать мины было поручено двум Юрам — Качерьянцу и Бондаревскому. На случай опасности оба они были вооружены пистолетами. И еще у Качерьянца в кармане лежала немецкая граната с длинной деревянной ручкой.

В назначенное время все разошлись по своим местам. Наступал комендантский час, и всюду было безлюдно. Даже собаки, которых не успели еще пристрелить фашисты, не подавали голоса, словно знали, чем это им грозит.

Улица Власова была тут немощеной, и это облегчало дело. Работая саперной лопатой, Бондаревский выкопал три ямки — две в полутора метрах друг от друга и одну позади.

— Они обычно едут впритык, — объяснил он Качерьянцу. Затормозить не успеют.

— Ну, кажется, порядок, — сказал наконец Качерьянец, уложив мины и присыпав их землей. А теперь давай бог ноги...

Ребятам до смерти хотелось своими глазами увидеть, как взлетят на воздух ненавистные машины, но Нина Елистратовна твердо сказала:

— Это ненужный риск. Будет облава. Все переночуете у нас...

Сидя у Бондаревских, ребята напряженно вслушивались в вязкую тишину. Но слышно было только, как скрипит под окном старая акция.

И вдруг эту могильную немоту раскололи приглушенные расстоянием взрывы. Потом под окнами послышались треск мотоциклов и возбужденная немецкая речь.

А город молчал, словно все дома вымерли.

Наутро улица Власова была оцеплена, на перекрестках стояли фанерные щиты: «Проход

воспрещен», «Ремонт дороги и канализации».

Жители, прочитав объявление, поборачивали назад, с трудом скрывая злорадные ухмылки.

— Это для дураков ремонт, — говорили потихоньку в городе. — Канализация! Хороша канализация, когда на Власовской все стекла по-вылетели.

Так закончили свое существование «газвагены». Полицай Волобуев перестал заводить пластинку со своим любимым гимном, но он ждал часа, когда вновь сможет истязать беззащитных людей и загонять их дубинкой в душегубку. И через несколько дней дождался своего смертного часа.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО.

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 17 АВГУСТА.

По уточненным данным, в бою южнее Воронежа наши части разгромили 694 полк. Противник потерял только убитыми 1450 солдат и офицеров. Уничтожено 75 дзотов, 2 немецких танка, 15 противотанковых орудий, два шестиствольных миномета.

На Ленинградском фронте наши разведгруппы, снайперы, артиллеристы и минометчики уничтожили не менее 600 солдат и офицеров противника.

На барахолке

Через Диму Корабельникова Никитина договорилась о встрече с Федором на барахолке. Ровно в полдень она с хозяйственной сумкой в руке пришла на место. Народу было много. Да и не мудрено: жизнь с каждым днем дорожала, и люди в обмен на продукты несли все, что представляло хоть какую-то ценность. Обменивали на кусок хлеба костюмы и кофточки, отрезки и зеркала, патефоны и ботинки.

Тут же прохаживался Волобуев. За плечом у него висела русская винтовка-трехлинейка.

Наконец Никитина увидела Федора. Черноволосый, плотный, среднего роста, с ямочкой на подбородке — так описал муж этого человека, когда уходил из города.

Никитина подошла к нему и негромко спросила:

— Курева не желаете, гражданин?

Федор внимательно посмотрел на нее.

«Глаза зеленоватые, нос чуть вздернут, — отметила она. — Все вроде сходится».

— Дорого, небось, тетка? — поинтересовался он. — Табак-то хоть хороший?

— Довоенный. Трубочный.

Это был пароль. И Федор назвал отзыв:

— Ладно, давай поглядим. А то всучишь какой-нибудь травы.

Они отошли в сторонку, и Федор сказал:

— Ну, здравствуйте, Екатерина Александровна. Рад познакомиться.

Они поспешили выбраться из толпы.

— Здесь, в сумке, — вполголоса говорила Никитина, — офицерский планшет с документами. Не знаю, насколько они важны. Добыли наши ребята. Тут же записаны номера машин и

Часа три
караулили
ребята...

срисованы знаки. О взрыве душегубок вы, наверное, слышали?

Федор кивнул.

— Еще мальчики понемногу достают оружие.

— Сводки Информбюро — их работа?

— И сводки. А еще прокалывают, где могут, покрышки у грузовиков.

— А вот это глупость несусветная, — рассердился Федор. — Вы-то, взрослый человек, должны понимать, что немцам сменить проколотые шины минутное дело. Ребята же из-за такого пустяка рискуют жизнью. Категорически запретите. И все время напоминайте им об осторожности. В детях, знаете, много безрассудной, отчаянной смелости. Иногда совсем ненужной.

— Вы, часом, до войны не в школе работали? — вдруг спросила Никитина. Федор удивленно посмотрел на нее.

— Преподавал немецкий. А что?

— Да в вас за версту виден педагог и психолог.

— Это, кстати, одно и то же. — Федор взглянул на часы. — Мне пора. Огромное вам всем спасибо.

— До свиданья, — сказала Никитина, передавая ему сумку. — Очень рада, что теперь у нас есть связь. И есть для кого добывать сведения. А то жили как на необитаемом острове.

У Корабельниковых Федор застал только Агафью Никитичну.

— А где Анатолий и Дима? — спросил он.

— Кто их знает. К обеду сулились обязательно быть дома.

— Вот что, бабуся, если вас не затруднит, сходите на базар! — Федор протянул старухе деньги и, едва она вышла, достал из сумки планшет и стал разбирать бумаги. Перелистывая страницу за страницей, он бормотал:

— Ну, молодцы, ну, золото ребятки!

Бывший владелец планшета оказался офице-

ром связи в штабе самого фон Клейста, командующего группой армий «А», которая действовала на Кавказе.

Некоторые документы, очевидно, самые важные, были зашифрованы, но и открытый текст давал очень многое. Здесь же был план карательной операции против партизан в районе Нальчика.

«Я бы этому полоротому дураку медаль дал», — с усмешкой подумал об офицере Федор, складывая документы в планшет.

ИЗ БЕСЕДЫ П. И. ДЕНЬГУБОВА С ДМИТРИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ КОРАБЕЛЬНИКОВЫМ

«...Прожив у нас с неделю, дядя Федя и Анатолий как-то после обеда сказали:

— Спасибо вам за все, бабуся, мы уходим, но навещать к вам будем. Ты, Дима, если встретишь нас с Анатолием в городе, не удивляйся. И не подходи к нам.

Два дня после этого я ходил по городу, все надеялся увидеть их. На третий день на Октябрьской улице, у рынка, я столкнулся с Анатолием, на левом рукаве его пиджака была повязка полиция. Я раскрыл глаза от удивления. Он подал мне знак, чтобы я шел за ним. Завел меня за угол и, смеясь, спросил:

— Что, не ожидал?

Я молча кивнул головой.

— Ничего, парень, не теряйся. Так надо,

— А дядя Федя?

— И дядя Федя в полициях служит. Живем мы в общежитии, в бывшем пединституте. Но ты туда — ни ногой.

— У меня дома немецкие документы.

— Ладно. Попозже загляну к тебе.

Вечером пришел дядя Федя, принес продукты бабушке и мне пиджачишко. Знал, что я обносился. Просмотрел документы, забрал их, а планшет посоветовал закопать.

Мы продолжали охотиться за машинами. О моей связи с Федором и Анатолием никто из ребят, кроме Юры Бондаревского, не знал.

Однажды, числа двадцатого августа, мы утащили из военной бронированной машины на Красноармейской улице два пистолета и портфель с документами. За ними пришел Федор. Пистолеты мы оставили себе, а портфель отдали ему. Он просмотрел документы, карты и сказал:

— Ребятюшки-козлятушки, да вы знаете, какую услугу оказали Родине? Благодарю!
И пожал руку мне и Бондаревскому.

ИЗ КНИГИ
«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

Объявление

1. Кто укроет у себя красноармейца или партизана или снабдит его продуктами или чем-либо ему поможет, тот карается **смертной казнью через повешение**. Это постановление имеет силу также и для женщин.

2. В случае, если будет произведено нападение, взрыв или иное повреждение каких-либо сооружений германских войск, как то: полотна железной дороги, проводов и т. д., то виновные будут в назидание другим **повешены на месте преступления**.

Новая диверсия

Кабель на Горячей горе первым обнаружил Володя Рыжков. С этой вестью он примчался вечером к Мурату Темирбекову. Шаира Гаджиевна, мать Мурата, жарила лепешки из кукурузной муки.

— Садись, гостем будешь, — пригласила она Володю. Тот сглотнул слюну и вежливо отказался.

— Садись, тебе говорят.

Володя сел за стол рядом с Мариком (так звали Мурата дома) и взял лепешку. Она обжигала нёбо и казалась необыкновенно вкусной, вкуснее всякого довоенного пирожного. Впрочем, пирожные и до войны Володя пробовал нечасто: семья у сестры была большая, и всю получку он приносил в дом. Собственно, и на мотороремонтный он пошел только затем, чтобы не сидеть на шее у сестры.

Перекусив, ребята вышли на крыльцо.

— Есть дело, — начал Володя и коротко рассказал, как он с голодухи залез в чей-то сад у подножия Горячей горы и случайно наткнулся на кабель. — Толстый, почти в мою руку. У тебя ножовка найдется?

— Ножовку достать не мудрено, — отозвался Мурат. — А вот как из дому удрать? Мать нашла гайки, которые мы от машин отвинчивали, и в крик. Даже по-кумыкски ругалась, а это уже верный признак, что она до белого каления дошла.

— Закопать не мог? Гайки-то?

Мурат промолчал.

— Ну, ладно, неси ножовку. Мы с Эдькой сходим, а заодно и Карпуню в деле проверим. Он давно просится.

— Это какой Карпуня? С Кабардинки?

— Он самый. Парень вроде свой. Но я ему пока ни о чем не говорил.

— И не надо. Проверить его можно на другом, а сегодня с вами пойду я.

— А мать?

— Через балкон удеру. Приходите с Эдькой как только стемнеет...

Мурат не подвел. Когда Володя и Эдик Попов пришли на Теплосерную, он уже ждал их с ножовкой, завернутой в мешковину.

Ночь собиралась ветреная. Где-то за Машуком изредка порывивал гром, как большой проснувшийся зверь. По всему было видно, что надвигается гроза.

Пошли задворками и огородами. Там, где приходилось все-таки пересекать улицу, перебежали поодиночке.

Когда добрались до места, стегнули первые прутья дождя, и небо над головой, ахнув, раскололось. По нему, словно светящиеся трещины, пробежали молнии.

— Вон он, глядите, — сказал Рыжков. Перед ними жирной змеей извивался кабель. — Мурат, начинай, а мы покараулим.

Ножовка легко взяла изоляцию, но дальше дело пошло труднее: проволока — не резина. Через несколько минут Мурата сменил Эдик. Потом пилил Володя. Наконец, что-то хрустнуло внутри кабеля, и в руках у Рыжкова оказались два конца.

— Надо смываться, — сказал Эдик.

Но Володя возразил:

— Пока фрицы пройдут с проверкой по городу, мы им другой фокус устроим.

«Фокус» он придумал такой: шагов через сорок еще раз перепилить кабель и вырезанный кусок спрятать подальше. Так они и сделали. Обрезок «змеи» они оттащили за гребень горы и, свернув кольцом, забросали глиной.

Дождь перешел в обвальный ливень.

— А теперь в город. Пускай гады попляшут, — сказал Володя.

Мурат вернулся домой, промокший насквозь и грязный до самых бровей. Мать не спала. Взглянув на сына, она тяжело вздохнула, и принесла таз теплой воды.

— Ну, что мне с тобой делать? — со слезами в голосе спросила она. — Бить?

Мурат, не отвечая, разделся и стал смывать с себя глину.

— Бить тебя, дурака, спрашиваю? — закричала мать. — Вы же с огнем играете!

Сын устало, совсем по-взрослому посмотрел на нее:

— Это не игрушки, мама. Это война. Неужели ты не понимаешь?

— Да вас убьют! Убьют ведь!

— Пусть. Но мы их на своей земле не потерпим.

Он говорил спокойно, не повышая голоса, и это было для матери самым страшным, она поняла, что ни угрозы, ни мольбы не помогут. Мальчик на ее глазах становился мужчиной. Он знал, что говорит и что делает.

На заре того же дня Витка Дурнев и Юра Бондаревский привели лейтенанта Маркова к тайнику. Это была неширокая трещина между двумя каменными уступами. Один из них нависал козырьком, укрывая тайник от дождя и горных ручьев. Ребята быстро раскидали камни и

валежник, сбросили старую плащ-палатку, и Марков увидел аккуратно сложенное на куче ве-тоши боевое оружие: два немецких автомата, три карабина, трехлинейка, два «вальтера» и пистолет ТТ. Отдельно лежали гранаты — немецкие и наши. Все оружие было густо смазано солидолом. В самом низу тайника золотились патроны — в обоймах и россыпью.

— Это когда же вы успели? — поразился Марков. — Ну и парни! Ну и орлы!

Про себя ликуя, ребята сделали вид, что похвалы они в общем-то не заслужили и говорить тут вроде не о чем.

— Нам бы с вами только до победы дожить, — помолчав, продолжал лейтенант. — Да что там до победы! Как только сюда вернется Красная Армия, я вас разыщу. И Эдика и Спартака тоже. Даю слово офицера. А теперь придется нам попрощаться. Сегодня в ночь мы уходим. Будем пробиваться через линию фронта. Все-таки нас не так уж мало — девятнадцать человек, и все обстрелянные.

— А если не удастся? — спросил Юра.

— Уйдем в партизаны. Ниточка к ним у нас есть. А воевать везде можно, лишь бы без дела не сидеть. Ну, до скорой встречи, парни. Дайте я вас расцелую, хоть по уставу это и не положено.

Марков по очереди обнял Юру и Витку, поцеловал и, слегка припадая на правую ногу, пошел к пещере, где его ждали товарищи. На повороте лейтенант обернулся и поднял руку. Никто из них не знал тогда, что свидеться им больше не суждено.

Наскоро замаскировав тайник, ребята вернулись в город.

Новички

Начальник «русского» гестапо подошел к зданию бывшего пединститута. Теперь здесь было общежитие городской полиции.

Колесникова интересовали два новичка, недавно принятые в полицию. Старший из них, Федор Бердюков, вызывал в начальнике оперотдела не то что подозрение, а какое-то смутное беспокойство. Он был почтителен, но за этой почтительностью проскальзывало то ли презрение, то ли высокомерие. По документам и Федор и Анатолий числились рядовыми красноармейцами. Оба дезертировали, как и Колесников. Причина дезертирства была обычной: поняли, что война проиграна и шутить со смертью дальше не стоит. И тот и другой — уроженцы Смоленщины. Проверить это не удалось: село их было дотла сожжено, а уцелевшие жители разбежались.

Новичков поселили вместе с двумя «старыми» полицаями Гришаном и Краснощековым (так распорядился Колесников). Бывшая аудитория, где они жили, была заставлена разнородной мебелью — какими-то купеческими кроватями, музейными столами с гнутыми ножками, диванами и оттоманками. Стояло здесь даже трю-

мо, которое с разрешения Колесникова приволок из гостиницы «Бристоль» Краснощеков.

Когда Колесников вошел, перед этим зеркалом стоял Бердюков и брился. Увидев начальство, он чуть заметно кивнул. Остальные приняли стойку «смирно».

Колесников сел против зеркала на один из диванов и, закулив, сказал:

— А знаете, Федор Анатольевич, у меня для вас есть новость. В Овсянке на Смоленщине вы никогда не жили. Я проверил.

Рука Федора, в которой он держал опасную бритву, даже не дрогнула, только уголки губ скривились в насмешливой улыбке.

— Что еще? — спросил он.

— Пока и этого достаточно.

— Дешевая покупка, Александр Акимович. Не пройдет. — Федор вытер влажным полотенцем лицо и повернулся к Колесникову. — Я не пойму только, за что вы меня невзлюбили.

«Я и сам не пойму, за что», — подумал Колесников, краем глаза глядя на Анатолия. Парень явно порывался что-то сказать, но, видно, не смел вступить в разговор. Гришан и Краснощеков сидели, наострив уши.

— Так вы действительно земляки? — спросил Колесников Анатолия. Тот засмеялся.

— Вы, господин начальник, меня прямо смешите. Да в Овсянке Федора знает каждая собака.

— Брось, Толя, пускай язык почешет, если охота, — с ленцой сказал Бердюков, и опять в его голосе Колесникову почудилось легкое презрение. Задуманное было сделано. Гришан и Краснощеков теперь глаз не спустят с Федора. Пускай он остерегается их, а по-настоящему за ним будет следить совсем другой человек.

«Если я ошибаюсь, придется извиниться», — подумал Колесников. Вслух он сказал:

— Вы четверо дежурите сегодня в Цветнике до наступления комендантского часа.

Колесников козырнул и вышел, еще раз бросив взгляд на Федора.

ИЗ ВЕЧЕРНЕГО СООБЩЕНИЯ СОВИНФОРМБЮРО 23 АВГУСТА 1942 г.

«Пленный летчик-ефрейтор Альвин Гойбер рассказал: «Я пробыл на Восточном фронте около месяца. На днях в воздушном бою русские сбили мой самолет, и я сдался в плен. Я побывал в Польше, Голландии, Дании, Норвегии, Чехии и других странах. Везде, даже в Австрии, все к нам относятся недоброжелательно».

ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ».

«Земля завоеванных нами стран будет разделена между солдатами, которые особенно отличились, и между образцовыми членами национал-социалистической партии Германии. Таким образом, появится новая земельная аристократия. У этой аристократии будут свои крепостные: местные жители.

Рейхсминистр земледелия Дарре».

У Карпуни и на мотороремонтном

Володя Рыжков дернул за шнур дверного звонка и прислушался. В квартире что-то происходило: вначале он явно слышал стук молотка, а сейчас все стихло. Володя позвонил еще раз.

— Кто там?

— Это я, не узнаешь?

В замке повернулся ключ, и дверь приоткрылась. На пороге стоял Карпуня. Вид у него был взъерошенный и смущенный.

— Что, не ждал? — спросил Володя. — Мы же договорились, что я сегодня зайду.

— Забыл. Да ты проходи, только ноги вытри.

В комнате, куда Карпуня провел гостя, сидел белокрысы мальчуган лет тринадцати.

— Это Артист, — сказал ему Карпуня. — Познакомьтесь.

Белокрысы протянул руку:

— Котельников, Валя. А я тебя помню.

— Откуда?

— А в клубе на сцене видел. Ты «лезгинку» плясал.

— Было такое дело в моей биографии, — засмеялся Володя. — А чем это вы занимались? Стукоток аж на лестнице слышно.

Котельников вопросительно посмотрел на Карпуню.

— Ему можно, — сказал тот.

Валя полез под кровать и вытащил короткую, но широкую доску, сплошь утыканную гвоздями.

— Шины немцам прокалывать? — догадался Володя.

Валя обрадованно кивнул.

— Ага. Мы уже три машины искурочили. А одна вчера прямо в канаву кувырнулась — и колеса кверху. Немцы, которые ехали, бока потирают, ругаются, а мы сидим в палисаднике и ни гу-гу. Умора!

— Семечки. — Володя поморщился. — Плевать это занятие. Есть дела поважнее.

— Например? — спросил Карпуня.

— Например, нужно добывать немецкие документы и оружие.

— А кто их переправит нашим?

— Это не твоя забота.

— Не доверяешь?

Володя покачал головой.

— Если по-честному, я и сам не знаю, куда и как уходят сведения. Да это и неважно. Связь будете держать со мной. И еще — вот. — Он достал из пиджака тоненькую пачку бумаг, свернутых в трубку, и положил на стол.

Карпуня отделил от пачки один листок и вслух прочел:

«Дорогие товарищи! Гитлер прежде хвалился, что Германия победит, потому что она разобьет нас молниеносно, раньше, чем мы успеем

опомниться. Но война длится уже второй год. Чем дольше затягивается война, тем слабее становится Гитлер и тем сильнее — его противники, имеющие неисчерпаемые людские и материальные резервы.

Поэтому поражение гитлеровской армии неизбежно. Гитлер врал прежде, что Германия победит в этой войне, ибо она обладает лучшим оружием и в большем количестве, чем другие страны. Теперь Советский Союз, Англия и Америка производят больше оружия и лучшего качества, чем Гитлер и его союзники.

Не верьте брехне вражеской пропаганды, товарищи! Близится час вашего освобождения от иноземного ига! Смерть фашистским оккупантам!

Советские патриоты».

Валя Котельников слушал листовку, по-детски приоткрыв рот.

— Прямо фрицам под дых, — сказал он, когда Карпуня умолк. — А где их надо расклеить?

— Лучше в подъездах больших домов, — ответил Володя. — На улицах сейчас полно патрулей. Немцы как бешеные стали. Да и не мудрено: со Сталинградом-то у них ничего не выходит... Ну, так вы беретесь?

Карпуня кивнул.

— Только делайте это так, чтобы не попасться.

— Учи ученого.

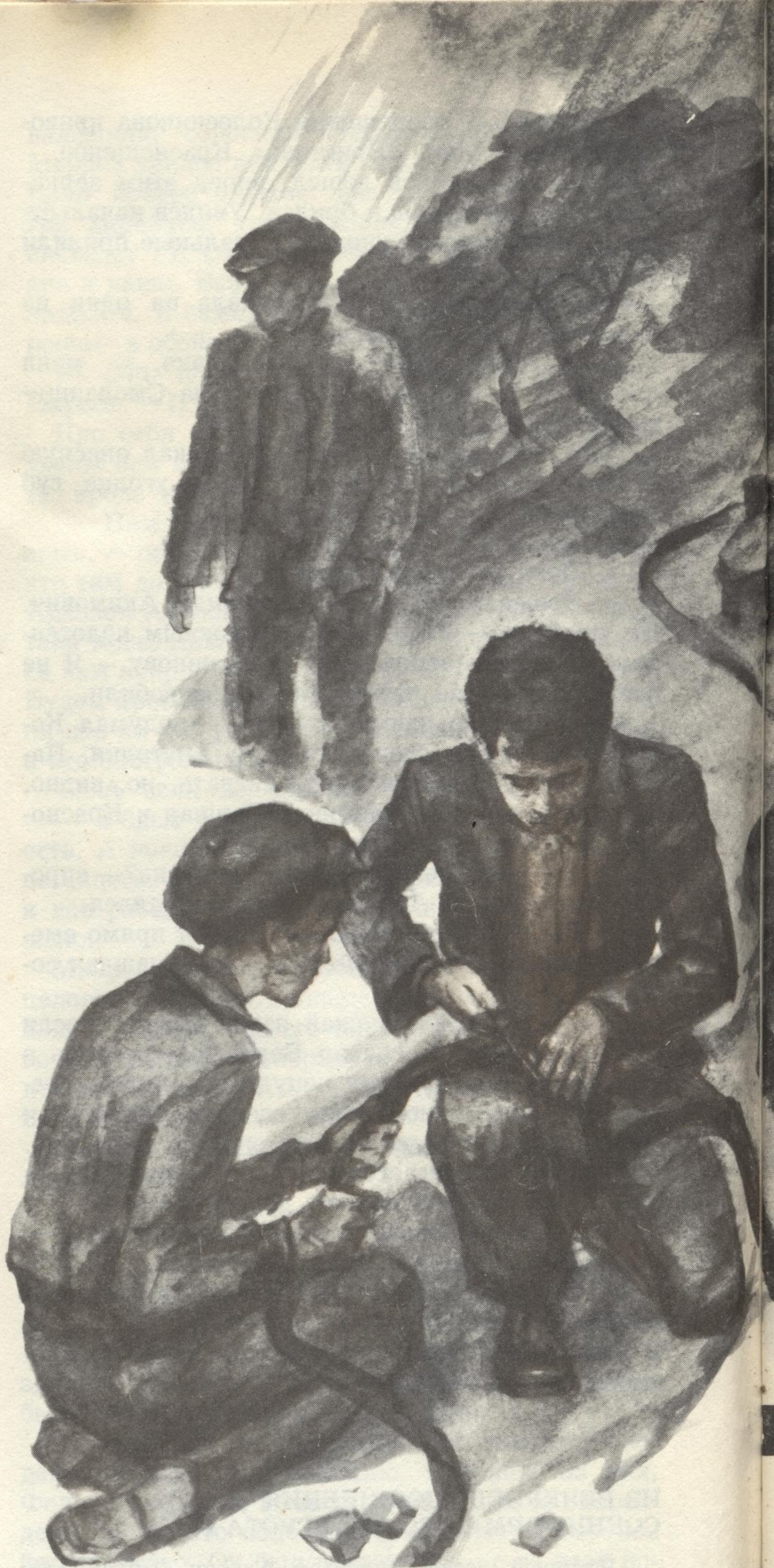
Володя попрощался и ушел довольный. Знай он тогда, чем впоследствии обернется эта встреча, он бы за версту обошел дом Карпуни.

На мотороремонтном немцы изо всех сил старались пустить хотя бы один цех. Весь двор завода был забит покалеченной и неисправной техникой: здесь стояли и автомашины, и мотоциклы, и даже несколько средних танков.

Специалистов на заводе не хватало, хотя фельджандармерия прочесала весь город не один раз. Большинство кадровых рабочих было призвано в армию или ушло с нашими отступающими частями. Осталась одна зеленая молодежь из ремесленных училищ да старики, еще до войны ушедшие на покой. Однако гитлеровцы добрались и до них. Старики прикидывались совсем немощными инвалидами, выжившими из ума, и отлынивали от работы как могли.

Почти все станки были вывезены, а у тех, что остались, не доставало суппортов, патронов и приводных ремней. Начальство завода выписало оборудование из Германии вместе с тремя мастерами, но рабочие глядели на новые станки, как на диковину, и мастера-немцы хрипли от ругани, пытаясь втолковать «этим русским дуракам», «diesen dummen Russen», с какого конца подступиться к делу. Неповоротливые старики чесали в затылке, вздыхали и запарывали самые простейшие, казалось бы, детали.

Молодежь была и того хуже. Подростки тыка-

лись, словно слепые котята, не умея обращаться даже с тисками и напильником. Нередкие случаи травматизма дополняли эту безрадостную картину.

Примерно такая же обстановка складывалась на макаронной фабрике и на заводе вулканизационного оборудования. Оба предприятия тоже должны были работать на германскую армию, но пока ни на шаг не сдвинулись с мертвой точки.

Все это не могло не насторожить гестапо, и Винц поручил расследование Бибушу, откомандировав в помощь ему людей из 1-го (секретного) отдела городской полиции. Бибуш начал с мотороремонтного завода. При первом же обыске его сотрудники обнаружили в мужской разде-

Ножовка легко взяла изоляцию,
но дальше дело пошло труднее.

валке — прямо на стене! — типографскую листовку возмутительного содержания. Бибуш взбеленился и устроил скандал начальнику завода Крайзеру. Тот сослался на занятость и незнание русского языка, хотя сам никогда не заглядывал в раздевалку — боялся, что пристукнут, а там ищи виноватых.

В обеденный перерыв Бибуш с переводчицей организовал что-то вроде общего собрания и зачитал приказ, который предписывал карать саботажников смертной казнью наравне с диверсантами и шпионами. Под приказом стояла подпись самого фельдмаршала Кейтеля¹.

Рабочие выслушали и Бибуша и переводчицу с одинаково угрюмым равнодушием, словно грозный приказ не имел к ним никакого отношения.

Бондаревская и Спартак Никитин тоже стояли в толпе рабочих. Когда Бибуш, потрясая найденной листовкой, заговорил о подстрекателях, смутьянах и красных агитаторах, Спартак перехватил взгляд Нины Елистратовны и чуть заметно улыбнулся.

Вечером, по дороге домой, Нина Елистратовна сказала ему:

— Мы перестарались. Передай своим ребятам, чтобы открытый саботаж прекратили. Это слишком опасно. Начнутся аресты. Что касается отремонтированных машин, то мы найдем способ вновь вывести их из строя. С новичками, которые придут на завод, будь предельно осмотрителен. Среди них наверняка окажутся провокаторы из гестапо. Спроси у матери, не сможет ли она через Федора достать мины с часовым механизмом.

— Ясно, — ответил Спартак. — Но убедить их будет нелегко.

Нина Елистратовна поняла, кого имеет в виду Спартак. Он говорил о заводской молодежи, среди которой надеялся создать подпольную группу.

ИЗ КНИГИ

«ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

«На русской территории не допускать борьбы за снижение смертности младенцев, не разрешать обучение матерей уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям.

Важно ослабить русский народ в такой степени, чтобы установить немецкое господство в Европе.

Доктор Ветцель».

«К вопросу о будущем обращении с русским населением».

¹ Начальник штаба германского верховного главнокомандования.

В театре и у Провала

Никитина встретила с Федором в городском театре. Давали «Бесприданницу». Публика в зале была поголовно русская, потому что немцы ходили только на оперетты, не требующие знания языка.

В антракте после первого действия Федор сказал:

— Получены сведения, что через несколько дней сюда прибудет генерал фон Клейст, командующий кавказскими войсками. Он собирается проводить совещание. Вероятнее всего, здесь, в театре. Будет все высшее офицерство. Вы понимаете?

— Есть возможность рассчитаться сразу со всеми.

— Другой такой случай представится не скоро.

— Что я должна сделать?

— Связаться с кем-нибудь из работников театра.

Никитина задумалась.

— Я вас не тороплю, Екатерина Александровна. Если этот вариант не пройдет, есть в запасе и другой.

— Какой?

— Через своих людей мы свяжемся с Большой землей и вызовем авиацию. Скверно одно: в городе очень сильная противовоздушная оборона, и прорвутся ли наши, неизвестно. Поэтому я и обратился к вам.

— Ну, что ж, завтра я поговорю с одним человеком, — сказала Никитина и улыбнулась: — Вы свою даму хоть фруктовой водой угостили бы.

Говоря об «одном человеке», она имела в виду Александру Павленко, или Шуру, как ее называли все. Шура работала на мотороремонтном вместе с Ниной Елистратовной и Спартаком, а сестра ее то ли заведовала реквизитом в театре, то ли была там кассиршей. К подпольной работе Шуру привлекла Бондаревская — у них у обеих мужья были кадровыми офицерами, и дружили они семьями еще до войны. По словам Нины Елистратовны, Шура была абсолютно надежным товарищем, но с одним изъяном: она не умела скрывать своей ненависти к фашистам. Ее просто трясло, когда она их видела. Зато агитатор из Шуры превосходный: работницы готовы были идти с нею хоть на баррикады.

Размашистая в движениях, стриженная под мальчишку, Шура нередко и вела себя как уличный сорванец. Однажды Рахим Махмудов по ее милости целых полчаса прогуливался в базарной толкучке с такими стихами на спине:

Длиннорукая горилла
По-немецки говорила,
Будь на этом свете бог,
У нее б язык отсох.

Люди давились от смеха, пока полицей не почуял неладное и не обнаружил на себе злопо-

Володя
Рыжков.
Артист.

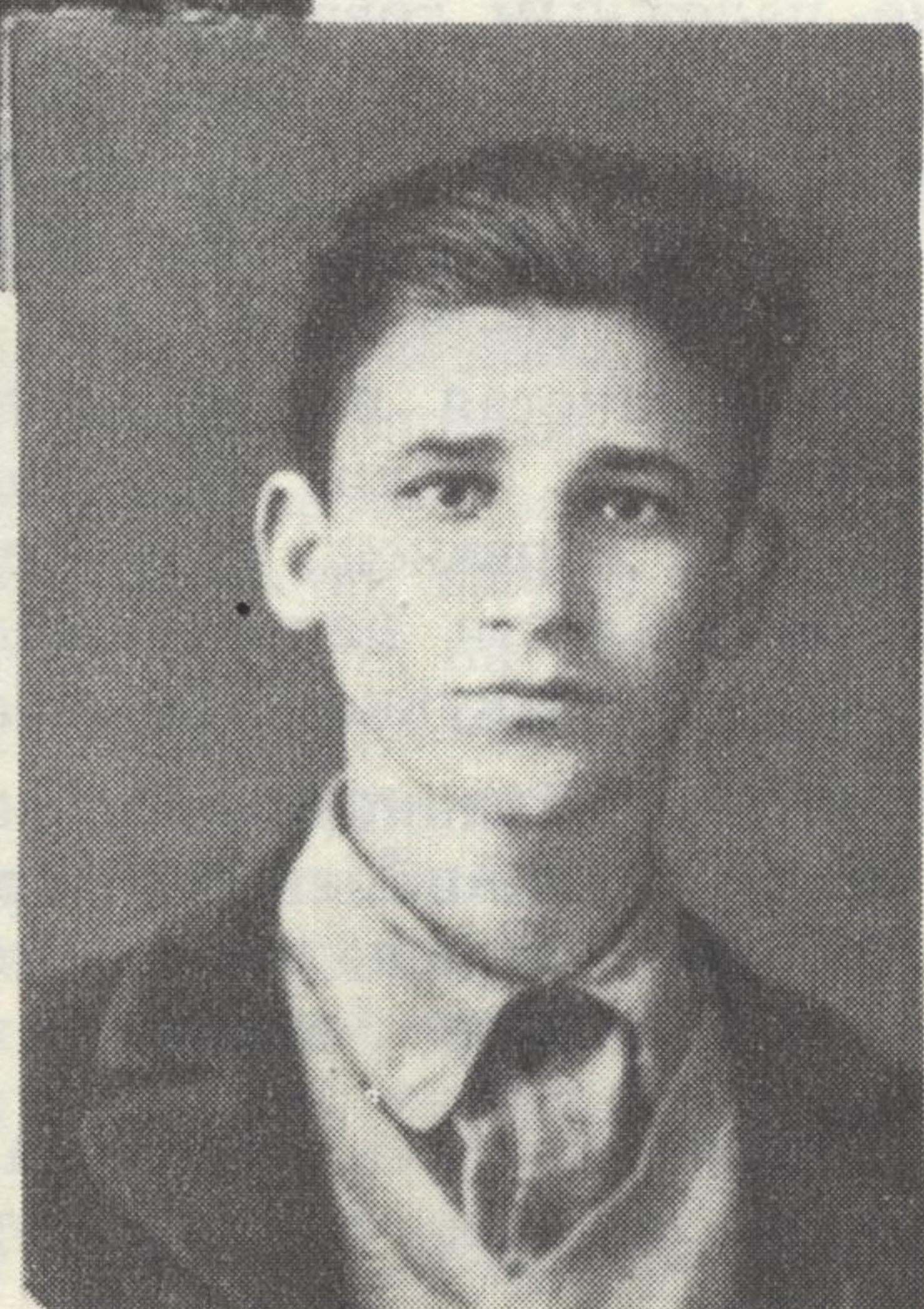
Вот какими
были они —
юные герои,
члены
подпольной
организации
«Юные
чапаевцы».

Эдик Попов.

Лева
Акимов.

Марат
Качерьянц.

лучшую бумагу. Шуре же за эту выходку Нина Елистратовна задала хорошую головомойку...

Федор вернулся из буфета с двумя бокалами виноградного вина. Никитина всплеснула руками:

— Да вы просто волшебник!

— Ошибаетесь. Полицай сильнее волшебника. — Понизив голос, Федор добавил: — «Бывали хуже времена, но не было подлей». За наш успех, Екатерина Александровна...

У дома Никитиной они договорились, что Федор попробует раздобыть мины замедленного действия и для Бондаревской.

У Провала, перед Телечеевскими ваннами, остановилась легковая машина стального цвета. На борту ее был намалеван дубовый лист в белом треугольнике. Из машины вышел немецкий офицер в летной форме. Он открыл дверцу и подал руку молодой красивой женщине. Это была Вера Вайнштейн. До войны она работала маникюршей и выдавала себя то за румынку, то за мадьярку. С приходом гитлеровцев она заявила о своем немецком происхождении и стала работать в комендатуре переводчицей.

Юра Бондаревский, Витька Дурнев, Дима Корабельников и Карпуня сразу «засекли» машину. Они уже несколько часов вертелись на Провале, дожидаясь удобного случая. Но до сих пор им не везло. Немецкие офицеры приезжали целыми компаниями, и всегда кто-нибудь оставался в машине. Возможно, это была случайность, а может, немцы стали осторожнее? Однако вновь прибывший офицер взял с заднего сиденья какие-то бумажные свертки — наверно, с едой и выпивкой, его спутница прихватила клетчатый плед, и, чему-то смеясь, они неторопливо пошли от машины.

Когда они скрылись из виду, Юра сказал:

— Дима и Карпуня остаются для страховки. Смотреть в оба. Шагораш, ты — со мной.

— А я? — обиделся Карпуня.

— В другой раз пойдешь ты. А сейчас выполняй, что приказано.

— Тоже мне, командир выискался...

Но Юра уже не слушал товарища.

— Пошли.

Они, как будто прогуливаясь, не спеша пошли по поляне. Оглянулись. Все кругом было спокойно. Ни души. И тогда они побежали. К машине. На заднем сиденье Юра увидел фотоаппарат.

— Бери, — шепнул он Витьке, а сам полез в брезентовый карман под приборной доской. В кармане лежала небольшая папка.

Юра сунул ее под мышку, и тут до него донесся отчаянный крик Карпуни:

— Ата-ас!

Оглянувшись, Юра увидел летчика, который со всех ног бежал к машине. На бегу он выхватил из кобуры пистолет.

Все решали секунды.

— Беги! — крикнул Юра Витьке. Тот уже сломя голову мчался в сторону Подкумка.

*Нина Елистратовна
Бондаревская
руководитель
организации.*

«Правильно сообразил, там кусты», — подумал Юра.

Он бежал петляя. Каждый миг офицер мог выстрелить. Вот и овраг. «Поднажми еще немного».

Юра скатился по заросшему акацией склону. Лицо и руки его были в крови. И только тогда наверху дважды тявкнул пистолет. Наверно, офицер стрелял по Витьке.

«Шагораш, миленький, спасайся», — взмолился Юра.

ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЫ»

«Принимавшиеся до сего времени меры, направленные против всеобщего коммунистического повстанческого движения, оказались недостаточными. Фюрер распорядился, чтобы повсюду пустить в ход самые крутые меры для подавления в кратчайший срок этого движения. Только таким способом, который, как свидетельствует история, с успехом применялся великими народами при завоеваниях, может быть восстановлено спокойствие. Особенно следует карать смертью шпионские действия, акты саботажа и попытки поступить на службу в наши вооруженные силы. В случае неразрешенного хранения оружия следует, как правило, выносить смертный приговор».

Фельдмаршал Кейтель

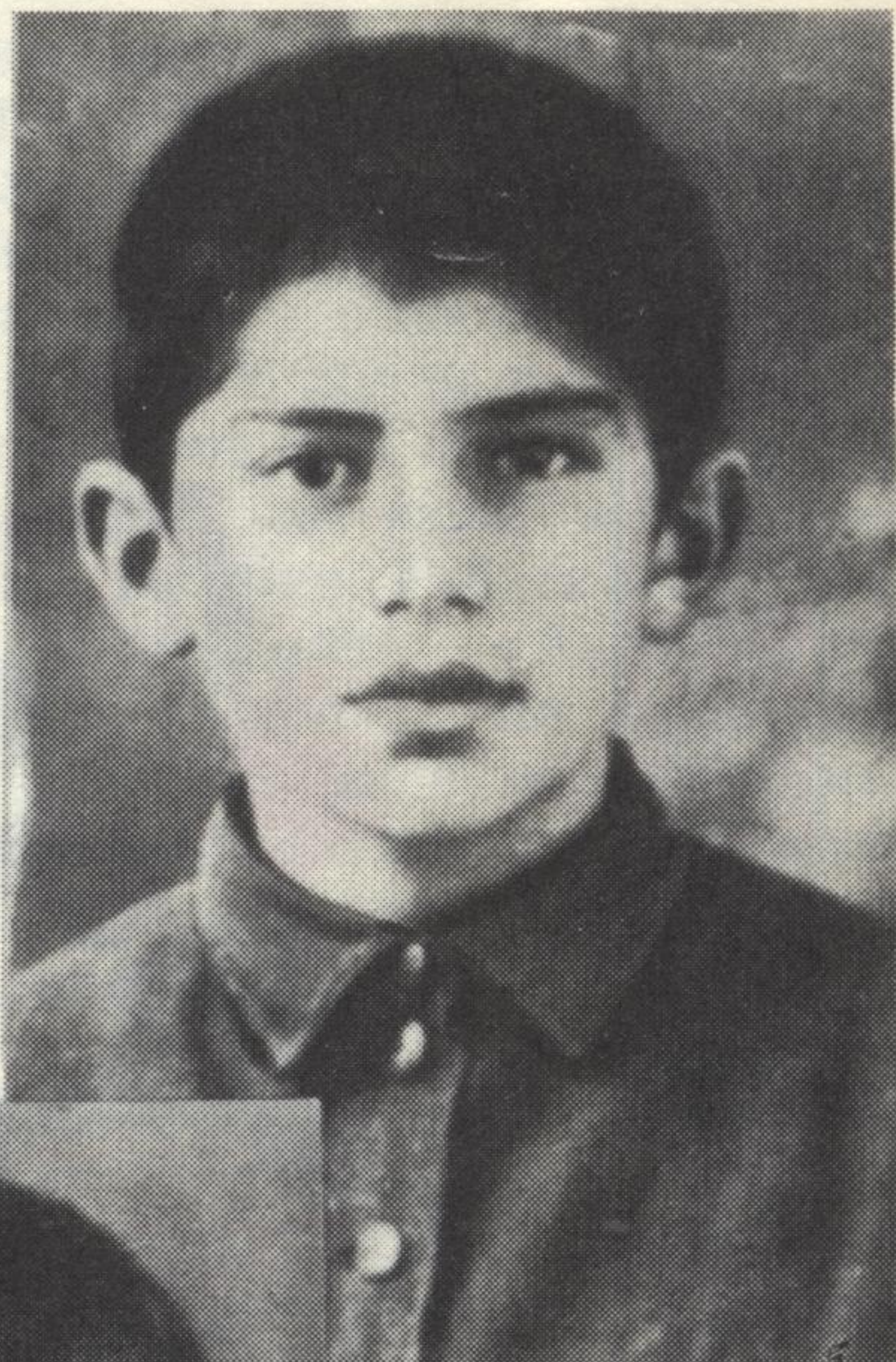
ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО. 26 АВГУСТА 1942 г.

«Наши войска на Западном и Калининском фронтах перешли в наступление и прорвали оборону противника. Немецкие войска отброшены на 40—50 км. Ударом наших войск в первые же дни наступления оборона противника была прорвана на фронте протяжением в 115 км. Наши войска разбили 161, 342, 292, 129, 6, 256 германские пехотные дивизии, 14 и 36 мотодивизии и 3-ю танковую дивизию.

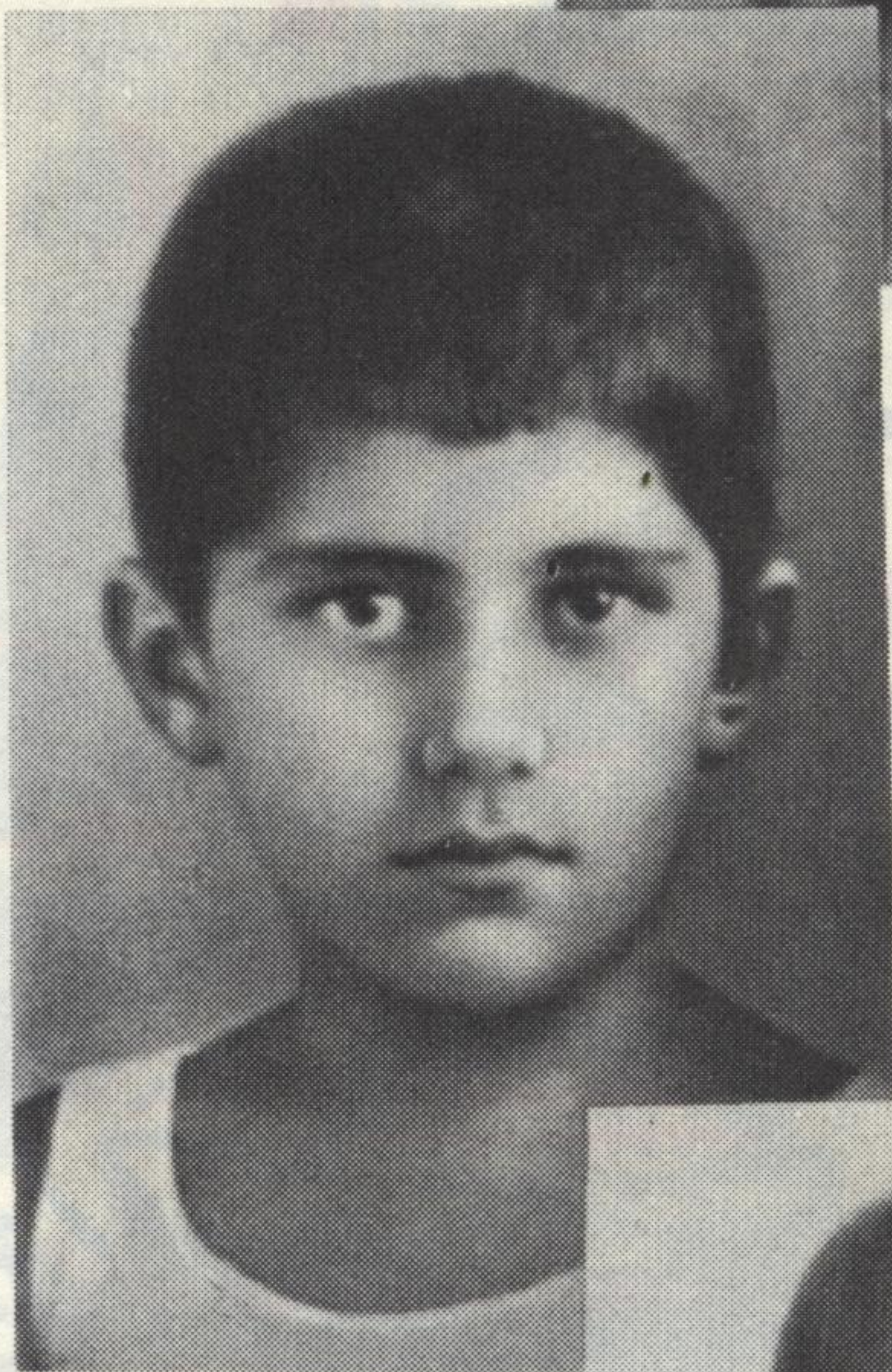
По 20 августа нашими войсками освобождено 610 населенных пунктов. В воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 252 самолета. Количество убитых немецких солдат и офицеров достигает 45 000 человек».

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

*Мурат
Темирбеков.*

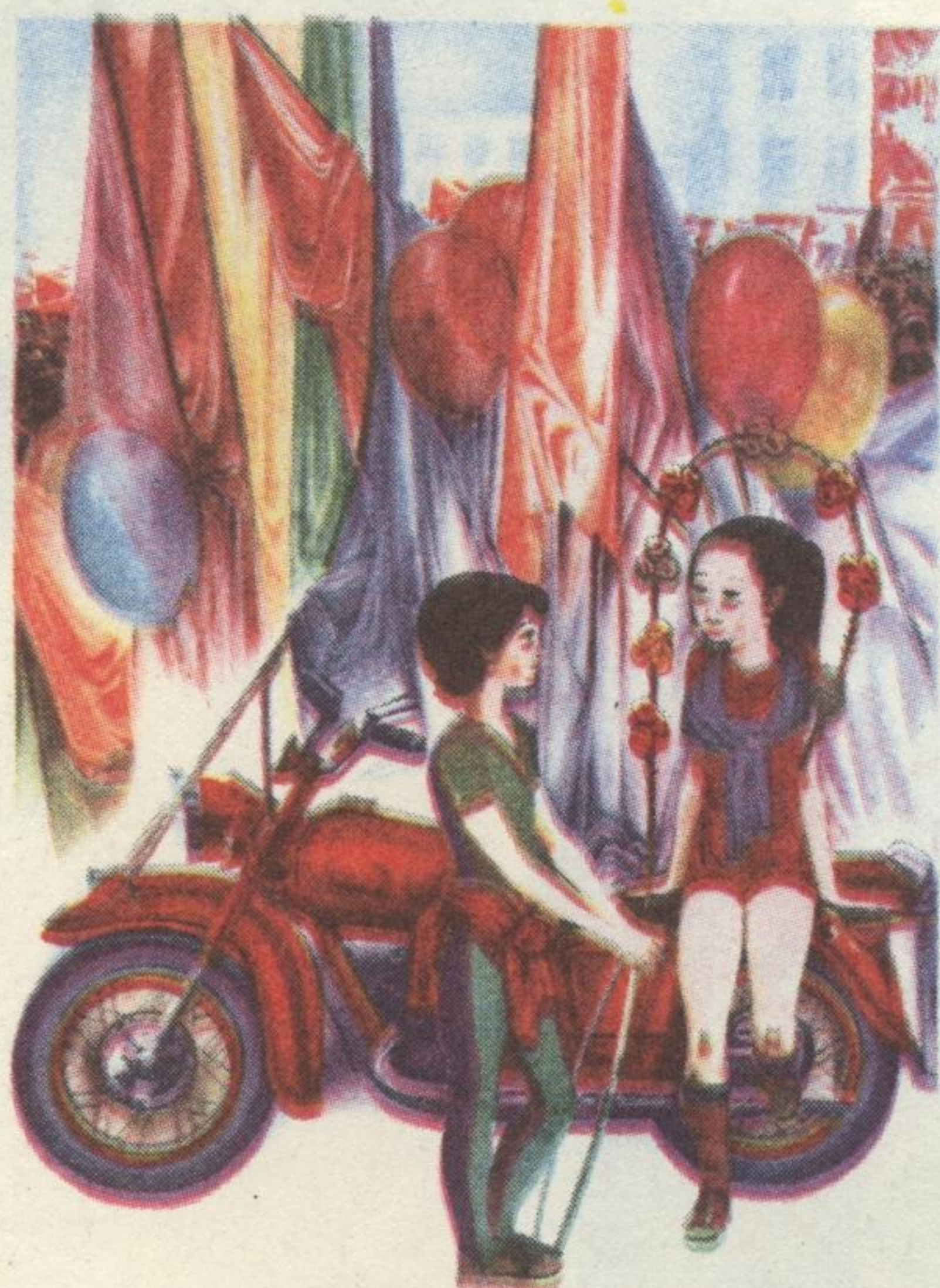
*Марик
Темирбеков.*

*Вася
Лисичкин.*

*Валя
Котельников.*

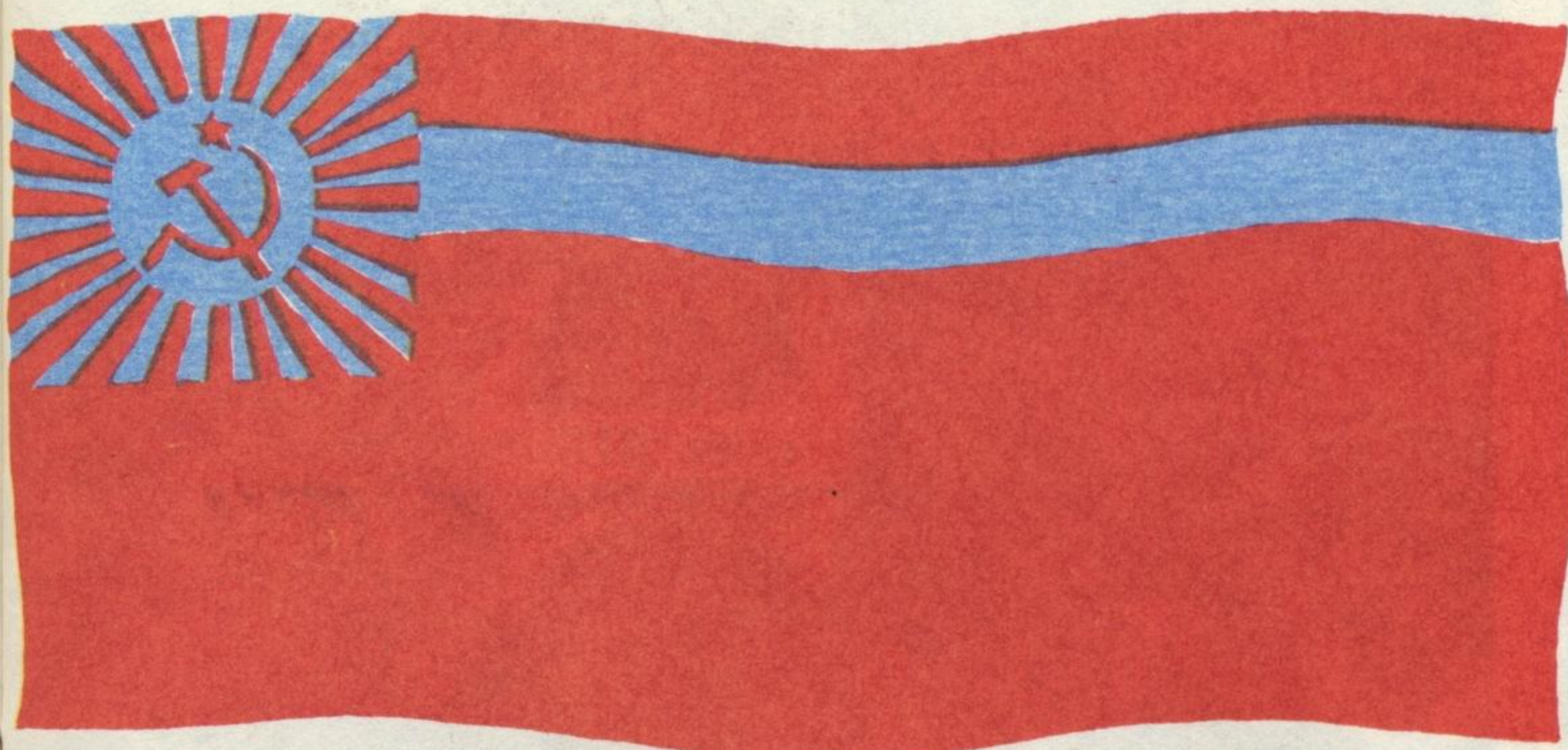

**У НАС В ГОСТЯХ
ЖУРНАЛ
ГРУЗИНСКИХ ПИОНЕРОВ
„საბჭალო“-„ПИОНЕРИ“**

საბჭალო

5
1978

Рисунки З. ПОРЧХИДЗЕ

«ПИОНЕРИ»— «ПИОНЕРУ»

Здравствуй, дорогие читатели «Пионера»! Вас приветствует журнал грузинских ребят «Пионери», награжденный недавно орденом «Знак Почета».

Наш журнал всегда был верным другом грузинских пионеров, учил их любви к нашей великой Родине, смелости и отваге. Как и его старший брат «Пионер», наш журнал всегда стремился, чтобы ребята росли хорошими помощниками взрослых, чтобы они жили в друж-

бе с детьми других стран, смело шагали по маршрутам Всесоюзного пионерского марша.

В этом журналу помогают писатели, художники, журналисты, люди разных профессий. Они рассказывают ребятам о своем жизненном пути, о любимой работе. В журнале можно найти рассказ и сказку, очерк и стихи. Печатаем мы и то, что присылают нам наши читатели, — их рассказы, стихи, рисунки. Ребята очень любят свой «журнал в журнале» — «Аиси» (в переводе это означает «Заря»). На страницах «Аиси» юнкоры проводят диспуты, конкурсы и викторины, рассказывают о пионерских делах. Здесь всегда можно найти стихи и рисунки самих ребят.

Перед вами, дорогие читатели «Пионера», — выпуск нашего журнала «Пионери». Мы готовили его с любовью. И если вы, читая, почувствуете тепло грузинского сердца, красоту нашего лазурного неба и снежных гор, если вас взволнует героическое прошлое и славное настоящее нашей республики — значит, наше знакомство состоялось, и мы приобрели новых друзей.

Бабулия ШЕЛИЯ,
главный редактор журнала «Пионери»

Герб

Перед вами герб Грузинской Советской Социалистической Республики.

В центре герба — красный круг с яркой пятиконечной звездой вверху. От звезды расходится множество лучей. Под звездой — бело-голубая цепочка горных вершин. На переднем плане — золотые колосья и гроздь винограда. Стебли колосьев и виноградной лозы переплетены между собой.

На фоне гор — серп и молот. По кругу идет надпись на русском и грузинском языках: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В середине герба по-грузински написано: «Груз. ССР». Герб обрамляется старинным грузинским орнаментом.

Флаг

Флаг Грузинской Советской Социалистической Республики — красный с голубым квадратом в верхнем углу у древка.

В середине голубого квадрата — круг с расходящимися лучами, в кругу — скрещенные серп и молот, над ними — пятиконечная звезда.

От голубого квадрата во всю длину флага протянута широкая голубая полоса.

Флаг утвержден 13 февраля 1937 года на VIII Чрезвычайном съезде Советов Грузии.

Отар ЧЕРКЕЗИЯ,
заместитель председателя Совета Министров
Грузинской ССР

От вершин до берегов

Грузия — древняя и юная страна.
В ее порты приходят корабли со всего света,
на полях под щедрым солнцем
умные машины убирают урожай.
И всегда у нас в памяти — история народа,
подвиги тех, кто,
как триста воинов с берегов Арагвы
(монумент в их честь ты видишь на снимке справа),
не щадя себя, защищал Родину.
А над столицей республики
высится величественный монумент: Родина-мать.

От снежных вершин Кавказа до берегов Черного моря раскинулась наша республика... Много горя видела в прошлом эта земля, не раз орды захватчиков разоряли наши города и селения. Но грузинский народ отстоял свою Родину, ее независимость, ее богатую культуру, ее светлое будущее.

В начале XIX века Грузия навсегда связала свою судьбу с судьбой русского народа — добровольно вошла в состав России.

Грузинские рабочие вместе с русскими боролись с царизмом, с властью помещиков и капиталистов. Боролись и победили! 25 февраля 1921 года трудящиеся Грузии установили Советскую власть.

С тех пор прошло более полувека... Советская Грузия стала цветущей республикой, знаменитой своими заводами и электростанциями, чайными плантациями и виноградниками.

Сегодня наши электростанции дают энергии в сотни раз больше, чем до революции, и скоро

Кавказа Черного моря

вступит в строй еще один гигант — ИнгуриГЭС. По мощности она превзойдет все электростанции Грузии, вместе взятые!

Ярко зеленеют чайные плантации, и все чаще там можно видеть чаеуборочные машины «Сакартвело», созданные грузинскими конструкторами.

В годы десятой пятилетки грузинские чаеводы собирают рекордные урожаи.

Нарядными и благоустроенными стали города и села Грузии. Республика гордится новым, социалистическим городом Рустави — городом металлургов, химиков, машиностроителей.

И в нашей стране и за рубежом известны грузинские ученые, велик их вклад в развитие родной республики. В Академии наук — более сорока научно-исследовательских институтов. За последние десять лет созданы такие крупные научные центры, как институт кибернетики, вычислительный центр и другие. В Грузии 19 высших учебных заведений, 23 театра, 68 музеев, сотни домов культуры.

В республике тысячи библиотек, школ и детских садов, сотни санаториев, пионерских лагерей, спортшкол и стадионов.

Писатели и актеры, музыканты и архитекторы, спортсмены Грузии известны далеко за пределами страны.

Наша республика, равная среди равных в семье братских народов Советского Союза, живет полной и яркой жизнью, самоотверженно трудится на благо социалистической Отчизны.

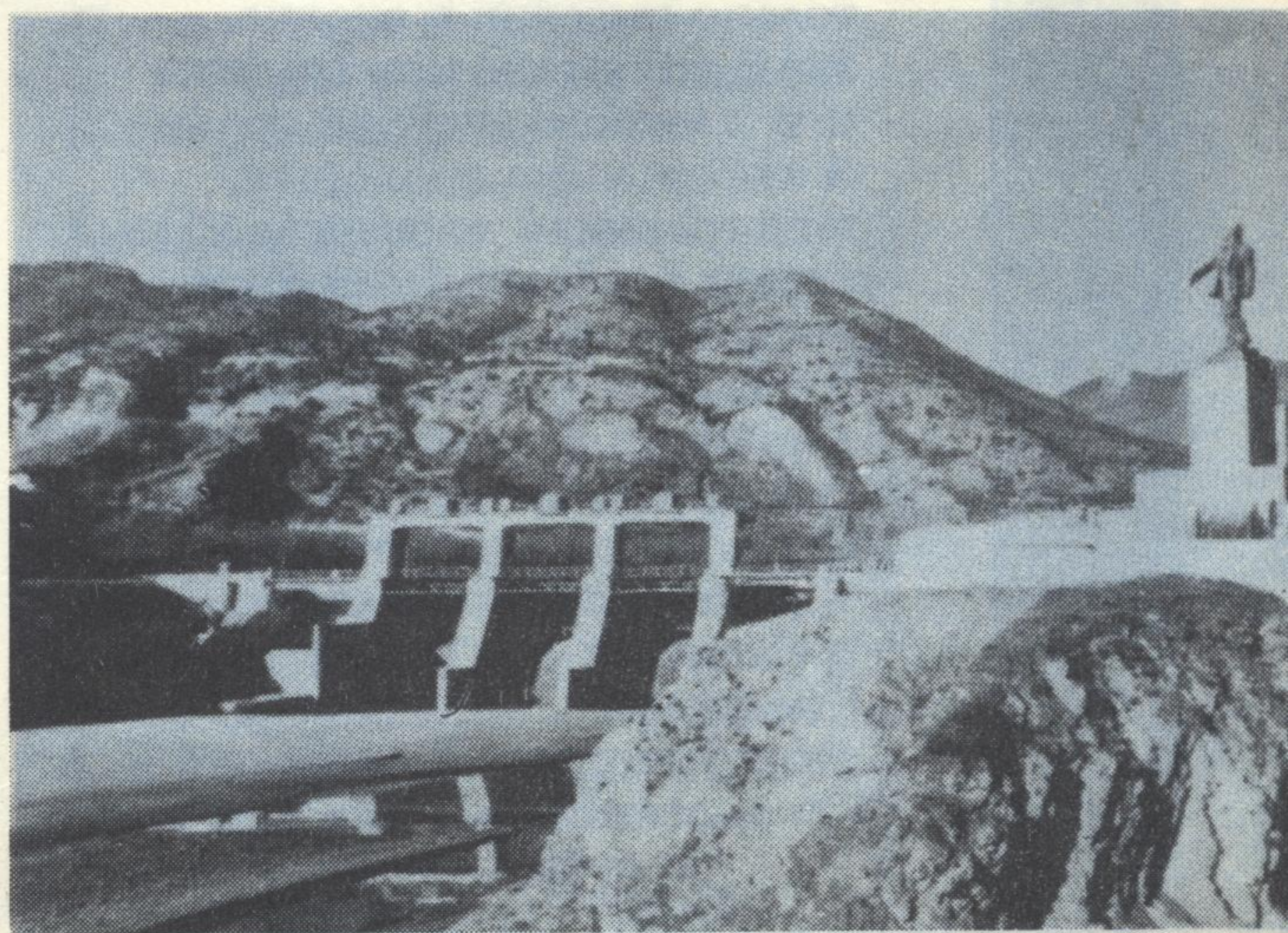

На одной из тенистых тбилисских улиц — Дом правительства.

И везде — на стройках и полях, на фермах и виноградниках — рядом со старшими наша молодежь, комсомол и пионерия. Они достойно продолжают традиции старших поколений, неуклонно идут по ленинскому пути, по пути Октября.

Фотографии В. БОРИСЕНКО
и Б. ЗАДВИЛЯ

Земо-Авчальская ГЭС была построена по плану ГОЭЛРО.

Иосиф НОНЕШВИЛИ,
лауреат премии Шота Руставели

Я во многих странах был

Я во многих странах был,
плавал в океане
и вдыхал степную пыль
в золотой саванне.
Знал прохладу ветерка
и удушье жара,
погружался в облака
на Килиманджаро.
На далеких берегах
васильки горели;
барсы щурились в снегах,
прыгали газели.
Ниагарский водопад
грохотал угрюмо;
у египетских громад
мне хотелось шума.
Нил струил издалика
желтый ил на пашню,
окружали облака
Эйфелеву башню.
Уводили вдаль пути,
в небо уводили.
Чтоб легко было идти —
звезды мне светили.
Но нигде я не сыскал
даже половины
красоты грузинских скал,
прелестей долины...

Симон ШАПРИАНИ

Люблю

Наши горы, наши нивы,
только выгляни в оконце,
звездной полночью красивы
и в цветном рисунке солнца.
Я люблю сады в долинах,
виноградники сквозные,
скалы в облаках ленивых,
профили хребтов резные...
В синем воздухе прозрачном
ледники в раздумье вечном
светят над ущельем мрачным,
над покоем бесконечным.
Я люблю напев чонгури,
и «Надури», и «Дилео»¹.
Чианури, саламури²
вторят музыке напева.

¹ Грузинские песни.

² Народные инструменты.

Но сильнее всего на свете —
самый добрый, самый
близкий —
я люблю язык столетий,
сладкий мой
язык грузинский!

Гиви ДЗНЕЛАДЗЕ

Слава натруженным рукам!

Две руки плетень сплетают;
на траве пищат цыплята.
За работой наблюдают
деревенские ребята.

Слава лугам, слава горным
рощам,
слава низинам,
дождем остуженным!
Славящим бедную Грузию —
в прошлом! —
слава рабочим рукам
натруженным!

Слышен гул копыт железных,
на ладони солнце льется.
Небо виснет на антеннах,
в такт эпохе сердце бьется!

Слава строителям, камнем
звонящим,
каменотесам, веселым и
дружным,
славящим Грузию — в
настоящем! —
слава рабочим рукам
натруженным!

Время неостановимо
все бежит, спешит куда-то.
Годы пролетают мимо.
Подросли и вы, ребята!

Слава крестьянам, в поле
идушим,
сажающим саженцы, внукам
нужные,
славящим гордую Грузию —
в будущем! —
честь и слава рукам
натруженным!

Баллада о школьном колокольчике

Зелена тугая медь,
но, судьбой довольный,
не устал еще греметь
колокольчик школьный.

«Др-р!» — опять рокошет он.
верный расписанью,
временем посеребрен,
словно филигранью...

В старину колокола,
знаете ль, ребята,
город и покой села
охраняли свято.

Эти вестники не раз,
с лютым ветром споря,
возвещали грозный час
крови, смуты, горя.

Все заботы сбросив с плеч,
Грузии достоин,
обоюдоострый меч
пахарь брал и воин.

Как земли и предков зов,
Грузия родная,
вечен звон колоколов,
сердце обжигая...

С колоколен и ветвей,
в городе, в деревне,
он звучал все веселей,
медный голос древний.

И теперь, забыв печаль,
отзвук звонов древних,—
колокольчик зазвучал
в наших школьных стенах!

Звонких звуков не жалея —
перемена в школе!
Помни Родины своей
радости и боли!

Слышишь, вновь рокошет он,
верный расписанью,
временем посеребрен,
словно филигранью...

Перевел Р. БУХАРАЕВ

Печатается в сокращении.

Стремлюсь быть везде!

Хочу везде я побывать и
потому спешу!
— Открой в ущелье мне тропу,—
Зарю чуть свет прошу.—
Арагва встретит там меня
волною голубой.

Свое стремленье не таю —
его поймет любой!
Коль не Арагва, так никто
вовек не объяснит:
За что люблю я вольность рек
и гор седых гранит?!

И почему всегда со мной
Риони славный шум,
Поймете сами — тайны нет
среди заветных дум!
ГЭС огнеликих взмах крыла
мне с детства по душе.

Краса их солнце превзошла
и ночь зажгла уже.
И если крылья воспарят
самой ИнгуриГЭС,
Пусть это вас не удивит —
орлы гнездятся здесь!

Хочу везде я побывать, и
потому спешу,
Как ветер, молния и дождь,
преград не обхожу.

И если где-то вдруг печаль
настигнет, как туман,
Ее я тотчас разорву — на
удивленье вам!

Люблю шагать за плугом я
по ранней борозде,
Пичуг пугливых наблюдать,
снующих на кусте.

И если вдруг приму цветок
за трепет птичьих крыл,
Пусть это вас не удивит —
ведь в городе я жил!

Когда улыбку дарят мне
не спящие в ночи
Лозы волшебной гроздь,
кровь пронзают их лучи.

Когда, сердито бормоча,
сусло дарит вино,
Могу нагрянуть в гости я—
меня зовет оно!

Вам, незнакомым мне
Творцам орнаментов простых,
Поднявшим из руин войны
дворцы, шлю этот стих.

Как клятва верности моей,
пусть к вам он полетит,—
И то, что я вам вслед иду,
пусть вас не удивит!

Перевел В. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

Ния-Грузинская

К Ние мы подлетали на вертолете.

Сначала сверху мы увидели флаг, который был укреплен на самой высокой сосне. Потом — бежавших к вертолету смуглых, черноволосых людей.

По аккуратным бревенчатым мосткам мы прошли в вагончик Анзора Варламовича Двалишвили, начальника стройотряда «Грузстрой БАМ». Здесь нам предстоял разговор о том, как на Западном БАМе строится и хорошеет одна из самых молодых станций — Ния, которую теперь называют Ния-Грузинская. Над строительством поселка шефствует Грузинская ССР.

— Мы начали строить БАМ до того, как приехали сюда, — сказал Анзор Варламович и предложил гостям грузинские сигареты.

— Родные присылают? — спросила я.

— Ошибаетесь. Посылки идут из школ, учреждений, предприятий. Для нас это большая радость, ведь в посылках письма, замечательные письма! Вот пионеры пишут: «Мы в вашу честь обязуемся собрать на четыре тонны металлолома больше, чем в прошлом году...» Вы представляете?

Да, Грузия начала строить БАМ задолго до приезда первого отряда в тайгу. Когда набирали отряд, Двалишвили говорил с каждым, кто собирался ехать. Работа в тайге, конечно, требует физически крепких людей, но прежде всего нужны люди, крепкие духом. Кроме того, обязательным условием для каждого, вступающего в отряд, было знание двух-трех специальностей. Когда отряд был сформирован, в него вошли все необходимые люди — от лесоруба до стоматолога.

Грузинские строители начали свою жизнь в тайге с того, что построили у будущего поселка вертодром — ровный деревянный настил для посадки мощных «Ми-8». Всего за пять дней построили вертодром, который был признан лучшим на всей трассе!

И вот уже несколько лет вертолеты надежно связывают Нию с другими станциями БАМа и со всем миром. Комфортабельные вагончики

строителей теперь окружены добротными домами — всего их в поселке будет одиннадцать. Возводятся детский сад, ясли, школа и теплица при ней (юннаты будут выращивать овощи в зоне вечной мерзлоты). Скоро будут готовы больница, баня, торговый и общественный центр — несколько магазинов под одной крышей, клуб, кинотеатр, библиотека и кафе. И, конечно, железнодорожный вокзал — он одним из первых будет встречать поезда БАМа.

Большим и благоустроенным поселком станет Ния-Грузинская. Уже в этом году в поселке будет около тысячи жителей.

В прошлом году в честь юбилея Великого Октября на трассе БАМа разгорелось социалистическое соревнование. Участвовали в соревновании около ста коллективов, пятнадцать из них добились почетного права носить имя 60-летия Октября. И среди них — посланцы Грузии. Их труд не раз отмечался за эти годы. Бригада каменщиков Отара Дабрундашвили — заслуженного строителя Грузии, кавалера ордена Трудового Красного Знамени — вышла победительницей в соревновании на Западном участке БАМа.

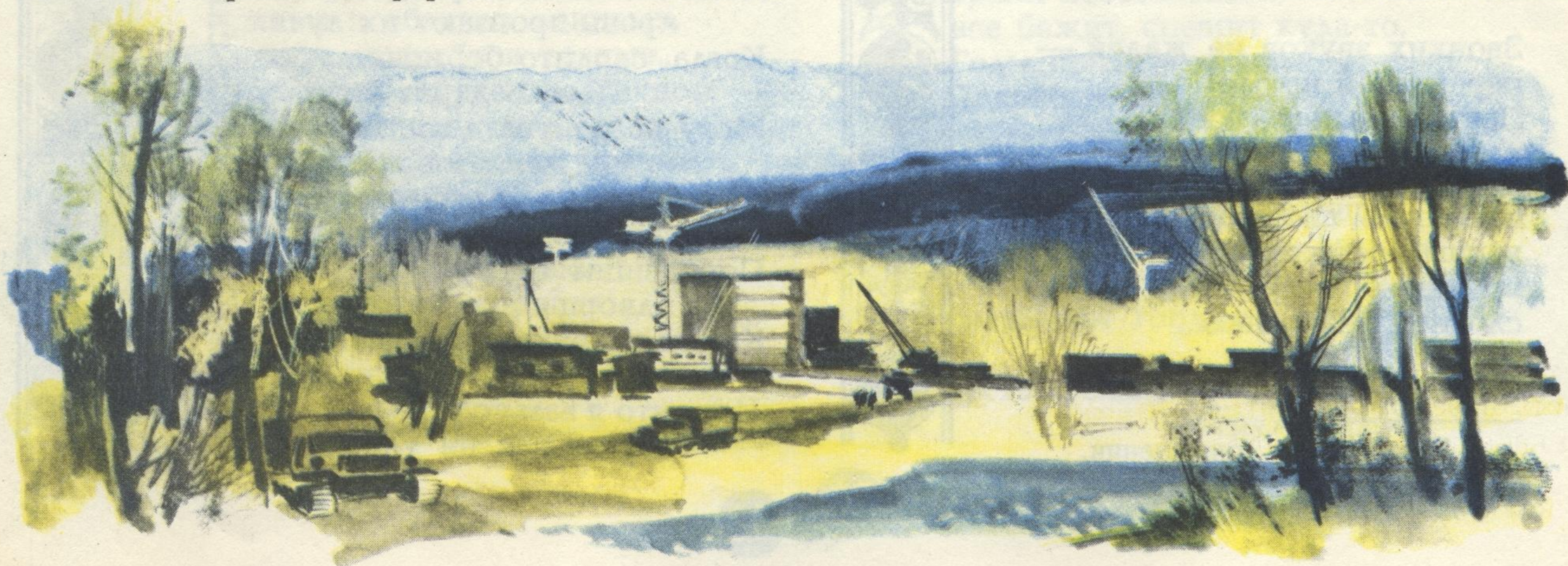
Позади годы ударного труда в тяжелых условиях таежной стройки. Но работа на Ние-Грузинской еще продолжается.

— Вот, когда мы встретим на своем вокзале первый поезд и споем свою прощальную песню, тогда наша работа будет окончена, — сказал нам Двалишвили в ту давнюю встречу на БАМе.

Да, строители уедут из поселка, который начнет свою трудовую жизнь на великой магистрали. Но все ли из них вернуться в родную Грузию? В последний ли раз грузинская песня прозвучит на БАМе? Конечно, нет. Сюда приедут новые строители, но многие из тех, кто приехал первым, решили остаться на трассе до конца всей стройки...

Когда мы летели обратно, я много думала об этих грузинских парнях — строителях БАМа и поняла, что их прощальная грузинская песня прозвучит весело, празднично, что им не стыдно будет возвращаться домой, в Тбилиси. И встречать строителей придут не только родственники — вся Грузия. И вместе со всеми пионеры, которые собирали металлолом для БАМа.

Т. ИЛАРИОНОВА

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ,
секретарь ЦК ЛКСМ Грузии

Молодцы, ребята!

Когда вы приедете к нам в Грузию, везде — на чайных плантациях и виноградниках, на фермах и пасеках — вы увидите вымпелы «Пионерстроя». Это юные граждане республики — пионеры помогают взрослым выполнять задания десятой пятилетки.

Чайные плантации расположены у нас на западе Грузии. Ароматный грузинский чай любят многие, но не все знают, как трудно собрать даже килограмм чайных листьев. Годятся ведь не все листья, а только самые нежные, с молодых побегов. Идут сборщики меж рядами чайных кустов и проворно срывают обеими руками молодые листочки. И, представьте себе, у нас десятки тысяч пионеров, которые собирают в день по десять, а некоторые и по двадцать килограммов чайного листа!

В прошлом году чаеводы Грузии собрали рекордный урожай, и мы с гордостью можем сказать: четверть урожая собрали пионеры!

Восточная Грузия славится своими виноградниками. Ранней весной на виноградных лозах появляются побеги. Но не на всех побегах будут наливаться тяжелые гроздья винограда, часть побегов срезают. Тогда оставшиеся быстро набирают силу. Срезать надо в короткие сро-

ки, чтобы ненужные побеги не успели отнять у лозы ее живительную силу.

И здесь тоже приходят на помощь пионеры!

Несколько лет назад в лесах Боржомского ущелья появился еловый лубоед. Ученые придумали, как бороться с этим злейшим врагом леса: надо выпустить в зараженный лес жуков-ризофагусов, которые пожирают елового лубоеда.

Но выращивать ризофагусов оказалось делом весьма хлопотливым. Пионеры создали в школах лаборатории и дежурили там зимними ночами, чтобы поддерживать температуру, при которой лучше развиваются ризофагусы. Так наши пионеры спасли много гектаров леса.

Тысячи и тысячи наших пионеров выращивают шелковичных червей. Это тоже нелегкое занятие.

Два года назад коммунисты республики решили превратить Грузию в край развитого животноводства. И юные ленинцы в ответ на это решение партии объявили колхозные фермы ударными объектами «Пионерстроя»: они сами шефствуют над молодняком и октябрят привлекают к этой работе. Помогают им заготавливать корм для скота.

Редакция пионерской газеты «Норчи ленинели» вместе с Министерством сельского хозяйства объявила операцию «Дар для Цикары». Цикара — сказочный бык, символ добра. И ребята собрали в дар Цикаре тысячи тонн сена, сенажа, силоса. Они собирали траву на откосах, на обочинах дорог, под мостами — там, где раньше никто траву не косил.

И десяткам тысяч пионеров было присвоено звание «Энтузиаст колхозного труда», сто дружин были награждены Почетными дипломами Министерства сельского хозяйства, кино- и фотоаппаратами.

Из металлолома, собранного пионерами, в столице Грузии построены могучие электровагоны, выпущены километры рельсов для БАМа.

2000 тракторов выпустили кутаисские комсомольцы из «пионерского металла» и назвали тракторы «Кутаисский пионер».

Наши ребята проводят операцию «Белый щит». Макулатура, которую они собрали только за один год, позволила сберечь 20 тысяч гектаров леса.

Наши пионеры любят петь и танцевать. Многие из вас, наверное, слышали по радио или смотрели по телевидению выступление ансамбля Тбилисского Дворца пионеров «Мзиури». Такие пионерские ансамбли есть почти в каждом городе и районе. А юные танцоры из третьей экспериментальной тбилисской школы даже ездили на Кубу.

В Грузии живет около ста народностей, говорят наши ребята на разных языках, но все они дружат между собой, все они надежные помощники старших.

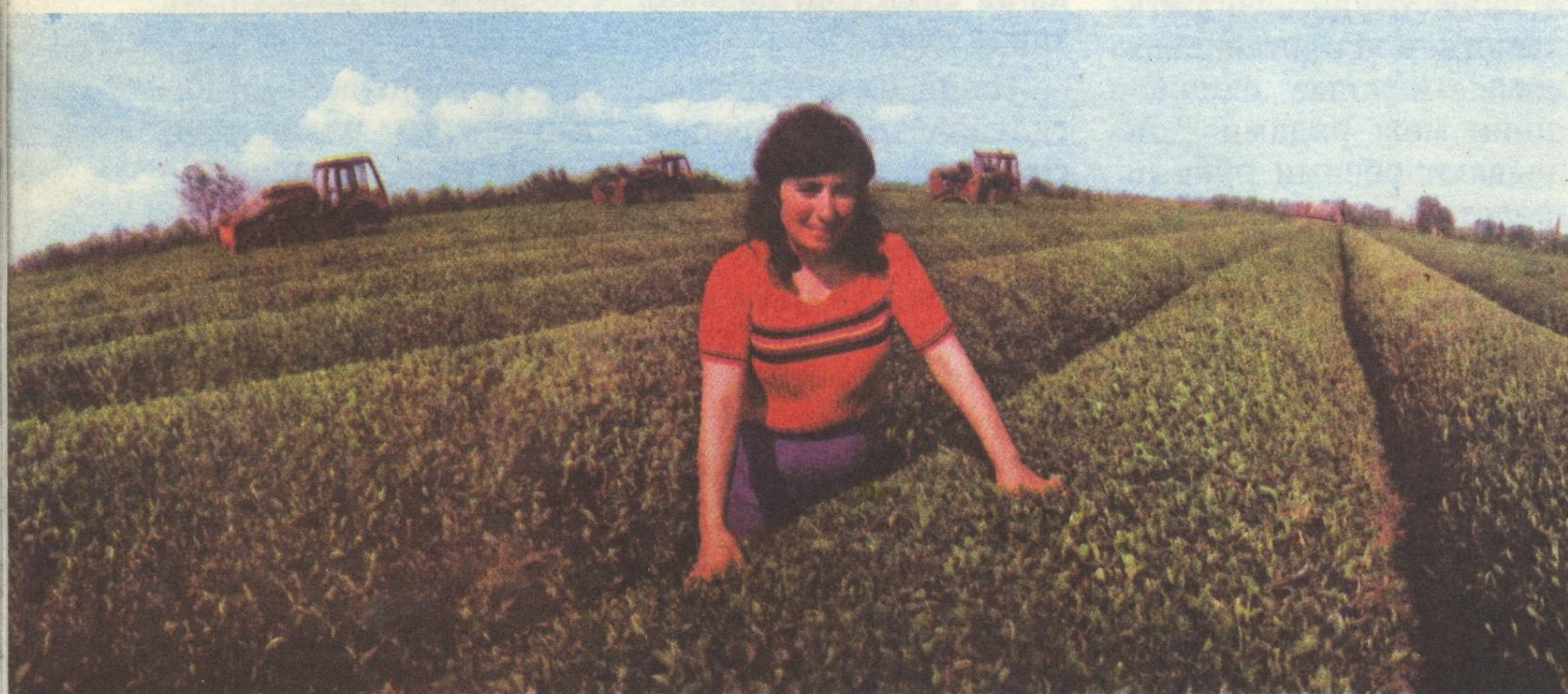
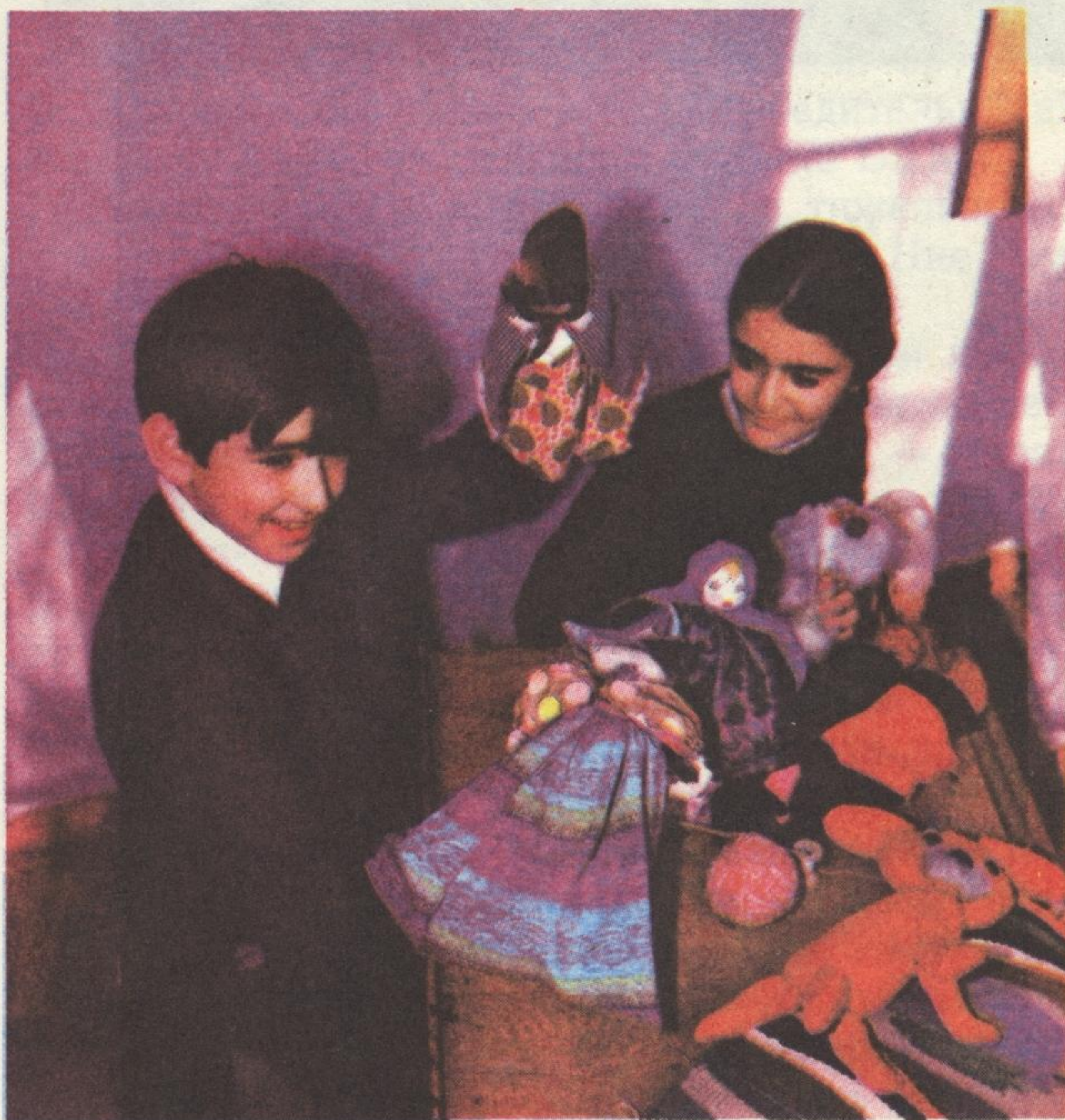
А сейчас пионеры нашей республики идут маршрутами Всесоюзного марша пионерских отрядов под девизом «Пионеры всей страны делу Ленина верны».

Посмотришь на эти снимки
и увидишь, как много дел
у грузинских ребят.
Одни на ферме помогают,
другие на чайных плантациях.
Во многих совхозах уборка механизирована,
но и ловкие руки тоже нужны.

У этих ребят золотые руки.
Вот каких красивых кукол
сделали Нино Вепхвадзе и Каха Шашишвили.

Фотографии
В. БОРИСЕНКО
и Б. ЗАДВИЛЯ

*В самый разгар трудового дня
сделал эти снимки фотокорреспондент:
мальчики помогают трактористам,
а девочки ухаживают за телятами.*

Большой друг пионеров

...Село Квирик Кобулетского района. Время тяжелое, послевоенное. Ребята вместе со взрослыми работали на чайных плантациях. Работала и Нателла, и работа у нее ладилась. В одну из весен девочка пошла к председателю колхоза и попросила выделить ей отдельный участок. Сначала это был небольшой участок, а потом он увеличился до полугектара. И со своей плантации Нателла собрала чайного листа больше, чем удавалось взрослым сборщикам, — 6750 килограммов!

Трудовой подвиг грузинской школьницы — ей было тогда четырнадцать лет — был отмечен высокой правительственной наградой — Золотой звездой Героя Социалистического Труда.

Сейчас Нателла Челебадзе — директор чайной фабрики, депутат районного Совета, большой друг всех ребят.

Г. БАХТАДЗЕ

И зашумит на горах сосновый лес

Раннее утро. На траве еще блестит роса, а на плантации сосновых саженцев уже слышны веселые ребячьи голоса. Здесь работают ребята из тианетской школы-интерната, что в тридцати километрах от Тбилиси.

Мы спросили ребят, что они здесь делают. — У нас в горных районах Восточной Грузии, — рассказала Маквала Арабули, председатель совета дружины, — мало хвойных деревьев. Вот мы и выращиваем сосны на своем опытном участке. Взрослые помогают советами. Это дело начали комсомольцы, и в пшавских лесах уже растут душистые кавказские сосны, посаженные нашими старшими товарищами.

Зураб Шушанашвили, семиклассник, сказал нам:

— Весной наша производственная бригада помогает колхозникам сеять, полоть, мотыжить кукурузу. А осенью — убирать урожай. Мы собираем и дикие фрукты и ягоды в лесу.

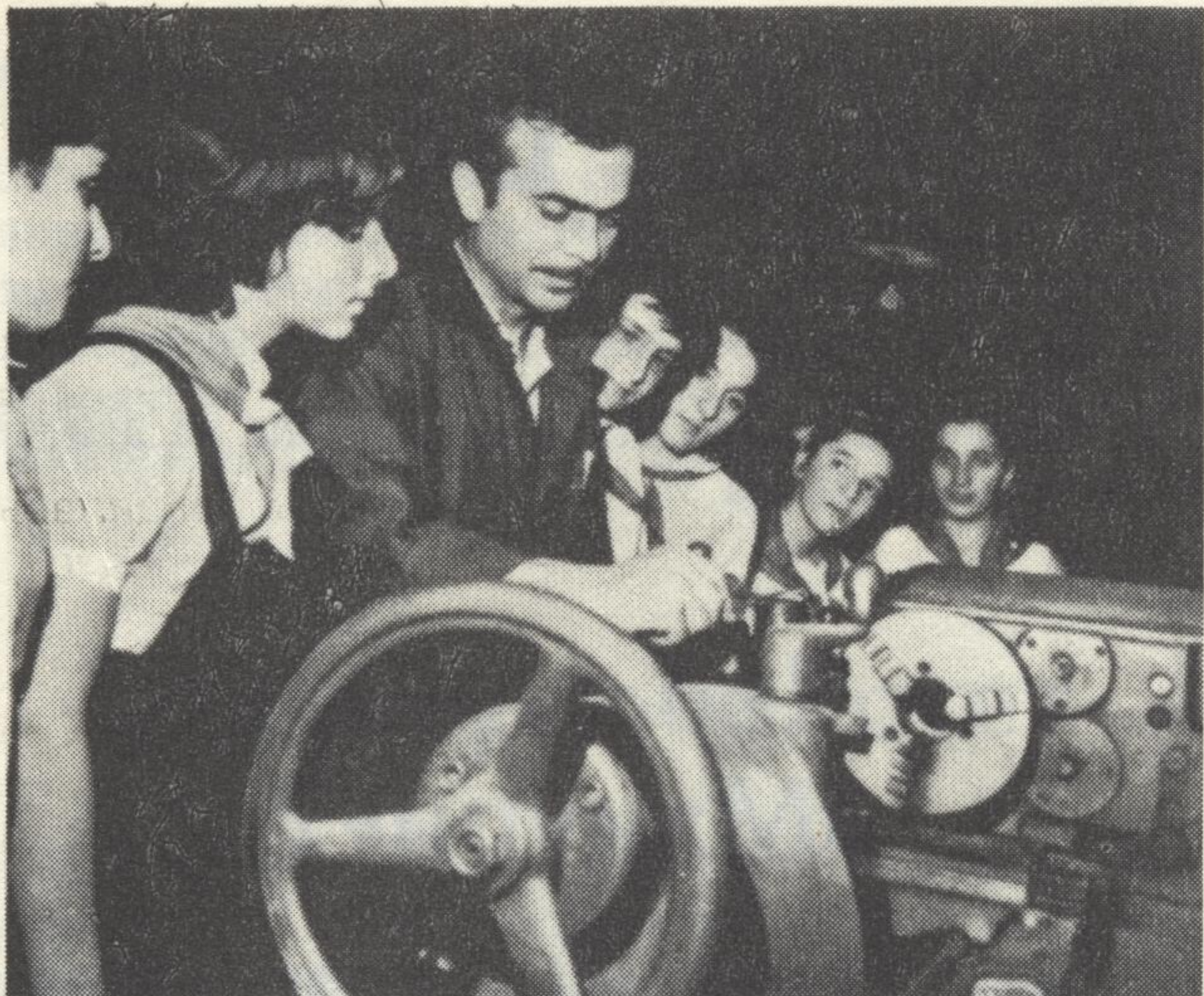
Так, в производственных бригадах ребята овладевают сельскими профессиями, и многие после окончания школы остаются работать в деревне.

М. ХЕРГИАНИ

Шукри, вожатый отряда

Громадные пневматические прессы, токарные станки, конвейеры, с которых сходят мощные грузовые автомобили, — все поражало ребят на заводе. Здесь, на Кутаисском автомобильном заводе имени Г. К. Орджоникидзе, пионеры 32-й средней школы познакомились с Шукри Гигинейшвили. Шукри руководит молодежной бригадой рационализаторов-изобретателей, он член ЦК комсомола Грузии.

По просьбе ребят Шукри стал их отрядным вожатым. Шукри и члены его бригады проводили в отряде интересные сборы. Они сделали на заводе несколько приборов для кабинета физики и подарили ребятам, во дворе школы помогли построить карусель.

А главное, вожатый познакомил ребят с профессией токаря и с заводом, на котором он работает. Автозавод выпускает быстроходные грузовики, которые славятся надежностью и выносливостью.

Когда Шукри Гигинейшвили избрали делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, это была радость и для пионеров. Они с гордостью провожали его всем отрядом.

Н. МГЕЛАДЗЕ

Имени Ленина

В Ленинском зале Тбилисского Дворца пионеров и школьников собрались члены городского совета «Ленинец». Собрались, чтобы вместе обдумать, как будут работать в этом году, посоветоваться, какие семинары и конференции провести...

Они изучают историю предприятий, которые носят имя вождя, биографии людей, награжденных орденами Ленина.

На Электровозостроительном заводе имени

В. И. Ленина пионеры познакомились и дружились со слесарями-сборщиками Гиви Метонидзе и Лери Вардосанидзе, кавалерами ордена Ленина.

Приглашали в Ленинский зал ветеранов революции, старых большевиков, ученых-изобретателей, лауреатов Ленинской премии, с интересом слушали их рассказы.

Инга Гегелашвили из 11-й тбилисской средней школы рассказывает:

— Нашим гостем был член КПСС с 1903 года, участник штурма Зимнего дворца Михаил Дубровин, он живет сейчас в нашем городе. Послушать его собрались ребята почти из всех школ столицы. Он рассказал нам, как участвовал в революции, воевал с белогвардейцами в Крыму, слышал выступление Владимира Ильича.

Майе Кикабидзе особенно запомнилась встреча с Николозом Закареишвили. В 1939 году в Москве, в Большом театре, состоялся Пленум, посвященный 15-летию ВЛКСМ. Михаил Иванович Калинин вручал первые ордена Ленина комсомольцам-ударникам. Среди них был рабочий вагоноремонтного завода Николоз Зака-

реишвили, первый грузин, удостоенный этой награды.

...Члены совета наметили такие темы конференций: «Семья Ульяновых», «Ленин и грузинские большевики», «Заочное путешествие по ленинским местам»...

Н. АБХАЗАВА

фотографии В. БОРИСЕНКО

В ГРУЗИИ ПОЮТ ВСЕ

Получилось!

Как-то в лагере забежали девочки в клуб: спрятались от дождя. На сцене в это время репетировали ребята постарше. Очень солидно у них получалось. Еще бы! Гитары электрические, лакированные, маленькое электрическое пианино.

И так захотелось девочкам хотя бы подержать в руках эти гитары! Поиграть они и не мечтали — не разрешат, малы, скажут.

Когда старшие ребята ушли, девочки забрались на сцену.

Сначала думали только потрогать инструменты, потом сыграли «Песню о Тбилиси». Пели и аккомпанировали сами себе. Получилось! Они ведь все в музыкальных кружках занимались — кто танцевал, кто пел, кто на пианино играл.

Это был лагерь Тбилисского Дворца пионеров.

Так семь лет назад родился ансамбль «Мзиури».

Репетировали каждый день

— Мы почему им инструменты не давали? Думали, не справятся они. Маленькие девочки и вдруг играют на «взрослых» инструментах! — рассказывал потом руководитель ансамбля Гурам Рожденович Джаиани. — Разрешили только в порядке эксперимента. И «слабый пол» доказал, что не такой уж он слабый. Кукол, правда, еще долго с собой приносили на репетиции, на орган ставили.

Девочки начали работать. Репетировали каждый день. Просто стоять на сцене с огромной гитарой трудно. А тут надо еще и петь и изображать то, что поешь. Гитары — бас, ритм, сологитару — освоили все, как в настоящем ансамбле. А вот когда Лия Хорбаладзе усаживалась за ударные инструменты, ее из-за барабана и видно не было. Но барабанить она в конце концов научилась. И все научились делать то, чего не умели раньше. И самое главное — научились быть ансамблем.

На первом концерте в лагере исполняли две песни «О Тбилиси» и «Еду к бабушке в деревню».

Когда «отправились к бабушке» — как-то само собой получилось, — стали подпрыгивать, будто верхом на лошадках ехали. Кто первый придумал, сейчас не вспомнить, но подхватили все. Зрителям понравилось. Хлопали даже

взрослые мальчики, которые раньше на девочек смотрели свысока.

Что такое «Мзиури»?

Грузия — край музыкальный, богатый народными мелодиями. Девочки очень любят эти песни, любят они все песни, в которых есть за что

«зацепиться», чтобы исполнить их интересно, необычно.

У каждой песни свой характер. Эта — грустная, задумчивая, та — озорная, насмешливая. И вот кто-то улыбнется, кто-то вздохнет, кто-то головой покачает, словно по ролям песню разыгрывают. Глядишь — и ожила песня. Каждый придаст ей какую-нибудь черточку характера, и все — в звонком точном ритме. Иногда это получается уже на репетиции, а иногда во время выступления, прямо на сцене. Когда есть такая слаженность и понимание, значит, есть ансамбль.

В репертуаре «Мзиури» — грузинские песни, песни разных народов, песни на разных языках. Когда готовят песню, вдруг возникают неожиданные трудности. Вот, например, разучивали испанскую «Гранадую», Тамрико Гвердцетели,

солистка ансамбля, испанского языка не знала. Она хотела просто выучить слова, но Гурам Рожденович заставил перевести текст на грузинский и после репетиции посадил ее перед магнитофоном: «Произноси все слова правильно и слушай, верно ли получается». И хотя все закончили репетицию, никто не ушел. Девочки повторяли слова вместе с Тамрико.

«Мзиури» растет

Сейчас в ансамбле двадцать участниц. Все играют на всех инструментах. Все окончили музыкальные школы. Поступила в институт Марина Масхулия, будет инженером-химиком, но из ансамбля не ушла.

— Не получается, — говорит, — у меня без девочек. Ни одной репетиции не могу пропустить.

Выросли девочки. Стали не просто старше, стали другими.

Начался «Мзиури» с того, что захотелось девочкам поиграть в эстрадный ансамбль. И был этот ансамбль поначалу игрой-забавой, а потом научились по-настоящему играть на сцене каждую песню. Пришло время — сыграли спектакль, музыкальную пантомиму «Буратино».

Помог девочкам мим Александр Жеромский. Ставил спектакль и одновременно учил девочек пластике, хореографии. Это в «нагрузку» к ежедневным репетициям. А сколько в «Буратино» мужских ролей! Карабас Барабас, Дуремар, папа Карло. И ни одного мальчика в ансамбле! Пришлось девочкам играть эти роли. Лия Хорбаладзе путалась в длинной бороде Карабаса Барабаса и сокрушалась:

— Ну кто поверит, что я Карабас Барабас?

Зрители поверили. Поверили и Лие и всем остальным исполнительницам.

В Грузии каждый второй поет. Некоторые считают даже, что в Грузии поют все. Незнакомые люди собираются вместе и поют. Поют сложные многоголосые песни. Распределяют, кому каким голосом петь, и получается настоящий импровизированный концерт.

Так родился и «Мзиури». Сейчас ансамбль всю страну объездил с концертами, побывал в других странах, стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Эту премию девочки решили отдать в фонд Мира.

Но в каждой песне «Мзиури» живет радость первого исполнения.

Живет игра.

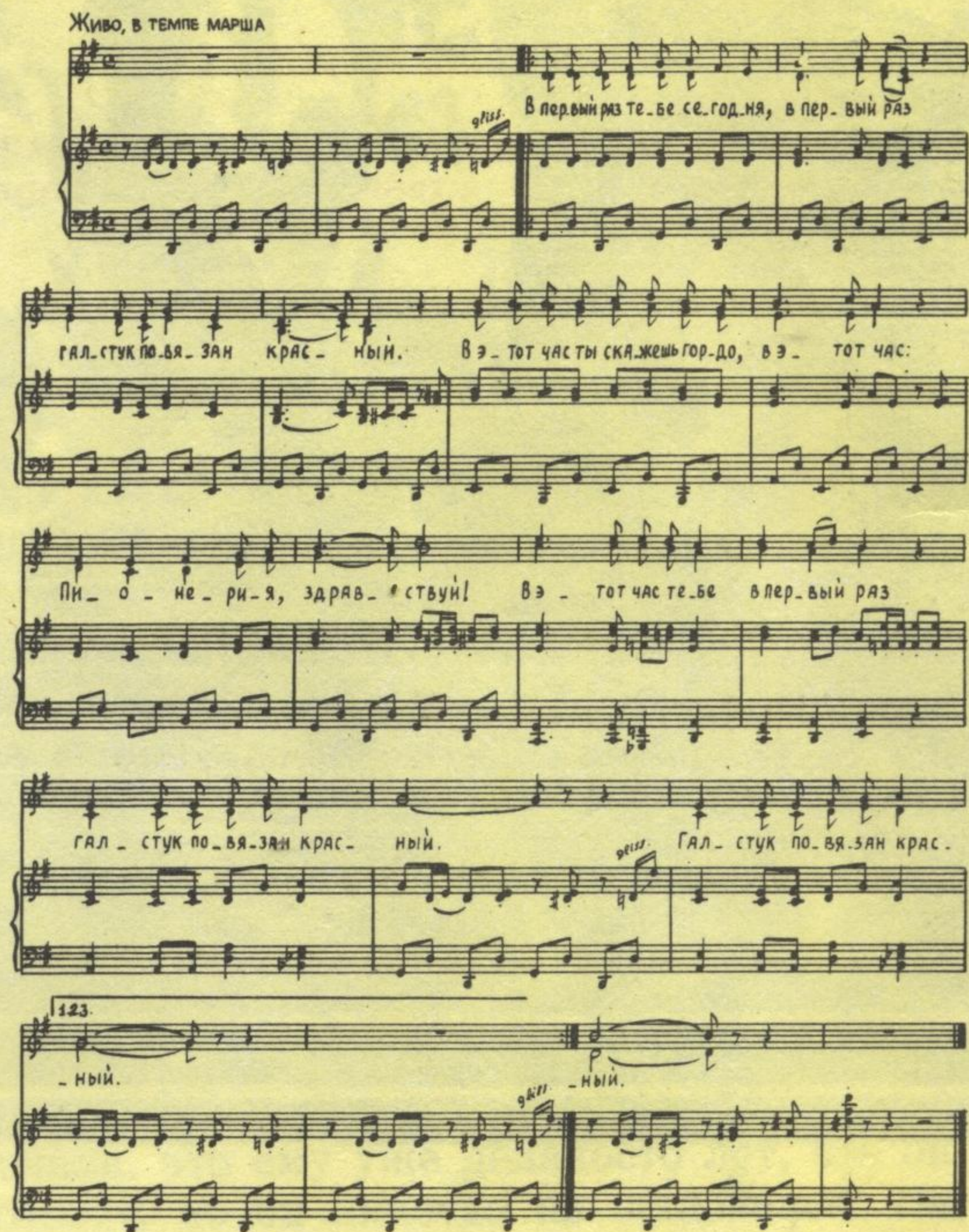
Растет у ансамбля смена, учится любви к музыке, музыкальности, артистичности. Учится покорять зрителей то детски озорным, то неожиданно сердечным исполнением. Учится работать в ансамбле.

И. ПАВЛЕНКО

«ПИОНЕРИЯ, ЗДРАВСТВУЙ!»

Слова Симона ШАМПРИАНИ

Музыка Реваза ГАБИЧВАДЗЕ

1. В первый раз тебе сегодня, в первый раз галстук повязан красный.
В этот час ты скажешь гордо, в этот час: «Пионерия, здравствуй!»
В этот час тебе в первый раз галстук повязан красный. } 2 раза
2. Велика страна родная, велика, дел интересных много.
Как река, берет начало, как река, к ним от школы дорога.
Велика страна, велика, дел интересных много. } 2 раза
3. Все мечты твои, товарищ, все мечты, хоть им и нет границы,
если жить по-пионерски станешь ты, могут осуществиться.
Все мечты твои, все мечты Могут осуществиться. } 2 раза
4. Наш народ не зря с надеждой, наш народ смотрит на галстук красный.
Труд ведет нас к цели светлой, труд ведет, — ты в нем с детства участвуй.
Наш народ не зря, наш народ смотрит на галстук красный. } 2 раза

Перевел В. КОРЧАГИН

ПИОНЕРСКАЯ КЛЯТВА

Морис ПОЦХИШВИЛИ,
лауреат премии Ленинского комсомола Грузии

Был готов,
И сейчас готов,
И буду всегда готов.
Родина, верь: я за жизнь твою
Свою жизнь отдать готов!
Я твой пионер,
Ты взрастила меня,
Я луч твоего огня.
Клянусь быть достойным
твоей мечты,
Быть первым везде, как ты!
Клянусь быть первым
В учебе, в труде,
К заветной идти высоте.
Быть там, где всего
Трудней проложить
Дорогу к своей мечте!
Клянусь виноградной чистой лозой,
Вращенной доброй рукой:
Не оскверню язык родной,
Земли мне не надо иной.

Клянусь я всем,
что дорого мне:
Марухи¹, Дарьялом, ИнгуриГЭС,
Клянусь весенней зарей голубой,
Что встретил впервые здесь,
Я клятву даю, как Паата² твой,
задерный, смелый, прямой,
Клянусь алым галстуком,
Что обагрен
Кровью отцов святой!
Тебе присягаю, Отчизна моя,
Клятву даю навек:
Будет верным сыном страны
юный твой человек!

Перевел В. КРАСНОПОЛЬСКИЙ

¹ Марухи — перевал в горах Северного Кавказа.

² Паата — сын грузинского полководца Георгия Саакадзе, в грузинской поэзии стал символом верности Родине.

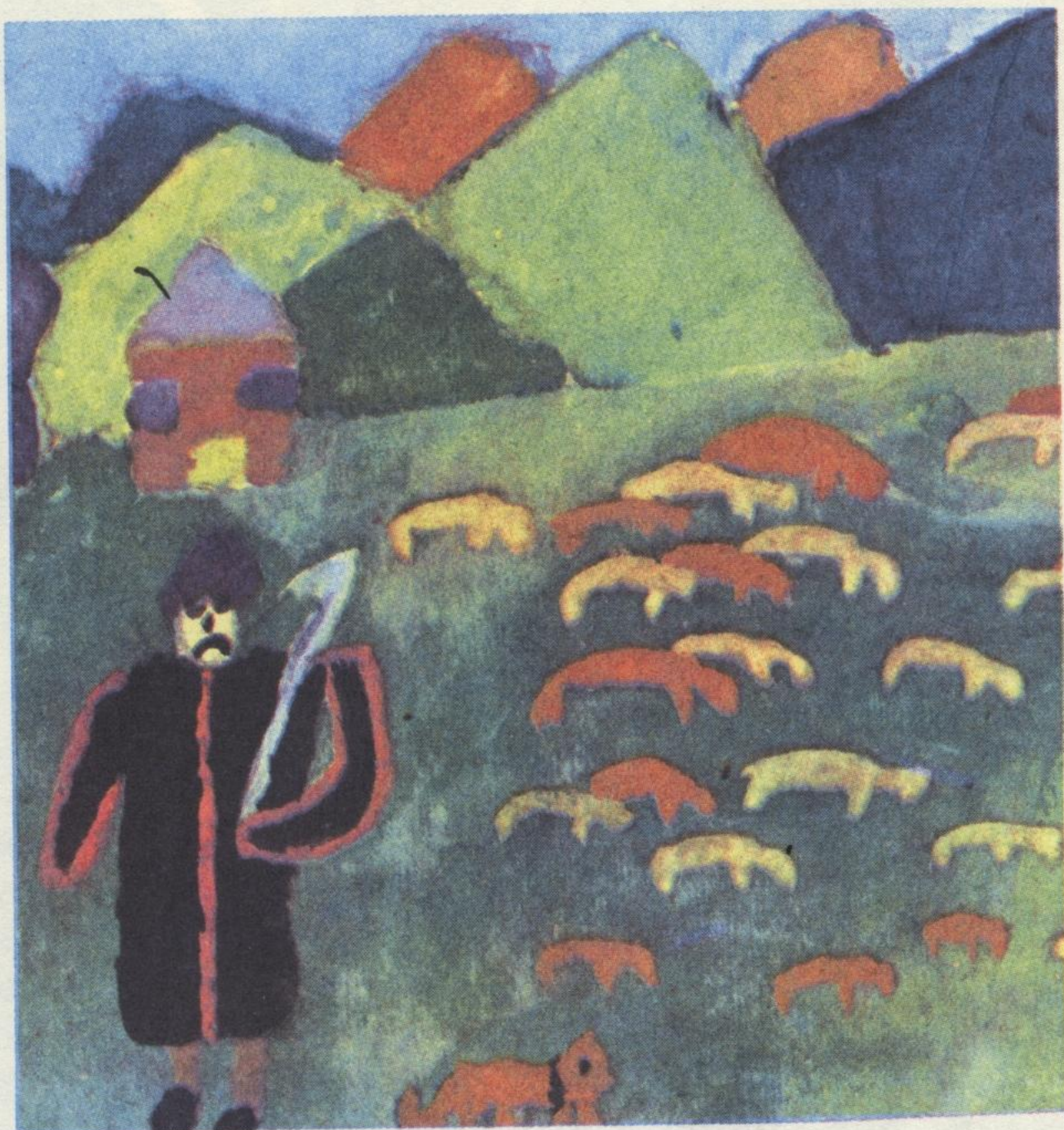
Грузии, любимой и прекрасной, видишь ты на нашей выставке. Ее участники — грузинские ребята, твои ровесники.

«Всадника» нарисовала Эка Абуладзе

ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ НА ВЫСТАВКУ

Посмотри: вот гордый всадник на могучем, пышногривом коне; вот на пляже жарятся под ярким солнцем взрослые и ребята, пловцы качаются на волнах, а вдали дымит высокой трубой кораблик; разбежались по склону горы деревенские домики, пастух мирно бредет со своей отарой... А вот черноглазая танцовщица, нарядная, в длинном платье, вышла на сцену.

Горы, село, море, труд, танец — картины

(Эке — 10 лет), «Пастуха» — девятилетний Гоги Каджая, «Танцовщицу» — Елена Туркия, ученица шестого класса, «Сельский пейзаж» — пятиклассник Резо Чачхиани, а морскую картину — Паата Циклаури, которому

Матцевишча - рис. Туркия Елена Никон. 61

еще только шесть лет, он еще даже в школу не ходит.

«Пионер» приветствует юных художников, желает им нарисовать еще много прекрасных картин и хорошо учиться в школе!

Тайна ПОДПОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ

Теперь здесь музей. Он рассказывает, как боролся грузинский пролетариат с царизмом.

В музее побывало почти четыре миллиона человек. Сюда часто приходят ветераны партии, здесь в торжественной обстановке принимают ребят в пионеры.

Этот дом на окраине Тбилиси хорошо знают школьники нашей республики. Придя сюда, ребята как бы переносятся в далекое прошлое, в годы революционной борьбы с царизмом.

В 1903 году здесь была подпольная типография Закавказского комитета Российской социал-демократической партии.

В те годы в России и в Закавказье ширилось, нарастало революционное движение, и по указанию В. И. Ленина было решено увеличить выпуск нелегальной литературы.

Организацию подпольной типографии комитет поручил Михо Бочоридзе, видному грузинскому революционеру, прекрасному конспиратору. Он купил участок земли в Авлабаре, на окраине Тбилиси, и построил там здание, сохранившееся доньше.

Сама же типография и вход в нее были тщательно замаскированы. Во дворе вырыли два колодца. Один из них засыпали землей. В этом колодце и была устроена типография. Чтобы попасть в типографию, надо было по веревке спуститься в колодец, пройти по тоннелю во второй, сухой, колодец и по лестнице подняться в подземное помещение, где стояли печатные станки.

Три года работала подпольная типография. Здесь печатали революционные воззвания, листовки, книги и брошюры на грузинском, армянском и русском языках. Печатались и работы В. И. Ленина и первая в Грузии революционная газета «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»). Работой типографии руководили видные грузинские революционеры.

13 апреля 1906 года Михо Бочоридзе заметил, что сыщики напали на след подпольщиков. Тогда Закавказский комитет решил временно закрыть типографию.

Решение было принято вовремя. Через два дня сто пятьдесят жандармов окружили здание. Всех обыскали, но ничего в доме не нашли. Тогда они решили обследовать колодец. Бросили вниз горящую газету. Не долетев до дна, она была втянута воздушным потоком в подземный тоннель. Так полиция обнаружила подпольную типографию. Но ни одного из революционеров, работавших в ней, она не смогла арестовать. Они остались на свободе и продолжали в другом месте печатать революционную литературу.

Д. МЕСХИ,
заведующий авлабарским музеем-типографией.

День луны

РАССКАЗ

Мы добрались до альпийских лугов, и я сразу почувствовал облегчение. Трудный путь через лесную чащобу был позади. Еще один подъем — и мы уже на плоскогорье. Взмыленные лошади задышали ровнее.

— Вот и пришли! — крикнул мой спутник Вахтанг, заведующий овцефермой.

Прямо перед нами по склону разбрелись овцы. Неподалеку на лужайке сидел чабан.

— Дядя Шакро, здравствуй, дорогой! — Вахтанг спешил и подошел к Чанте — так привыкли называть чабана односельчане.

— Доброго вам здоровья, — отвечал Чанта.

Я снял поклажу с лошадей и пустил их пастись. Вахтанг и Чанта сидели на траве, обменивались новостями. Я присел возле них.

— Вот привез к тебе паренька, — кивнул на меня Вахтанг, — научи его своей чабанской премудрости. Он школьник, еще шестнадцати нет, а уж интересуется чабанским делом. Подучится у тебя, и мы его здесь оставим, а ты перейдешь на ферму. Знаешь, Чанта, без тебя и сыр не могут сделать. Такой, как ты готовил, помнишь? Не хватает твоих рук.

Вахтанг уехал. А мы с Чантой пошли загонять отару. Овцы к тому времени разбрелись, и мы с трудом собрали их. Отара направилась вниз по склону, а Чанта рассказывал мне про овец, про их болезни.

— Я тебя, бичо¹, всему научу, все тебе расскажу, а ты понять постарайся, вот и хорошо будет. Ну, а если не сможешь, что делать, тут уж я не виноват.

— А смогу я, дядя Шакро?

— Откуда мне знать? Кто быстро схватывает, а другому ничего в голову не вобьешь. Так ведь, а?

Мы подошли к загону. Чанта окинул взглядом отару.

— Опять нет этого Цивтетри², — пробурчал он сердито, — наверно, где-нибудь заблудился.

Чанта загнал овец в загон и пошел искать отставшего барашка.

Загон с кошарой был пристроен прямо к отвесной скале. С одной стороны — ограда из камней, с другой, подветренной, — плетень. К загону ведут две тропинки. Одна спускается

со взгорка, а другая ведет к речке. У реки бьет холодный родник. Вокруг загона трава до самых корней съедена. А за оградой все густо заросло крапивой и горным щавелем.

Шагах в двадцати от загона, у подножия скалы, стоит шалаш. У входа на длинной палке с крюком висят сумка и чабанская бурка.

Чанта вернулся поздно. На плечах он нес овцу, держа ее за ноги. Ворча, он втолкнул ее в загон и запер плетенные из прутьев ворота. Потом подошел к шалашу, снял с крюка сумку и стал готовить ужин.

Поев и отдохнув, Чанта разговорился, и спать мы легли уже за полночь. Но едва рассвело, мы уже поднялись — Чанта собирался лечить заболевших овец.

— Вот видишь ту, Куршави³. С виду ничего не заметно, не хромот, а у нее нагноение под копытом.

Куршави поймали, Чанта осмотрел ее ногу, постукал по копыту. Потом сделал надрез и очистил рану. Овца стонала и дергалась.

— Да погоди ты, — сочувственно бурчал старик, — сейчас легче будет...

Он присыпал копыто каким-то снадобьем и занялся следующей пациенткой. Так мы лечили овец, пока не поднялось солнце. Только тогда мы погнали отару на пастбище.

— На склон гони, — сказал Чанта, — утром у овец нет аппетита, поэтому надо выпускать их на самую лучшую траву: цветочная трава в горах самая вкусная и питательная. А на равнине хоть и высокая, но не такая полезная. Туда гони овец в полдень, после водопоя.

Я уже узнал от Чанты, что голодную отару трудно собирать, а сытые овцы идут быстро и дружно. Только больные бредут медленно, а некоторые совсем не могут ходить, ложатся и нехотя щиплют траву вокруг себя. За каждой овцой надо все время присматривать, чтобы не сорвалась с крутизны или не простыла от долгого лежания на одном месте...

Когда я возвратился к загону, Чанта успел навести там порядок.

— Теперь будешь убирать сам, — сказал он. — Навоз надо убирать утром, землю песком посыпать, чтобы подсохла к вечеру. Лужи тоже засыпай песком... И бурку свою не забудь просушивать, а то греть не будет.

¹ Бичо — по-грузински мальчик, паренек.

² Цивтетри — совсем белый.

³ Куршави — по-грузински черноухая.

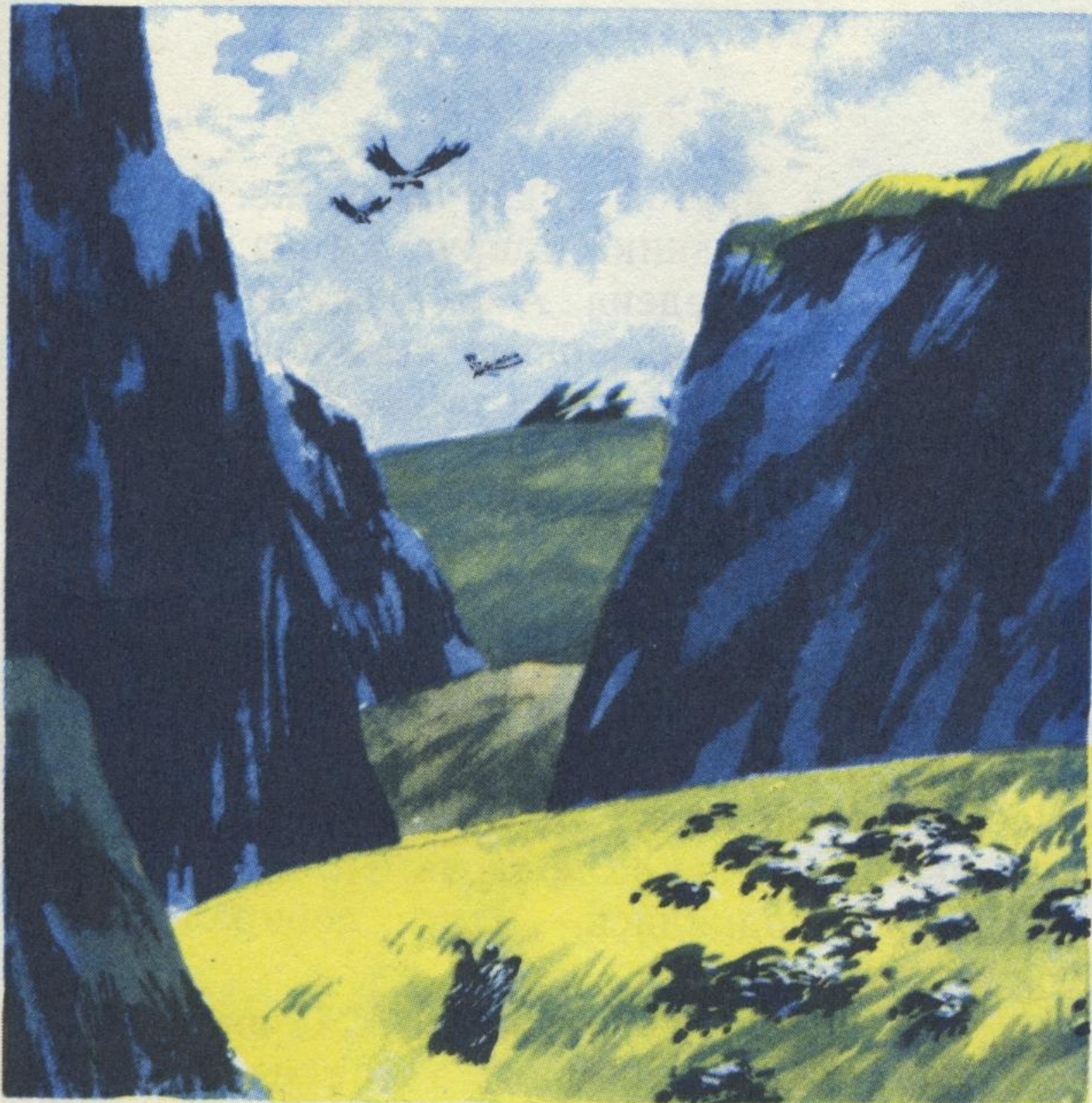
В полдень мы перегнали овец на равнину. Сели в тень, и Чанта стал экзаменовать меня:

— А ну-ка, бичо, что, по-твоему, вон с тем баранчиком?

— Передняя правая мокнет.

— А как лечить будешь?

— Сделаю надрез, очищу и посыплю присыпкой...

— Молодец, из тебя хороший чабан получится!

Через неделю Чанта спросил:

— Ну как, бичо, теперь без меня справишься?

— А ты как считаешь, дядя Шакро?

— Не станешь лениться—справишься! Буду наведываться к тебе. А если что, не стесняйся, сам приходи, помогу.

И Чанта стал собирать свои пожитки.

Я перекинул через плечо его сумку и бурку и проводил до перевала.

И вот я остался один с отарой. А кругом ни души—одни только горы. И все же, сказать по правде, я был горд, что остался один. Мне предстояло испытание: в этом безлюдье, в одиночестве, когда ни посоветоваться, ни словом перемолвиться не с кем, надо заботиться об отаре... Нет, работы я не боялся. Со стороны, бывает, дело кажется трудным, а возьмешься за него сам и обязательно одержишь победу—в этом я был убежден.

Вечером я пригнал отару, завернулся в бурку и лег. Но сон не шел. Овцы почему-то вели себя беспокойно. При Чанте я засыпал быстро: знал, что он всегда начеку. А в ту ночь я то и дело просыпался от каждого шороха.

Наконец я заснул.

Меня разбудил топот. Я подошел к загону. Все овцы были на ногах, сбились в кучу и в смятении смотрели в сторону взгорка. Я тоже взглянул туда, но ничего не увидел, кроме каменных глыб и темных кустов.

Овцы не успокаивались, видно, почуяли что-то недоброе.

Я изо всех сил крикнул:

— Э-ге-гей!

Эхо многократно повторило мой крик. И опять ни звука.

«Эх, была бы у меня собака,—мелькнула мысль,—сразу бы почуяла».

Среди каменных глыб внезапно скользнула тень.

— Кто там?!—Я ударил крюком по скале. Тень опустилась на четвереньки и стала подыматься на взгорок. Это был медведь.

Утром я привел с главной базы собаку. Огромную!.. Прямо не пес, а буйволенок. Звали его Ботвера. Чтоб зверь не схватил пса за горло, на нем ошейник с зубьями. Хвост подстрижен лестничкой, на кончике оставлен маленький чубчик. Огромный пес выглядел смешно, но что делать—так нужно: если собака согреет нос, уткнув его в мягкий пушистый хвост, то уснет так крепко, что хоть из ружья стреляй—не услышит.

Умный взгляд у Ботверы—посмотрит на меня и сразу понимает, что мне от него нужно.

Теперь мы вместе охраняли отару. Собирая овец, я громко посвистывал и покрикивал: «Дрре!» Незаметно для себя я научился свистеть и покрикивать точь-в-точь как чабаны.

Я собрался было перекусить, как вдруг увидел пастуха—он вел на поводу лошадь. На спине у нее была переметная сума, из кармана которой выглядывал ягненок.

— Где Чанта?—спросил пастух.

— Его здесь нет.

— Что же мне делать? Ягненок ногу сломал...

— Покажи-ка...

— Где же Чанту найти?

— Он теперь на ферме. Сними ягненка...

Пастух развязал тесемки, взял ягненка за рожки и осторожно вытащил. Задняя нога у ягненка была перебита камнем.

Я осторожно вправил кости, как это делал Чанта, и наложил лубок. Ягненок обессилел от боли и уже не блеял, а только жалостно стонал. Но едва его отпустили, пробежал несколько шагов, остановился. Подогнул дрожащую больную ногу, постоял, потом нерешительно прикоснулся к земле копытцем и уже смело оперся на ногу.

— Через неделю все забудет!—сказал я.

Пастух глянул на меня с благодарностью и повел лошадь к вершине горы. Ягненок остался в моей отаре, я назвал его Беко.

Вечером, когда стемнело и овцы затихли в загоне, я развел огонь и прилег у костра, прикрывшись буркой.

В полночь Ботвера громко залаял. Я схватил крюк и побежал на голос собаки. Ботвера в нерешительности остановился у скалы. Я понял, что это медведь явился за добычей, и подошел ближе. Но Ботвера поджал хвост и попятился. Через несколько мгновений я увидел медведя: зверь перемахнул через плетень, сразил барана лапой и потащил свою жертву в ущелье.

Я бросился за ним, но медведя и след пропал.

Меня охватило отчаяние...

На другой день я не стал вечером разводить огонь — сытый медведь сегодня будет отдыхать, придет сюда не раньше чем дня через три. По правде говоря, я не был уверен, что огонь остановит сильного зверя, и в этот вечер решил сделать еще и пугало. Сбил крест-накрест две палки, надел на них свою рубаху, ведро вместо шапки и к нему привязал на веревке «язык» из камня. Натянул веревку, камень ударил по ведру, и оно загремело. Ботвера сразу же залаял — я был очень доволен своим изобретением.

Утром пришел Чанта, пригнал больных овец. Их нельзя было держать на ферме — на вольном выпасе они быстрее поправятся.

— Ну, говори, как дела, бичо?

— Да вот... — Я окинул взглядом отару.

Чанта осмотрел моих овец.

— Вижу, ты хорошо потрудился... Гляди, что я тебе принес. — Чанта сел на траву, раскрыл сумку. — Это хинкали с мясом, это с творогом. А вот хашлама. Смотри, только пальцы не проглоти!

Я принес родниковой воды, подал кружку Чанте — он очень любил ее и называл «милостивой».

— Ну, что скажешь, бичо, какие у тебя трудности, какие радости? — спросил Чанта. Мне хотелось рассказать заботливому Чанте обо всем, но я сдержался и сказал:

— У меня все в порядке, а как там у вас, в долине?

— Тоже неплохо. Только друзья твои скучают по тебе.

Скоро Чанта попрощался со мной и ушел по тропинке на ферму.

Я набрал сухой травы и разжег огонь. Было очень тихо.

Из-за горных вершин медленно выплывала луна. Я ждал ее, словно близкого друга: мне уже было не так страшно.

Луна поднялась над вершинами гор. Звезды стали бледнее. Тени, скрывшие склоны, перебрались ниже и затерялись в ущельях. Так уж заведено в горах: когда приходят сильные, слабые уступают им дорогу; когда поднимается большой ветер, маленький ветерок стихает. И когда пришел медведь, собака уступила ему дорогу. Не хотела, но все же уступила. И я ус-

тупил. Так что же, выходит, медведь сильнее человека?..

Ночь прошла спокойно. Утром я осмотрел овец. Больных стало меньше. Поборол-таки я их болезни! Все было бы совсем хорошо, если бы не этот проклятуший медведь. И добычу себе выбрал — самого здорового барана!..

Я погнал отару на пастбище, Ботвера бежал рядом и почему-то все время отводил глаза — наверно, от стыда или от обиды. Я приласкал его: прости, Ботвера, это я виноват. Развел бы огонь, и медведь, может быть, побоялся подойти к загону. Ботвера благодарно завилял хвостом, лизнул мою руку.

— Это уж ни к чему! — строго сказал я ему. — Не люблю подхалимов.

Мы пошли к роднику. Мой недавний пациент Беко увидел нас и потрусил в нашу сторону. Он уже смело наступал на ногу. Я поделился хлебом с Ботверой и с барашком. Беко без церемоний принял угощение.

Вернулась отара после заката солнца. Я отвел овец в загон. Беко не отходил от меня. Я знал: пока не почешу между рожками, не даст покоя. Он прижался ко мне и закрыл глаза. Я осмотрел его ногу, ослабил лубок и отвел Беко в загон.

К этому времени совсем стемнело. Я развел

огонь, поднялся на взгорok и посмотрел оттуда на свое село. Яркие огни веселой вереницей тянулись от края до края села, придавая ему радостный, нарядный вид. Я сразу почувствовал себя увереннее, прилег у костра. Но заснуть не мог.

И вот я мысленно веду разговор с медведем, который снова, видимо, обдумывает планы нападений на мою отару.

«Что было, то было, забудем старое, — гово-

рю я ему. — Оставь в покое отару. Подумай, ну с кем ты хочешь сразиться? Я ведь новичок — только что за дело взялся. Я буду чабаном, только не становись на моей дороге...

Лес полон вкусных кореньев, малины, меда. Зачем ты убиваешь овец?»

«А вы ведь тоже убиваете?» — возразил медведь.

«Так это же наши овцы. Мы их растим, кормим, ухаживаем, лечим. Если бы человек не присматривал за овцами, такие, как ты, мишенька, давно бы уничтожили их!..»

Тут я услышал блеяние овец и собачий лай. Я вскочил, подбросил дров в огонь.

Медведь был тут как тут. Я побежал навстречу ему, Ботвера лаял издали.

— Не пущу! Уходи! — закричал я, размахивая горячей головней. Он оскалил зубы и заревел. Я отскочил, а он прыгнул в загон. Сильный удар медвежьей лапы — и раздался стон обреченной овцы. Медведь со своей добычей перелез через ограду и прошел мимо меня. Могу поклясться — он посмотрел на меня с насмешкой. Я швырнул в него головню, но он не торопясь скрылся в ущелье.

Я стоял уничтоженный. Я был не в силах помешать зверю, а он прямо на глазах уносил овец. Этот наглец был настолько уверен в себе, что брал только одну овцу, знал: когда захочет, возьмет и другую... Нет, не выйдет из меня настоящего чабана!

У медведя свои звериные законы, надо кончать нытье и действовать решительно.

Я не заметил, как рассвело.

В ложбине послышалось громкое карканье. Это корани — большой черный лесной ворон. Наверно, нашел остатки моего барашка, вот и радуется. Я лежал на спине и с грустью смотрел на светлеющее небо. Корани опять каркнул. Весь мир оповестил о моем поражении! На его карканье явился черный гриф. Он парил над ложбиной, делая круги. Скоро к нему присоединились другие грифы, они круг за кругом осматривали каждый уголок ущелья.

Чанта любил черных грифов. «Грифы — друзья пастухов, — говорил он, — они помогают найти овец, заблудившихся или похищенных зверем. Эти птицы не такие коварные, как другие: ягнят не похищают и не трогают малышей, оставшихся без матери. Одно только плохо: очень уж они ненасытные. Но что делать, еда перепадает нечасто, но уж когда они ее находят, — наедаются до отвала».

Рассказывал Чанта и о корани. Удивительная птица — корани! Чутье у нее безошибочное. Старики говорят: у корани на левом крыле белое перо, оно-то, как фонарик, помогает птице даже в кромешной тьме находить добычу. Найдет и сразу каркает: зовет своих.

Грифы еще долго парили вокруг, потом, поборов осторожность, сложили крылья, стремглав бросились вниз и, один за другим, скрылись в ущелье. Почему-то и мне захотелось спуститься в ложину — увидеть остатки медвежьего пиршества. Недолго думая, я отправился туда.

Грифы сгрудились вокруг добычи. Они отгоняли от нее друг друга, вскрикивали, взмахивали крыльями. Корани летали поблизости в ожидании объедков. Я сбежал с обрыва, взмахнул крюком. Грифы с шумом взлетели, и я повернул назад...

Оставив Ботверу сторожить овец, я спустился на ферму. У загона с овцематками, кроме Чанты, было еще пятеро чабанов. Мне не хотелось показываться им на глаза. Когда Чанта остался один, я подошел к нему. Он помешивал в котле длинной деревянной ложкой — варил сыр. Внимательно посмотрел на меня:

— Как дела, бичо?

Мне казалось, что мое сердце колотится у самого горла.

— Здравствуй... — с трудом выговорил я и протянул к огню озябшие руки. Хорошо, что Чанта ни о чем не спрашивал, иначе я, наверно, расплакался бы. Чанта следил за кипящим молоком, но я чувствовал на себе его пристальный взгляд.

— Ну что, бичо? Раз пришел, значит, дело есть?

— Мне нужно ружье! — сказал я громко.

— Для чего?

— Медведь повадился...

— Задрал?

— Да.

Чанта отошел от котла, неторопливо разложил на столе еду, придвинул ко мне хлеб. Я отломил кусочек.

— Ты своим делом занимайся, — сказал Чанта, — а вечером я охотника пришлю.

— Никого не надо, только ружье дай, — возразил я.

— Сам хочешь убить?

— И не собирался убивать.

— Тогда послушай меня, бичо: не стреляй в упор. В воздух выстрели, шуми побольше, он и уйдет.

Я взял ружье и пошел.

«Я не собираюсь тебя убивать, — снова мысленно говорил я со своим обидчиком, — я должен тебя победить! Ты, наверно, решил: неопытного паренька легко перехитрить. Да, ты умный, смысленный зверь. Но все же я тебя одолею...»

Я не заметил, как дошел до своего загона. Пересчитал отару, осмотрел ружье. Патроны были заряжены крупной дробью или жаканом — значит, выстрел в медведя будет смертельным.

Тогда я решил оставить в патронах только порох. Стрелять буду для острастки, чтобы напугать зверя.

А если он не испугается? Он ведь не испугался моего костра. Выстрел в воздух тоже может его не испугать, тогда он совсем осмелеет, и мне придется его убивать. Надо, пожалуй, оставить патроны как есть, а стрелять в воздух...

Вечером ко мне пришел молодой пастух Пачо. У него было двуствольное ружье, пере-

поясан он был патронташем. Я слышал, Пачо — хороший охотник — это Чанта послал его.

— Гостя примешь? — спросил Пачо.

— Почему бы нет!

Больше Пачо ничего не сказал, видно, не хотел первым начинать разговор о медведе.

— На нашей базе сейчас хинкали готовят, — сказал Пачо, — пойди, отведай, а я здесь останусь.

— Пачо, я знаю, зачем ты пришел. Можешь сам хинкали угощаться. А я свое дело один сделаю.

Пачо ничего не ответил и кратчайшей дорогой пошел обратно на ферму.

На другой день к вечеру подул холодный, северный ветер. Надо было ждать непогоды. Я погнал отару к ручью, а когда овцы напились, — в загон. Беко нигде не было видно. Он был, наверно, еще мал, чтобы почуять приближение непогоды. Я отыскал его и отвел к загону. Потом развел огонь.

Беко не пожелал укладываться спать так рано — перепрыгнул через плетень и, прихрамывая, подошел ко мне. Я снял лубок: рана зажила, только суставы были слегка отекие. Я помассировал ногу.

— Тебе, глупышка, надо соль есть. — Я протянул ему пригорщню соли.

Беко попробовал и с жадностью стал лизать. А я разглаживал его шерсть, вынимая из нее колючки. Ягненок положил голову мне на колени, я шутливо оттолкнул его. Он принял вызов, встал на задние ноги и ловко ударил рожками. «Ага, дружок, значит, ты уже совсем здоров! Теперь тебя можно выпускать подальше в горы...»

Вдали прогремел гром, сверкнула молния, и по листьям рябины застучали капли дождя. Я отвел Беко в загон, а сам завернулся в бурку и лег под скалой. Над вершиной горы, раскаленная добела, взметнулась огромная молния, она ослепительно сверкнула, и все сотряслось от грохота.

К ночи дождь прекратился. Ветер разогнал туман, и небо прояснилось. Луна стояла над вершинами гор. Сегодня был настоящий день луны¹.

«Нет, — решил я окончательно, — я должен встретиться с медведем лицом к лицу, как подобает мужчине. Подпущу его поближе и пойду на него с ружьем — оно будет наготове, но дулами книзу. Посмотрю зверю в глаза. Он должен испугаться моей твердости, а не ружья. Медведь повернется, побежит к ущелью, а я разряжу ружье в воздух...»

Мысленно я уже праздновал предстоящую победу, как вдруг залаял Ботвера. «Ага! Явился! Я знал, что придешь».

Я взвел оба курка и стал подкрадываться

к каменной ограде. Медведь шел прямо к загону, не обращая внимания на Ботвера, который в бешенстве бросался на него. От волнения мне тяжело было дышать.

Медведь был шагах в сорока от меня. Я вышел из засады на тропу, по которой он должен был спуститься. Но многовековой инстинкт подсказывал ему, что встреча с человеком опасна, и он не спешил.

«Жаль все же, что Пачо ушел», — мелькнула мысль. Но тут же я пристыдил себя: «Трус! Ты должен встретиться с медведем один на один».

Медведь, не видя меня, стал швырять камни. Хотел, чтобы я себя обнаружил. Но я стоял как вкопанный. Овцы еще теснее прижались к ограде. Ботвера зашелся лаем. Я с трудом перевел дыхание — от напряжения закружилась голова. В этот момент промелькнула тень и послышался отчаянный вопль ягненка.

Это медведь зубами схватил Беко за шею.

— Отпусти его, отпусти! — закричал я весь голос, забыв про ружье. Ботвера сзади кинулся на медведя. Медведь бросил Беко, замахнулся на собаку и снова схватил несчастного ягненка. Держа его в зубах, он встал на дыбы и заревел.

Медведь рычал, как бы возмущаясь нашим сопротивлением, и все больше наливался бешенством. Ботвера отскочил подальше, я спрятался за камнями. Беко стонал, голова его беспомощно свесилась.

И тут я выстрелил и ранил медведя в плечо. Он выпустил Беко, заревел от боли и двинулся на меня.

Мы с медведем стояли лицом к лицу. Он хотел бежать и не мог. Стоял передо мной и стонал.

В воздухе разлился приторный запах серы. Ствол ружья был теплым, и мне даже показалось, что мои руки в крови. Я с отвращением выронил ружье. Оно с грохотом ударилось о камни. Медведь насторожился и двинулся ко мне. Я стоял неподвижно, глядя на него. Но тут... странное дело: медведь вдруг повернул в сторону и скрылся в зарослях. Я был уверен: это мой бесстрашный взгляд укротил медведя.

Наступила тишина.

Вдруг выстрел из ружья снова всполошил горы. Высоко на холме показалась чья-то фигура.

— Э-ге-гей!

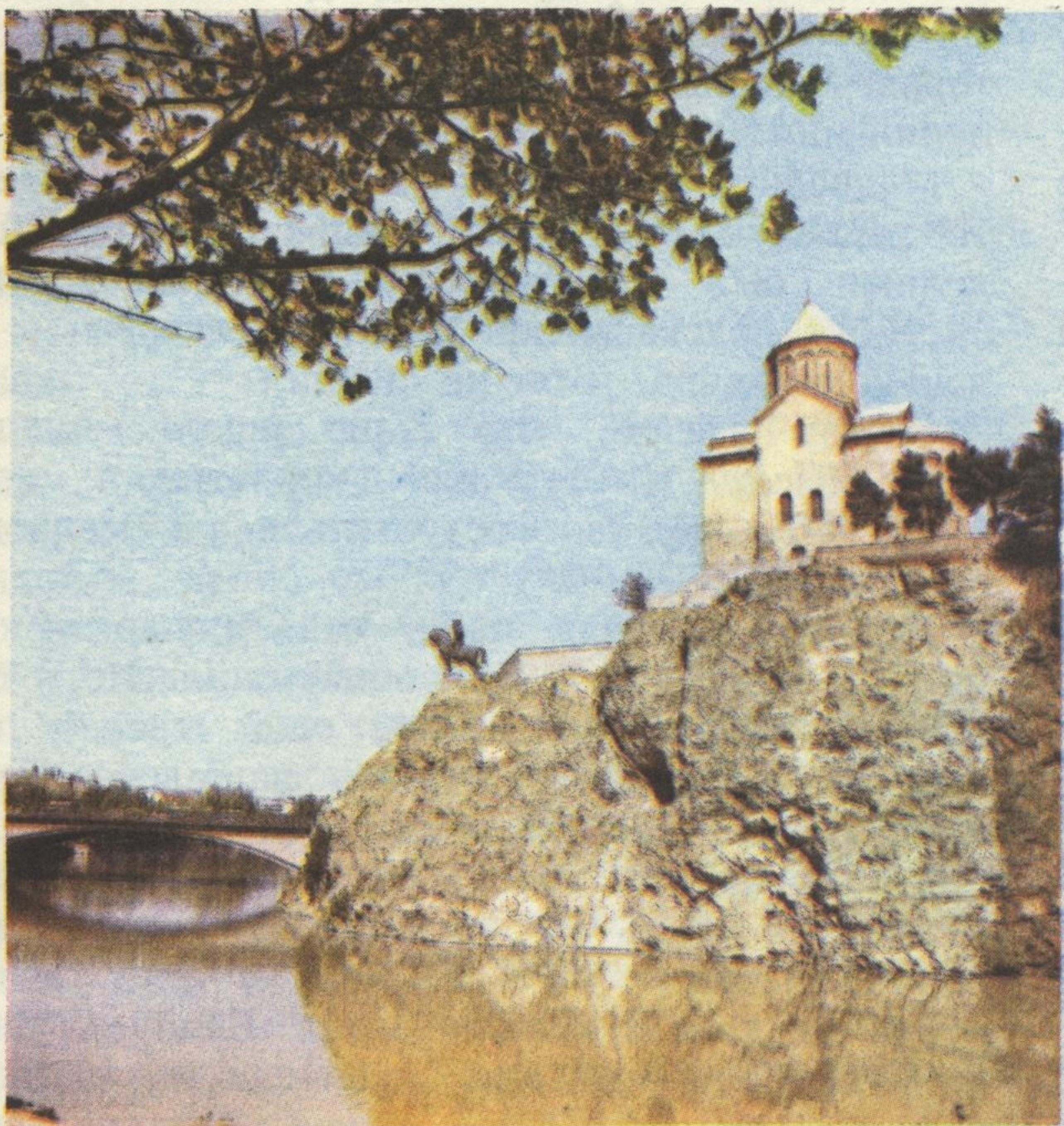
Это был голос Чанты! Но я почему-то не мог откликнуться. Мое молчание испугало Чанту, и он бегом пустился по склону. Издалека он встревоженно крикнул:

— Где ты, бичо?

— Здесь я, здесь!

Горы подхватили наши голоса и многократно бросили их навстречу друг другу.

¹ День луны — старинное грузинское название понедельника.

*Старый Тбилиси.
Над Курой — памятник основателю города,
Вахтангу Горгасали.
На скале — храм Метехи.*

Мирон ХЕРГИАНИ

«ТБИЛИСИ, КРАЙ СОЛНЦА И РОЗ...»

Тбилиси... Город древний, город молодой! В XV веке он уже вступил в свое второе тысячелетие.

Его много раз осаждали войска захватчиков: персов, монголов, турок, арабов, византийцев, хозар, римлян. И грузинский народ вел тяжелую борьбу за свою независимость.

Не раз Тбилиси, лежавший на перекрестке торговых путей Востока, грабили, сжигали дотла. Но он восставал из пепла!

...В центре старого города из земли бьют теплые серные источники. С ними связана легенда о возникновении Тбилиси: «тбили» по-грузински означает «теплый».

Однажды царь Вахтанг со свитой охотился в непроходимых лесах, покрывавших тогда берега Куры. Метким выстрелом царь поразил фазана, и птица упала в горячий источник.

И царь решил возвести на этом месте город и назвать его Тбилиси...

О том, каким был древний Тбилиси, мы узнаем из книг писателей и историков прошлого. Уже в VII веке, по словам писателя и ученого

Мосэ Каланкатуэли, Тбилиси был городом красивым, далеко известным.

В X веке араб Ибн-Хаукаль так пишет о Тбилиси: «Город плодородный, укрепленный, богатый. Благосостоянием своим он превосходит самые богатые страны...»

Писатели, путешественники всех эпох пишут о красоте города, о величии его памятников архитектуры.

В 1801 году Грузия присоединилась к России. Началась мирная эпоха в истории нашей Родины.

Тбилиси стал культурным центром Закавказья. Здесь жил и творил армянский поэт Саят-Нова, классик азербайджанской литературы Ахундов. Здесь обрели второе дыхание сосланные декабристы Одоевский, Бестужев-Марлинский, Кюхельбекер. Образ Тбилиси запечатлен в произведениях Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького. Грибоедов считал Грузию своей второй родиной.

Позднее Тбилиси стал центром революционного движения Закавказья.

25 февраля 1921 года — день рождения социалистической Грузии. Тбилиси — столица республики, центр нашей индустрии и культуры. В нем живет более миллиона человек.

Тбилисцы трудятся, создают. В нашем городе царят мир и покой. Меч можно увидеть только в руках женщины-матери Грузии. В одной руке она держит чашу — для друзей, в другой меч — для врагов. Эта скульптура стоит у стен древней крепости Нарикалы.

Женщина-мать как бы говорит: «Добро пожаловать в Советскую Грузию! Добро пожаловать в Тбилиси».

Уголок современного Тбилиси.

Фотографии В. БОРИСЕНКО

Мурман ЛЕБАНИДЗЕ,
лауреат премии Шота Руставели

Зима

Снег прошел, легко и зябко
к облакам взлетая,
крыльями своими мягко
горы заметая.

Новогоднею порошей
снег на поле выпал:
до чего же он хороший,
третий день каникул!

На пригорке смех и слезы,
и борьба гурьбою!
Нам январские морозы
нипочем с тобою!

Вечер. Пламя над углями
замерцало синим.
Пар клубится над носками.
Мы — перед камином.

За окошком — снег летучий.
Бабушка смеется:
кто по лестнице скрипучей
на чердак взберется?

Снег над зимними садами,
нас они не слышат,
но на чердаке над нами
осень тихо дышит.

В миске — персики и груши,
рядышком — чурчхела.
Осень согревает души
славно и умело.

Снег идет, легко и зябко
к облакам взлетает.
Крыльями своими мягко
горы заметает.

Нази КИЛАСОНИЯ

Кто мой друг?

Быть мне другом кто бы мог?
Дождь, вплетенный в ветерок:
он, журча, идет за мной,
тихо шелестя листвою...

Быть мне другом кто бы мог?
Рек неистовый поток.
Как прозрачна и сильна
Мтквари бурная волна!

Кто мой друг, скажи скорей?
Тишь серебряных полей?
Бук и ясень и платан,
краснолистый великан.

Кто мой друг, скажи скорей?
Соловей среди ветвей.
Вот на радость вам и мне
вновь он цоклет в листве.

Кто мне другом стал навек?
Каждый добрый человек,
кто в любви признался к ней,
милой Грузии моей,

Кто сказал: среди красот,
рек, оснеженных высот
так прекрасна, вижу я,
чудо родина твоя!

Перевел Р. БУХАРАЕВ

Гурам ВАРАЗАНАШВИЛИ

Гончар и шут

СКАЗКА

Рисунок З. ПОРЧХИДЗЕ.

Однажды к богатому вельможе приехали гости. Три дня и три ночи пировали они. На четвертый день хозяин позвал к себе шута и приказал удивить гостей чем-нибудь небывалым.

Хозяин, известный скряга, на этот раз раскошелился — дал шуту пригоршню золотых монет.

Первым делом шут пошел на базар. Чего только там не было! Яркие ковры и шелка всех цветов радуги, чеканные сабли и кинжалы, седла, узорчатые туфли — всего не перечесать.

Под огромным тополем на треноге сидел гончар. Вокруг него стояли глиняные кувшины, миски, пиалы, чаши...

Шут подошел к гончару, оглядел его товар и спросил, сколько платить за все. Гончар удивился: этот человек хочет купить весь товар? Наверно, очень важный покупатель. А когда шут вытащил мешочек с золотом, у гончара чуть не выскочило сердце из груди — столько золота он никогда еще не видел. Он вскочил и стал расхваливать свой товар, постукивая палочкой по чашам и сосудам:

— В таком кувшине вода и в жару будет прохладной... Вино из этой чаши приятнее и вкуснее... А какую сочную фасоль можно сварить в этом горшке!..

Шут слушал рассеянно, на уме у него было другое. Он сказал:

— Зря расхваливаешь свой товар — он мне не нужен. Я уйду, но скоро вернусь сюда с господином и его гостями. Как только они подойдут к тебе, я сниму шапку, и ты по этому знаку сразу разбей какой-нибудь кувшин. Еще раз сниму шапку — еще что-нибудь разбей. Брошу шапку — на землю, — бей все подряд! Чтобы ничего не осталось! Понял?

Гончар остолбенел, он словно увидел молнию на безоблачном небе. «Он что, не в своем уме, или я его не так понял?» — подумал гончар. А шут будто угадал его мысли:

— Не думай, я еще не сошел с ума. Да у безумцев золота не бывает.

Гончар невольно взглянул на золотые монеты.

— Может, тебе мало этого? — спросит шут.

— Нет, нет! — Гончар испугался, что шут заберет золотые монеты.

— Эта посуда теперь моя? — спросил шут. — Я же купил ее!

— Твоя...

— Тогда делай все, как я велел.

Мастер с грустью посмотрел на посуду, сделанную его руками.

— А если я не стану бить?

Шут рассердился.

— Не думал я, что есть люди еще глупее меня. Посуду ты сделал красивую, а голова, видно, у тебя пустая. Посуда теперь моя: я за нее заплатил золотом! Что хочу, то и сделаю с ней.

Гончар стоял, опустив голову. Потом вздохнул и сказал:

— Свою посуду я бить не буду! Я ее не для этого делал.

Шут помолчал.

— Хорошо, будь по-твоему. Я отдам золото другому, и он перебьет твою посуду. А ты уйдешь прочь.

— И другому не позволю, — твердо сказал гончар.

— Да как ты смеешь? — затопал ногами шут. — Я заплатил тебе не торгуясь, и теперь посуда моя, это уж мое дело, разобью я ее или нет.

— Не позволю! — отрезал гончар. — Вот этими руками лепил я из глины кувшины и горшки. Каменное сердце должно быть у того, кто захочет лишить их жизни. Возьми свое золото! Я неделю просижу на базаре, но продам посуду тем, кому она будет полезна. А чтобы позабыть своих вельмож, придумай что-нибудь другое.

Шут взял свое золото и побрел с базара ни с чем.

Перевела Р. ХАНТАДЗЕ

ЧЕМПИОНКА МИРА

Каждый год в Тбилиси проходит товарищеский матч между сборными командами шахматистов СССР и Югославии. За шахматными столиками сражаются прославленные гроссмейстеры и мастера. Так было и пять лет назад, но на этот раз внимание зрителей, заполнивших зал нового Тбилисского Дворца шахмат, было приковано к двенадцатилетней Майе Чибурданидзе. Эта тбилисская школьница выступала за сборную команду страны! И она победила тогдашнюю чемпионку Югославии Власту Калхбренов со счетом 4:0.

Прославленный югославский гроссмейстер Светозар Глигорич, следя за ее игрой, сказал: «Мы наблюдаем за игрой будущей чемпионки мира!»

Вот такое «боевое крещение» получила Майя.

Весной следующего, 1974 года Майя уверенно завоевала первый приз на турнире в Румынии и стала международным мастером.

Юная шахматистка продолжала шагать семимильными шагами: она принимала участие во всех финалах женских чемпионатов СССР и в борьбе за Кубок страны уступила только опытной Майе Раннику.

В шестнадцать лет Майя Чибурданидзе стала международным гроссмейстером.

В конце 1977 года Майя Чибурданидзе добилась нового выдающегося успеха — уверенно завоевала во Львове титул чемпионки СССР. Причем в этом турнире юная шахматистка не потерпела ни одного поражения!

17 января нынешнего, 1978 года Майе исполнилось семнадцать лет. И как раз в эти дни она направилась в западногерманский город Бад-Киссинген на финальный матч претенденток с Аллой Кушнир.

Соперница Майи на двадцать лет старше. Но дело, разумеется, не в возрасте. Главное, Кушнир трижды встречалась в матчах на первенство мира с шахматной королевой — Ноной Гаприндашвили. Но громкие титулы и прошлые достижения Кушнир не смутили юную тбилисскую шахматистку. Майя одержала победу над грозной соперницей со счетом 7,5:6,5 и завоевала право на поединок с чемпионкой мира и выиграла.

Алексей БУСЛАЕВ,
мастер спорта,
заслуженный тренер
Грузинской ССР

Майя Чибурданидзе играет в активном, боевом стиле, она много работает над овладением тайнами стратегии и тактики шахматных сражений. Вот два примера ее творчества.

Неожиданным и эффектным финалом завершилась партия, в которой двенадцатилетняя **Майя Чибурданидзе** играла белыми с мастером **Ольгой Андреевой** на международном турнире в Сухуми.

(Диаграмма № 1)

Черные возлагали большие надежды на связку коня е4, но юная шахматистка опровергла замысел соперницы. События развивались так:

1. 0—0—0! Ле5:е4 2. Лd1:d7 +! Кpd7—е8 3. Лd7—е7 +!

Блестящее решение. Если 3... Л:е7, то 4. Сb5, выиг-

рывающая ферзя. Черные сдались.

(Диаграмма № 2)

А к этому положению пришла партия **Чибурданидзе — Теодореску**, сыгранная на международном турнире в Румынии в 1974 году.

Позиция черных стеснена, очень сильна проходная пешка h6. Майя отлично реализовала свой перевес.

1. Лh2—f2 Кра7—b8 (грозило 2. Ф:f7, на 1... Лf8 белые ответили бы 2. Фg7!) 2. Фf6:f7! (красивая и далеко рассчитанная жертва ферзя) 2... Лd7:f7 3. Лf—f7. Фh7—h8 4. Лf2—f6 Лg8—e8 5. h6—h7.

Черные совершенно зажаты, их ферзь не имеет возможности вырваться на простор.

5... Кc2—e3 6. Кре2—f3 Кpb8—c8 7. Сg5—h6 Кpc8—d8 8. Лf7—a7! Ке3—c2 9. Ла7—a8 + Кре8—e7 10. Ла8:e8 Фh8:e8 11. Лf6—f8. Черные сдались.

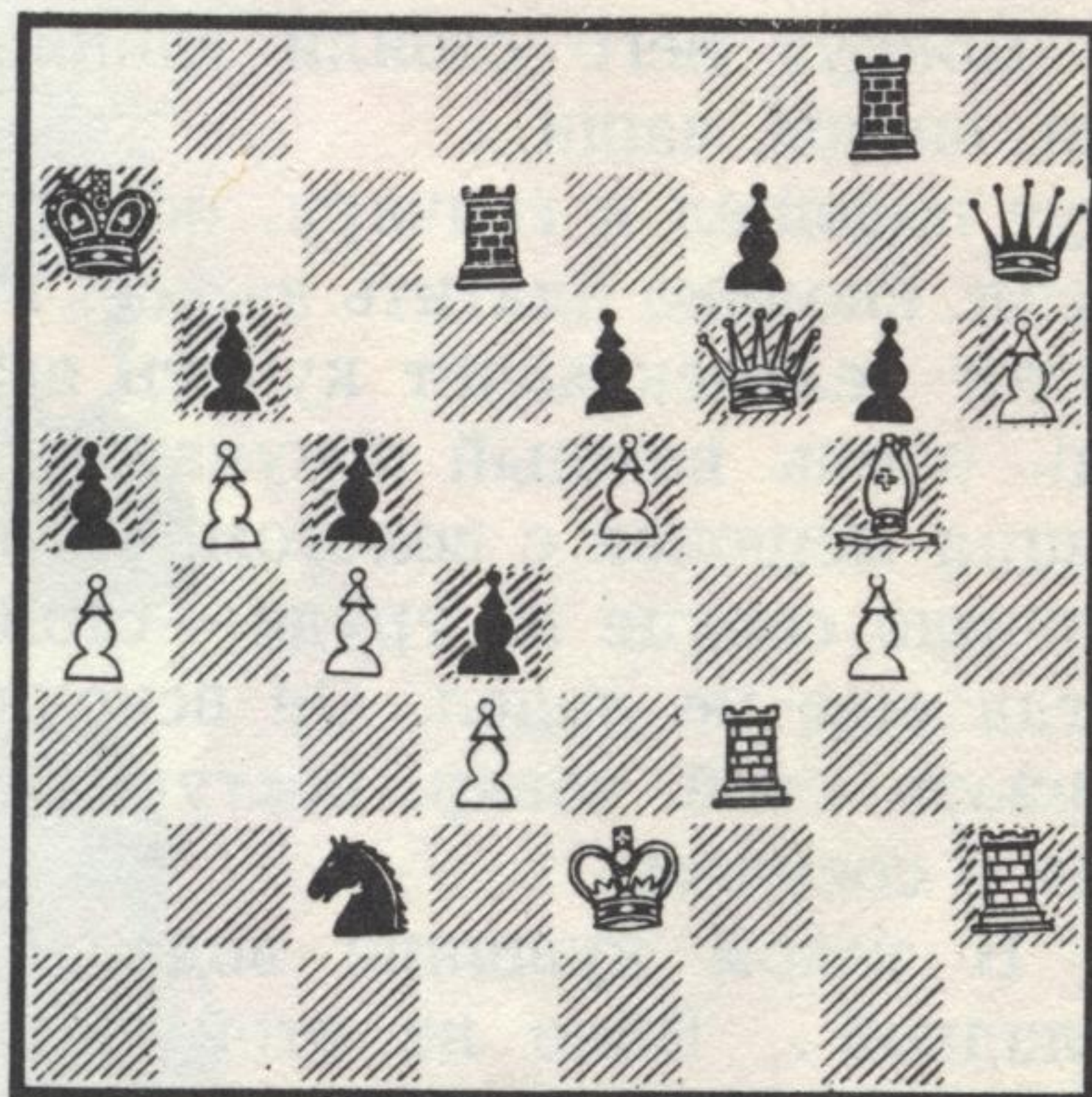

Диаграмма № 1

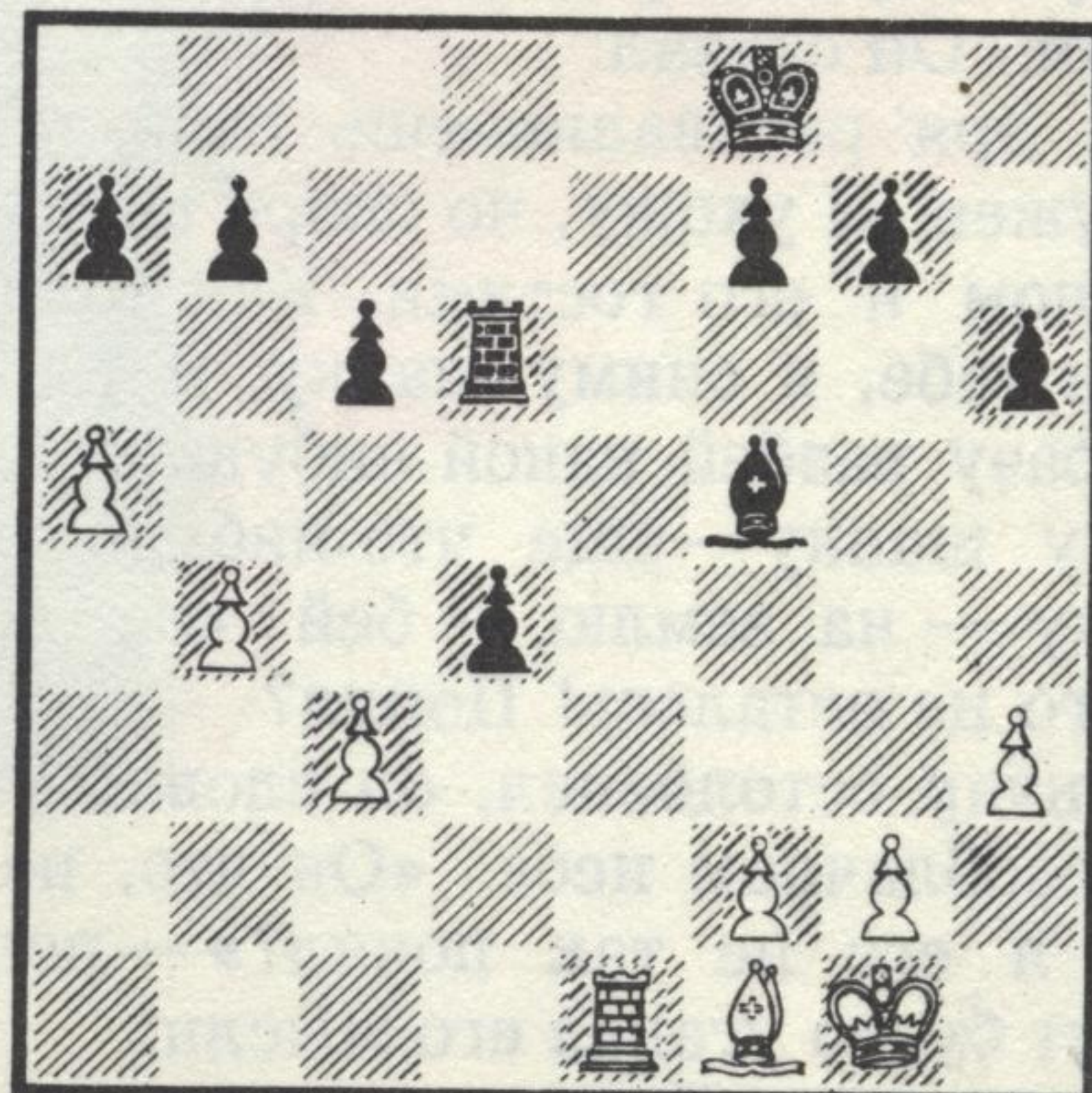

Диаграмма № 2

ГРУЗИНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Дерево сильно корнями, а человек — друзьями.
Доброе слово железные ворота открывает.
Для ленивого все время то дождь идет, то снег.
Если уж падать, то лучше с коня, чем с осла.
Змея сбрасывает кожу, но сердце змеинное остается.
И собака хлеб-соль помнит.
Чужому в беде поспеши помочь, но на пир к нему

не торопись.

Кто ищет друга без недостатков, — остается
одиноким.

Один глупый бросит алмаз в море — тысячи умных
его не достанут.

Одной рукой в ладоши не хлопнешь.
Трус хвастает уходя, смелый — возвращаясь.
Ума у соседа займы не возьмешь.
Хороший подмастерье — радость для мастера.
Человек познается в пути.

Тенгиз ПАТУРАШВИЛИ

СОСЕДИ

СКАЗКА

В одной деревне жил добрый и умный человек. Все его уважали.

Однажды в эту деревню пришел незнакомец и поселился по соседству с добрым человеком.

Наступила зима. Добрый человек попросил нового соседа одолжить ему лопату расчистить снег.

Сосед лопату дал, но на другой же день потребовал ее обратно.

— Почему не возвращаешь лопату? Я ведь не подарил ее тебе, а одолжил.

— Я очень виноват перед тобой, сосед, — ответил добрый человек смущенно. — Твоя лопата сломалась. Подожди немного, я куплю тебе новую.

— Лучше бы ты себе купил лопату и не одалживал у других, — грубо возразил сосед.

Добрый человек сдержал свое слово: купил новую лопату.

Но сосед отказался от нее.

— Мне моя плохая лопата дороже, — сказал он.

Добрый человек предложил соседу много денег в придачу к лопате.

Сосед разозлился пуще прежнего. Он стоял на своем: верни мою лопату, другой мне не надо.

Добрый человек, кроме денег, предложил соседу еще и овцу. Но сосед и на это не согласился.

Тогда добрый человек пошел в сарай, где он спрятал лопату, взял ее и отдал соседу с такими словами:

— Ты все твердишь, что дороже твоей лопаты для тебя ничего нет. Так вот — получай ее целую и невредимую.

Сосед очень расстроился. Идет домой со своей лопатой в руках и сам себя бранит. «И зачем только я отказался от новой, хорошей лопаты, да еще и от денег, и от овцы. Пожадничал!»

Он так разозлился на самого себя, что схватил лопату, ударил ею что есть силы о забор и разнес ее в щепки.

«Так мне и надо!»

А добрый человек сказал своим домашним:

— Одолжил я у своего соседа пустяк, лопату, а узнал, какой он человек...

Перевела Р. ХАНТАДЗЕ.

Нино БЕЗАРАШВИЛИ

Рисунок В. СТРИЖКОВА

ТЕПЛЫЙ ХЛЕБ

РАССКАЗ

Посередине двора у бабушки Саломэ стояла печь-торнэ, оплетенная толстыми прутьями.

Когда бабушка собиралась печь лаваш, все старались ей помочь. Кто снимал доски, которыми была покрыта торнэ, кто бежал с большим кувшином за водой.

А бабушка загорелыми руками месила тугое тесто и приговаривала:

— Доброе сегодня, ласковое тесто...

Маленькая внучка тоже помогала: счищала тесто со стенок кадушки, веничком подметала просыпанную муку.

— Хорошая ты моя, помогаешь мне. За это я испеку тебе самую вкусную лепешку, — говорила бабушка.

Она присыпала тесто мукой, раскатывала его, складывала вчетверо и накрывала чистым полотенцем.

Через некоторое время бабушка осторожно прикладывала к тесту ладонь, проверяя, подошло ли, и говорила сыну:

— Пора разжигать торнэ, пора... А то тесто перестоит.

Скоро в торнэ начинал жарко потрескивать сухой хворост. От горячего воздуха качались ветви старого инжира.

Когда печь накалялась, во двор выносили корыто с тестом и ставили на чурбан рядом с печью.

Бабушка Саломэ отрывала комок теста и — хлоп! — прилепляла его изнутри к горячей стенке торнэ, растягивая немного в длину. Потом брала другой кусок, третий и — хлоп! хлоп! — выстраивались на печном боку длинные лепешки.

Двор наполнялся запахом теплого хлеба.

Готовые лепешки бабушка складывала на поднос и звала внучку:

— Сбегай, моя хорошая, отнеси дедушке Тедо и бабушке Эве... К ней приехала невестка из города, теплый хлеб будет им в радость.

— У них есть хлеб, бабушка! Они вчера сами пекли.

— Конечно, есть, внученька. Но недаром говорят: теплый хлеб и мертвого оживит.

Внучка, держа на каждой ладони по теплой лепешке, бежала к соседям.

Бабушка кончала печь, и у торнэ собиралась детвора. Дети сдирали с остывающих стенок хлебные корочки и дружно хрустели ими. Бабушка Саломэ каждому отламывала по куску теплого хлеба, но больше всего они любили эти ломкие корочки.

Остывшую печь снова закрывали досками. Дети тесно усаживались на них и рассказывали всякие таинственные истории.

А бабушка хлопотала по хозяйству. Когда дети засыпали, она покрывала торнэ клеенкой на случай дождя. Складывала хлеб в большую медную хлебницу, подвешенную к потолку, чтобы до хлеба не добрались мыши, и только потом ложилась спать.

...С тех пор прошло много времени. По-прежнему растут в саду сливы и инжир, но бабушку Саломэ уже не увидишь во дворе. Внучка, ее маленькая помощница, выросла, стала взрослой. Она живет не здесь, но в ее дворе тоже стоит торнэ, оплетенная толстыми прутьями орешника. И всякий раз, когда она начинает печь хлеб, вспоминает бабушку...

Хлеба теперь вдоволь. Его продают и в деревенском магазине — приходи и выбирай, какой хочешь. Но хозяйка все равно часто печет хлеб во дворе. Испечет, позовет детей к горячей печке и скажет:

— Один отнесите дяде Тенгизу, другой — бабушке Нино.

И дети с радостью бегут к соседям — несут им теплый хлеб.

Перевела Р. ХАНТАДЗЕ.

ВИКТО- РИНА

1. 9 мая 1945 года над фашистским рейхстагом взвилось знамя Победы. Как звали советского солдата, грузина по национальности, который вместе с другими нашими бойцами водрузил победное знамя над Берлином?

2. Первая гидроэлектростанция Грузии построена по Ленинскому плану ГОЭЛРО. Какая это ГЭС и когда она построена? Строительство какой гидроэлектростанции в Грузии объявлено сейчас Всесоюзной ударной комсомольской стройкой? Расскажите, что вы знаете об этой ГЭС.

3. В Тбилиси в газете «Кавказ» был опубликован первый рассказ великого советского писателя. Кто этот писатель? Как назывался его первый рассказ?

4. Какая бесплодная болотистая низменность, рассадник малярии, была в предвоенные годы осушена и превращена в плодородную и цветущую долину? Как называется эта долина, что там выращивают?

5. Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» — гордость грузинской литературы. Когда была написана эта поэма? Как зовут главного героя? Где эта замечательная поэма была впервые напечатана на русском языке?

6. Каких прославленных грузинских шахматистов ты знаешь?! Где они начинали учиться искусству шахматной игры?

Ответы на вопросы викторины присылайте не позднее 1 января 1979 года.

Нас подружил фестиваль!

Из журналистского блокнота

Фестивальная деревня, где жила советская делегация, просыпалась рано. Еще не успевал нагреться до сорока градусов воздух... И море еще дышало прохладой... И можно было еще ходить, не прикрыв голову, не боясь получить солнечного удара. Правда, для гаванцев, как говорили они, лето в этом году выдалось прохладным...

Но как бы ни было жарко, день наш всегда был загружен множеством дел. Когда открывался клуб советской делегации рядом с нашей деревней, я встретился с мальчуганом по имени Хуан. У него голубые глаза и черные волосы, выбивавшиеся из-под красного берета.

— Здравствуй, товарищ! — остановил он меня и весело улыбнулся.

Мне не раз приходилось слышать слово «товарищ» на разных языках. Но кубинский мальчик не сказал его, а скорее пропел, растягивая последний слог.

— Здравствуй, амиго! Здравствуй, компаньеро! — весело ответил я.

Мой новый знакомый протянул мне открытку и снова произнес слово «товарищ», давая понять, что он просит дать автограф и московский адрес. Я достал набор открыток Москвы, написал свой адрес и подарил Хуану несколько пионерских значков. Он аккуратно приколот их к рубашке, крепко, по-мужски, пожал мне руку и вприпрыжку побежал к ребятам, ожидавшим его под королевской пальмой. Они уселись в кружок и стали о чем-то оживленно разговаривать...

С того дня каждое утро Хуан Мораме встречал меня и всегда говорил: «Буэнос диас, товарищ!» Однажды я попросил Хуана позвать всех его друзей. И через полчаса я был окружен толпой ребят. Каждому я подарил по значку с изображением В. И. Ленина. Восторгам и радости не было конца!

Вдруг Хуан что-то громко сказал по-испански, и ребята мигом затихли. И до этого я замечал, что шумные, озорные, сверхподвижные кубинские ребята мигом становятся спокойными и уравновешенными, если речь идет о серьезном деле. Они быстро построились и запели свою отрядную песню. Как я потом узнал, в песне пелось о славных героях Монкады, которые смело и мужественно бросились на штурм крепости, не страшась смерти. Многие погибли. Но их дело

живет! И пионеры будут идти дорогой Фиделя, дорогой героев.

Я слушал ребячью песню, которую они пели очень напевно и звонко, и невольно представлял то далекое время, когда повстанцы в горах Сьерра-Маэстра сидели у костра, пели кубинские песни вместе со своим вождем Фиделем и мечтали о будущей счастливой жизни. У таких костров собирались и самые юные повстанцы, которым едва исполнилось четырнадцать-пятнадцать лет. Но они тоже помогали революции. Вот тогда-то Фидель Кастро и сказал: «Как только победит революция, все казармы переделаем в школы»...

Фидель Кастро и его соратники сдержали слово, данное в годы борьбы. Уже в первый год революции, 14 сентября 1959 года, старая военная крепость «Колумбия» в провинции Гавана была отдана детям. На открытии новой школы перед ребятами выступил Фидель Кастро. Он был взволнован не меньше, чем те, кому предстояло переступить порог когда-то грозной крепости, ставшей храмом знаний.

«Хочу, — сказал он, — чтобы вы хорошо запомнили, что мы давно ждали этого момента и что никогда с самого начала нашей революционной борьбы мы не были так счастливы, как сегодня... Сегодняшнее торжество, эта наша встреча с вами, кубинскими детьми, — самое прекрасное событие в этой революции, ибо оно означает, что вы не будете жить, как жили мы, что вы не будете страдать, как страдали мы... Сегодня сбывается то, о чем всегда мечтали, — чтобы эта крепость исчезла».

За два десятилетия кубинской революции появилось много современных школ, Дворец пионеров в Гаване, лагерь имени Хосе Марти, Международный пионерский лагерь в Варадеро и много-много того, что приносит радость кубинским ребятам.

...Песня умолкла. Но мои новые знакомые не расходились и пытались что-то объяснить мне. С помощью переводчика удалось понять их просьбу: завтра жители Гаваны принимают у себя дома делегатов фестиваля, и они приглашают нас к себе в гости. Я согласился, и ребята дружно захлопали в ладоши.

И мы поехали в гости к жителям нового района Гаваны Аламар. Аламаром гордится каж-

дый кубинец. Гордится им и Хуан, потому что его отец и друзья отца — рабочие-добровольцы — своими руками изо дня в день строили удобные, красивые дома. Когда-то, до революции, особняки строились для богатеев. Сейчас эти особняки переданы детям, а новые дома отдаются тем, кто трудом своим славит народную Кубу.

Наш автобус остановился на одной из ярко освещенных улиц. Все дома украшены фестивальными ромашками, флагами, портретами героев революционной борьбы. С деревьев свисают гирлянды разноцветных фонариков, а вокруг — бурлящее, шумящее, поющее море радостных людей. Мы идем по живому коридору и тоже взволнованы неподдельной радостью и гостеприимством гаванцев.

«Где же в этом людском потоке я отыщу своего нового знакомого?» — подумал я. Но Хуан сам отыскал меня и повел к себе домой, где у каждого подъезда хозяева ждали советских гостей. Цветы, слова приветствия, улыбки, песни и, конечно, долгие разговоры.

Родители Хуана рассказали мне, что их сын учится хорошо, мечтает выучить русский язык и учиться в нашей стране, что у него есть младшие сестрички, с которыми он играет.

Пионерский отряд Хуана помогал комитету защиты революции готовить встречу советских гостей. Пионеры ухаживали за цветами, делали сувениры и разучивали песни.

— Мы приготовили для вас, — сказал отец, — маленький сюрприз. Начинай! — дал команду он Хуану.

Хуан встал в круг, поправил свой красный берет и вдруг неожиданно для нас звонко запел:

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой...

Песню подхватили все жители дома. И было что-то символическое в этом дружном кубинско-советском хоре, исполнявшем в Гаване нашу довоенную песню, давно перешагнувшую границу и долетевшую в этот дом новой Гаваны.

Я пел вместе со всеми и невольно думал о том времени, когда только за одно слово «Ле-

нин», за красный флаг бросали в тюрьму. А сегодня здесь поют нашу песню, на улицах Гаваны звучит русская речь, наши специалисты помогают кубинцам строить ТЭЦ, конструировать комбайны, убирающие сахарный тростник, изучать земные недра. Сотни советских книг, переведенных на испанский язык, помогают и взрослым и детям узнавать о нашей жизни, о Советском Союзе. Да, времена меняются. У Революции своя дорога и свой отсчет времени. И то, что раньше было под строжайшим запретом, теперь стало привычным явлением.

Потом нас повели в музей дома, где были собраны книги, открытки, марки, значки из Советского Союза. На стене висела карта, на которой отмечены советские стройки.

— БАМ, — с гордостью сказал Хуан и показал на карту.

Это пионеры его отряда рисовали схему магистрали века, с любовью оформляли маленький музей.

Несколько часов пролетело совсем незаметно. Уже было спето много русских и кубинских песен, отвечено на сотни вопросов, уже обменялись сувенирами и адресами, но не хотелось расставаться, никому не хотелось первому сказать «до свидания».

И все же надо было расставаться. У Хуана на глазах слезы, но он улыбается.

«Мы еще увидимся?» — молчаливо спрашивают его глаза.

«Обязательно увидимся!» — тоже глазами отвечаю ему я. И думаю: «Если не на Кубе, то в Советском Союзе. Ты будешь учить русский язык, ты мечтаешь стать строителем и учиться в нашей стране. Дорогу к знаниям, к радостной жизни открывает перед тобой Кодекс о молодежи и детях, принятый в дни фестиваля и врученный детям самим Фиделем Кастро. Мечты сбудутся, Хуан, обязательно сбудутся! Потому что ты живешь в прекрасной стране и на защите твоего детства стоит Революция».

Гавана — Москва

С. ФУРИН.

Кубинские пионеры в Клубе советской делегации.

НА ТЮМЕНСКОЙ ВАХТЕ

Ю. РОДИН

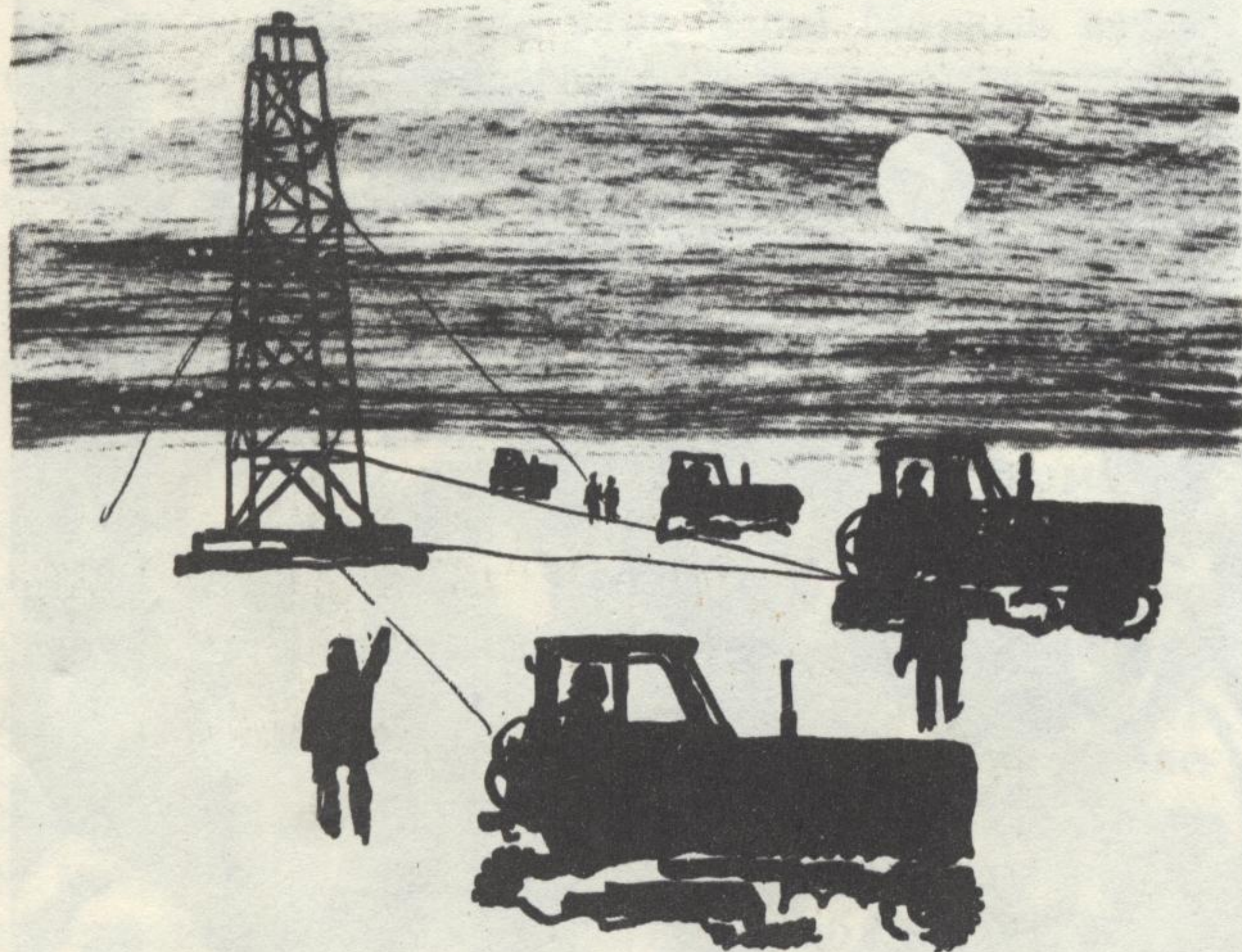
Рисунки автора.

Посмотри на карту Тюменской области. Многие названия тебе известны: Самотлор, Сургут, Уренгой, Нижневартовск. Там геологи открыли залежи нефти и газа.

Ты знаешь, что наша страна очень огромна и богата и далеко еще не все месторождения открыты. Отыщи на севере области поселок Тазовский, он пока не так знаменит, как Уренгой или Самотлор. Я был в тех местах — в тридцати километрах от Тазовского, в совсем небольшом поселке нефтеразведчиков Газ-Сале. Здесь расположена база Тазовской нефтеразведывательной экспедиции. Во все стороны на сотни километров расходятся маршруты разведчиков новых месторождений.

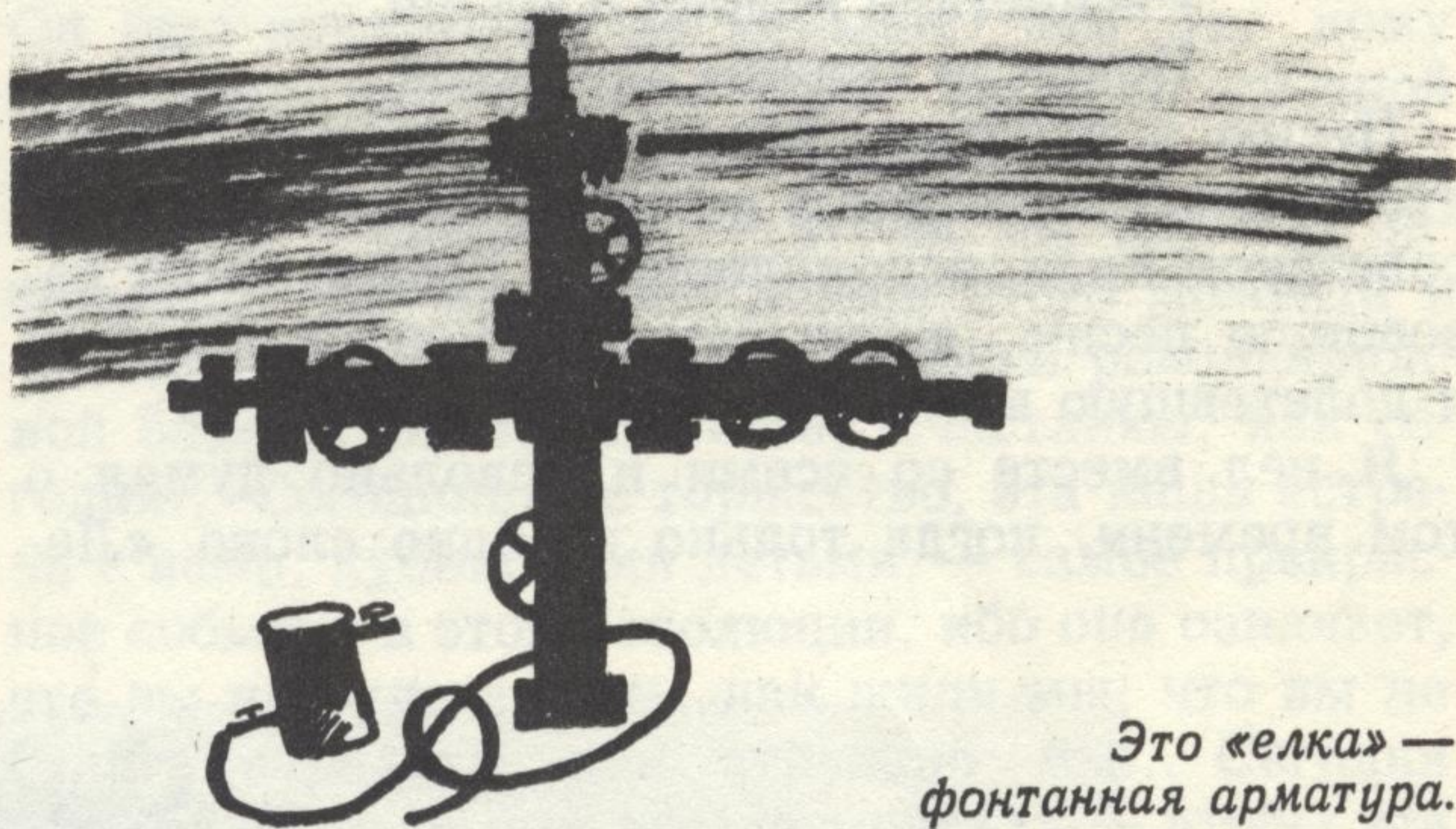
Обычно бывает так: геологи сообщили, что на определенной глубине находится нефтеносный

слой. В указанное ими место с базы на тракторах привозят буровую вышку. На этой схеме я нарисовал, как ее везут по тундре. Перевозка вышки — дело нелегкое: каждая буровая — это многотонное сооружение, десятки агрегатов и конструкций.

Но вот вышка прибыла на место. На вертолете прилетает бригада монтажников. Она собирает вышку, готовит ее для работы.

Когда вышка установлена на нужном месте, прибывают бурильщики. Их задача — «про-

Это «елка» —
фонтанная арматура.

ткнуть» в земной коре скважину глубиной до трех и более километров. Закончив бурить, они ставят фонтанную арматуру, «елку», как они называют ее. Посмотри, как выглядит такая «елка».

Итак, скважина подготовлена, но еще не работает. К пробуренной скважине прибывает бригада испытателей. И начинается, пожалуй, самое интересное.

Испытатели спускают в готовую скважину специальные заряды — спускают их на разную глубину. Заряды взрываются в тесной скважине, разрушают ее стенки, и нефть или газ с огромной силой врываются в скважину и по ней

выбрасываются на поверхность: скважина заработала.

Четыре года назад мне довелось побывать в бригаде испытателей Тазовской экспедиции. Там я познакомился с буровым мастером Алексеем Мыльцевым и его бригадой, работал вместе с ними на буровой.

А недавно, отправляясь в новую командировку на север Тюменской области, я решил во что бы то ни стало разыскать знакомую бригаду. Это было нелегко: буровые вышки разбросаны по тундре далеко друг от друга — их разделяют сотни километров. Единственный транспорт — вертолет, а погода меняется здесь по нескольку раз на дню, и не так-то просто добраться до буровой.

И вот наконец лечу из Тазовского в Газ-Сале. Весело прыгают стрелки циферблатов на приборной доске, мерно работает мотор. Гляжу в иллюминатор и не узнаю поселка: так он вырос!

Новые двухэтажные здания, школа, даже теплицы под стеклянными крышами. И все это построено на вечной мерзлоте!

Вертолет садится, и мы идем в зал ожидания. Раньше его и в помине не было. А сейчас даже телевизор можно посмотреть, ну, совсем как на Большой Земле.

Но мне надо лететь дальше. Пересаживаюсь на другой вертолет и опять лечу. Погода изменилась: метет метель, все до самого горизонта бело. И куда ни кинь взгляд — ни деревца, ни строения.

Суровый сибирский край. Морозы здесь такие, что порой даже металл не выдерживает. А люди выдерживают и работают. Строят надежные дома. Ищут и находят нефть, газ. Все это делается руками крепких, упорных молодых людей — сибиряков. Здесь это имя звучит почетно — так называют тех, кто выдержал, выстоял, прошел экзамен на прочность. Сибиряками называют и моих знакомых, хотя Алексей Мыльцев, Виталий Безруков и Николай Пирогов родом из Тулы, а Владимир Арканников — из Грозного...

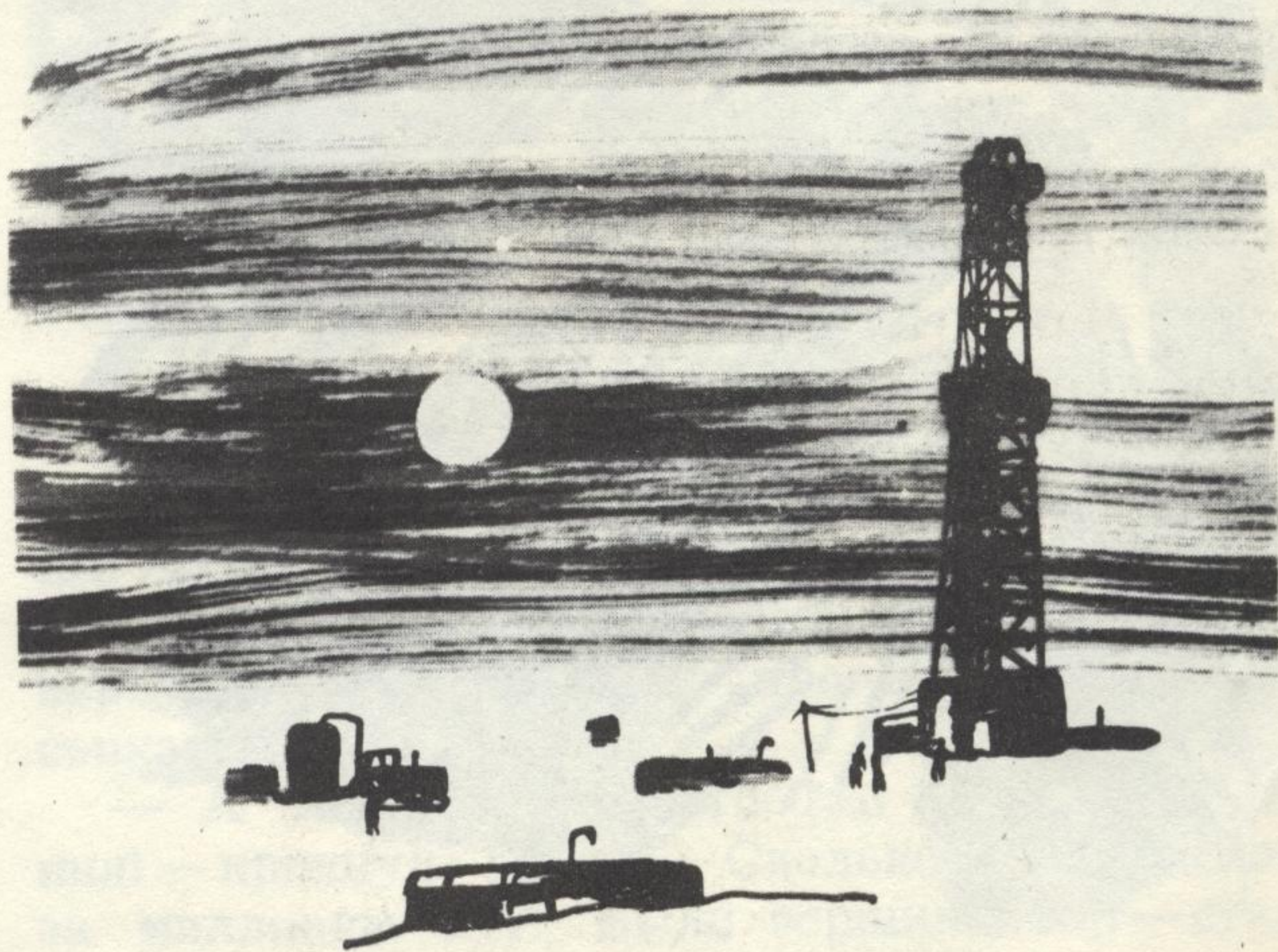
Алексей Мыльцев.

Бригада Мыльцева лучшая в стране — в прошлом году была победителем Всесоюзного социалистического соревнования. Нынешний годовой план у бригады — 19 скважин, а за полгода она отработала 17!

Крепкий собрался здесь народ. Друг друга понимают с полуслова. Здесь работают на совесть, здесь привыкли дорожить честью первопроходцев, пионеров сибирских недр.

Алексей Мыльцев, мастер по испытанию скважин на нефть и газ, награжден орденом Трудового Красного Знамени, почетным знаком Министерства геологии «Первооткрыватель месторождения».

...Сейчас зима. На бескрайних тюменских просторах — снег, метели, заносы. Глубоко под снег ушли вагончики, в которых живут испытатели. В сугробах прорыты снежные коридоры — улицы. Но, несмотря на трудности, бригада Алексея Мыльцева продолжает нести свою вахту.

ВИТАЛИЙ КОРЖИКОВ

КОГОТЬ ДИНО — ЗАВРА

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 10.

Рисунки В. ДУДКИНА

И снова дорога

Бата спустился с сопки, въехал в пересохшее русло реки и прямо по нему погнал машину. Сопки остались по бокам. И вдруг Бата спросил:

— А что, Василий Григорьевич? В Гаване был?

— Был, — улыбнулся Василий Григорьевич.

— И в Индийском океане был?

— И в Индийском был...

Бата лихо присвистнул.

— Хорошо! — будто сам на минуту окунулся в дальние моря, и, кивнув на сопки, сказал: — А здесь тоже когда-то был океан, акулы были!

Он запел, и в его песне снова заплескалось прохладное и чистое слово «Хубсугул».

А Коля сказал:

— Зря мы быстро уехали! Надо было бы поискать еще. Может быть, следы ушли вглубь.

— Так в глубине их, может, и здесь полно, — сказал Генка, посмотрев на гранитную глыбу.

— В граните не может быть! — сказал Коля. — Только в песчанике и в глине.

— Почему? — спросил Генка. Этого он не знал.

— А очень просто. Вот здесь, наверное, текла когда-то колоссальная, как Амазонка, река, догоняли друг друга в воде динозавры, вверху парили птеродактили.

Погибая, падали в воду, и их укрывало песком и глиной...

— А может, по ним стреляли инопланетяне, — улыбнулась Людмила Ивановна. — В «Технике — молодежи» читали? Среди угольной глыбы нашли череп бизона, а в нем дырка от пули!

— Старая сенсация! — сказал Генка и возразил Коле: — Динозавры падали и на землю.

— На земле их растаскивали шакалы. А в воду упал, завалило песком или ракушкой — и на миллионы лет.

Это было убедительно. И все стали выглядывать в окно: не покажется ли где-нибудь в песчаном обрыве ребро или череп ящера...

И только Вика сидела на своем месте и тихо гладила испуганную козу.

Если встретим динозавра...

Светка глядела на громадные сопки, ей совершенно четко представлялось, что это переваливаются с боку на бок туши гигантских чудовищ, что где-то наверху они вытягивают из воды свои длинные шеи, а по берегам хлюпают среди болот огромные утконосы.

Ей даже захотелось прокатиться среди них. Только бы сидели рядом вот так Бата и Василий Григорьевич, веселый Церендорж, Коля с Генкой и Людмила Ивановна.

И ни капельки не было бы страшно.

Одно ей было непонятно, и она сказала:

— Ящеры водились в реке, в море. А мы все едем в гору.

Дыхание гор уже чувствовалось в воздухе, и верхушки их все чаще проглядывали между сопками.

— А мировые катастрофы! А землетрясения! — крикнул Генка. — Сколько их стряслось за миллионы лет! Были вершины гор — стало

дно океанов. Было дно — а вылезла вершина! Вот и карабкаемся!

Светка на минуту задумалась.

— А если найдем окаменевшего динозавра?

— А что! — завертел головой Генка. — Вот это да!

— Не может быть, — сказал Коля.

— Почему? Ведь нашли же целого мамонта! — сказал Церендорж.

— В мерзлоте. И через десять тысяч лет! — возразил Коля.

— А черепахи, а крокодилы! — Церендорж быстро повернулся к нему. — Разве в музее не видел?

— Так у них костяной панцирь!

Голос стал тверже, глаза поблескивали.

Василий Григорьевич что-то черкал в блокноте авторучкой «Паркер», подаренной ему капитаном, но и он вдруг поднял голову (нет, лошади у юного историка работали совсем неплохо!). Даже Вика стала прислушиваться к общему разговору.

До этого ее не очень занимали разговоры о палеонтологии. Хотя она ехала по пустыне Гоби, перед глазами ее то и дело возникали море, Артек, поездку в который она завоевала как победитель конкурса художников школьных стенгазет. Она мечтала об Артеке как о чуде, о встречах с героями — людьми необыкновенными. Много раз она рисовала их в своих тетрадках, похожими на капитана Немо и капитана Гранта. А приехала в пустыню вместе с Генкой, Колей и Светкой...

Вик у сейчас увлек этот разговор.

— Но ведь предполагают, что сохранился еще ящер, — сказал Генка. — В Англии, в озере Лох-Несс.

Но Вика усмехнулась:

— Так ведь никто не нашел...

Между тем Светка, выглянув в окно, сказала:

— Смотрите!

Среди остывающего голубого неба в сопровождении нескольких собратьев помельче плыл удивительно пышный динозавр — облако — и медленно поднимал голову... Ветерок разворачивал его, залетал в машину, и Людмила Ивановна, глядя на прекрасное облако, сказала:

— Вдруг выедем из ущелья, а навстречу живой динозавр!

— Ха! — крикнул Генка. — Примем его в наши ряды!

Экспедиция оживилась.

— Оседлаем! — сказал Коля. — И на веревочке в Москву.

— Представляю, — засмеялась Светка. — По улице Горького Генка едет верхом на динозавре...

— Это еще неизвестно, верхом или нет, — ухмыльнулась Вика.

Людмила Ивановна спросила:

— Почему?

— Потому, что неизвестно, какой будет ди-

нозавр — сытый или голодный! — И Вика прижала к себе козу.

Все улыбнулись. Даже строгий Бата. Даже Церендорж.

Настроение у всех поднялось. Может быть, сказывался выпитый в лагере кумыс¹. А может быть, прохладный горный воздух. Как будто добрые духи Церендоржа подгоняли в небе сияющего воздушного динозавра. Он плыл, не собираясь ни на кого нападать, и возле него, как маленькие ящерки, пробегали легкие мелкие облака.

А мальчишки — железные!

Бата выехал из ущелья и, показав вправо, присвистнул:

— Смотрите!

Там что-то вспыхивало, рокотало, и на краю неба возникала почти фантастическая картина.

За руслом реки лежала мрачная степь. Дальше золотом светились сопки. За ними густо чернело небо, по которому одна за другой сверкали молнии и к земле тянулись ртутные нити дождя.

А над сопками, над молниями, над чернотой, как сказочная юрта, поднималась невиданная радуга, и с каждой минутой краски ее становились ярче и звонче.

Ребята в один голос крикнули:

— Остановимся?!

Но Бата сказал:

— Надо выбираться из русла.

— Да, — кивнул Церендорж. — Не то... — И не закончил.

«Газик» помчался быстрее, стал подпрыгивать на рывках, все затряслось, задребезжало, и, подняв голову, тревожно закричала коза.

Машина покрылась влагой, запахло полынью. Но дождь прошел стороной, и было непонятно, зачем спешить и тревожиться...

Однако под колесами захлюпало, забормотали и наперегонки с «газиком» по руслу понеслись неожиданные потоки коричневой настывшей воды. Будто подкравшись, она внезапно хлынула на штурм своего старого жилища.

Крыша «газика» едва выступала над берегом. Бата то и дело открывал дверцу, чтобы рассмотреть дорогу.

У колес уже бушевала вода. Бата и Василий Григорьевич искали выход из этой ловушки:

— Уир! Поток!

— Что там? — шепотом спросила Светка.

— Уир! — повторил Коля.

— Это значит: успел — и радуйся! — расшифровал Генка.

— Ничего, успеем, — сказал Церендорж. — Дорога близко...

Но на кочке «газик» подпрыгнул, сорвался и скользнул носом в яму. Колеса сбились с на-

¹ Напиток из кобыльего молока.

езженной колеи и завертелись в колдобине, разбрызгивая мокрую глину.

— История! — вздохнул Церендорж и снял ботинки.

— Лопату! — крикнул Бата и вышел из машины.

— Копать? — спросил Коля.

— Толкать, — сказал Василий Григорьевич, закатывая штанины, и соскочил в горячую воду.

— Будем толкать историю, — подтвердил Коля и выпрыгнул следом. Генка также вышел из машины.

Бата и Церендорж уже упирались в радиатор. Вода до колен еще не доставала, но уровень ее продолжал подниматься.

Людмила Ивановна тоже бросилась в поток.

— Давайте ветки! — крикнул Бата. Но Генка и Коля уже сами рубили лопатой растущие поблизости дикие кустарники и охапками засовывали их под колеса.

Бата и Василий Григорьевич налегали на машину, тельняшки на плечах вздувались буграми. Церендорж и Людмила Ивановна стали по бокам.

В машине остались Светка и Вика, не зная чем помочь.

— Выйдем! — сказала Вика. Ей было неловко смотреть, когда все вокруг работали.

— Зачем? — растерянно спросила Светка. Ей тут было бы по пояс! — Мальчишки все делают!

— Мальчишки! Они ведь тоже не железные! — возразила Вика, придерживая козу.

И вдруг совершенно четко услышала, как, упираясь руками в радиатор, Коля сквозь зубы сказал:

— А мальчишки, они железные!

— Попробую-ка еще задний ход, — сказал Бата.

— А может, за руль сяду я? — предложил Генка: сила Баты здесь была нужней.

— Ты? — спросил Бата, и все удивленно посмотрели на Генку.

— А у нас отец академик, — крикнул Генка. — Традиция! — И к удивлению девчонок с согласия Баты сел за руль.

— Взяли! — скомандовал он, включил мотор и выжал сцепление.

«Газик» задрожал, пробуксовал и осел снова.

Еще! Бата, Василий Григорьевич, Коля, Церендорж стали толкать машину спереди изо всех сил. Колеса прокручивались раз, другой, третий!

— Ну еще! — крикнул Генка. Все вчетвером приподняли «газик» спереди, толкнули, машина заскользила, покатила назад и встала над ямой.

— Пошли, пошли, пошли! — закричал Бата, толкая машину, и только через несколько метров скомандовал «Стоп!» и стал ногами нащупывать дорогу.

Людмила Ивановна оглянулась и тут же в ужасе бросилась в машину: вместе с травой и камнями мимо колес поток тащил за собой непонятных букашек и змей. И Василий Григорьевич стал растерянно ощупывать ногу.

— Что? — испуганно спросила Людмила Ивановна. — Змея?

— Паркер, паркер! — Он вывернул карман. Посреди кармана была дырка, и авторучка фирмы «Паркер», обошедшая с ним весь мир, плыла в потоке воды неизвестно куда.

— Паркер! — огорченно взмахнул рукой Василий Григорьевич.

Но юный физик отреагировал на это довольно весело:

— Ха! — воскликнул он. — Это же чудесно! Честное слово! Тут вам не просто дырка в черепае бизона. Авторучка «Паркер» вонзится в какого-нибудь динозавра, и очередная экспедиция сделает сногшибательное открытие! Во всех газетах мира крупными заголовками «Сенсация века! 70 миллионов лет назад динозавра убили инопланетяне, пользовавшиеся авторучками фирмы «Паркер»!

Скоро «газик» вырвался из русла на сухую дорогу.

Девчонки с уважением смотрели на железных мальчишек. Коза успокоилась и доверчиво позволяла Вике гладить себя по серебристой шерсти.

Вика чувствовала, что с ней что-то происходит. И старушкина юрта, и мираж, и лагерь в пустыне, и эта радуга — все это казалось ей необычным.

Рядом с ней сидел человек, который бывал в Индии, Японии, Гаване, — Василий Григорьевич. Это напоминало ей тот таинственный мир, о котором она мечтала до сих пор.

Неожиданно Бата затормозил у пустой старой юрты. Недалеко от нее шапкой возвышался скалистый холм-островок. По одну сторону от него виднелось давнее костровище, а по другую — между двух гор — уходило вверх ущелье, в котором среди лета лежал лед. В выси по скалам прыгали горные козлы.

— Ну вот, здесь будем отдыхать! — сказал Церендорж.

А Генка, выпрыгнув из машины, спросил:

— Отдыхать, когда рядом горы?

И он быстро побежал вверх.

«Сюда! Сюда!»

Ущелье лежало среди старых гор.

Над головой нависали скалистые утесы. Но повсюду — то тут, то там — яркими пучками пробивалась молодая трава.

Вниз рядом с тропкой спускались языки тающего снега, и тоненький ручеек бежал по ущелью.

Ребята прыгали с камня на камень — за Генкой потянулась вся экспедиция. Людмила Ивановна то и дело разводила руками: осторожно!

Но вот подъем кончился, и взору открылась мягкая зеленая лужайка: отдыхайте! Любуйтесь возвышающейся над ней вершиной. Она стала такой алой, словно кто-то внутри нее раздувал кузнечные мехи...

Людмила Ивановна присела отдохнуть. Тут Светка, посмотрев из-под ладони на вершину, сказала:

— А это что?

На самой верхушке горы было сложено невысокое каменистое обо. Наверное, его сложили благодарные путники. Из глубины обо вырывался язычок пламени, будто кто-то внутри него разложил костер.

— Интересно! — вскинулся Генка. — Надо посмотреть.

И вместе с Колей, а за ними и Светка, обжевав ледник, стали взбираться вверх.

— Мальчишки, мальчишки! — крикнула Людмила Ивановна, пытаясь их остановить, но кричать было бесполезно, и она лишь тихо пропела: «Умный в гору не пойдет, не пойдет, не пойдет!» — и стала карабкаться вслед за ними.

Василий Григорьевич лег на траву, Вика се-

ла рядом, обхватив колени, и смотрела, как вытянулась в цепочку вся отчаянная команда.

Наконец альпинисты перевалили за вершину горы и вдруг разом закричали, стали размахивать руками: «Сюда! Сюда!»

Потом, на самом краю вершины, они обнялись и запели... Вику охватило волнение. Перед нею возникала удивительная картина. Только этот необыкновенный, почти фантастический мир был теперь не где-то далеко, а рядом. И героями этого мира были не капитан Немо, не капитан Грант, а Генка, Светка, Коля и Людмила Ивановна.

— Сюда! — махал Генка. — Сюда!

Вика покачала головой и задумчиво стала спускаться к юрте.

Как кончается волшебство

Пламя костра разрасталось. Церендорж зачем-то подбрасывал в него не дрова, а камни. Бата рядом точил нож, а возле «газика» на привязи ходила коза и недоуменно косила на них то одним, то другим глазом.

Вика грустно посмотрела на козу, которую спасли от гибели и которую теперь должны были поджарить на ужин...

«Еще будут жевать и приговаривать: какой вкусный был динозавр!» Вика исподлобья бросила взгляд на Бату и Церендоржа и тихо приблизилась к козе.

Вика погладила ее, потрогала рога, потом сняла веревку и подтолкнула козу вперед. Та непонятливо взглянула на нее, тронулась с места. А скоро уверенно, будто все поняв, пошла вверх.

Бата довольный посмотрел на лезвие ножа, спокойно оглянулся и вдруг от удивления воскликнул: «Ха!»

— Ай-яй! — закричал Церендорж.

— В чем дело? — спросил Василий Григорьевич, словно ничего не видел.

— Как что? — крикнул Церендорж, показывая на веревку. — Ужин убежал! — И бросился за Батой следом. Увидев, что за ней бегут, коза припустила еще сильнее.

Бата то крался ящерицей между скалами, то прыгал, как архар. Церендорж бежал, но коза мчалась гораздо быстрее...

— Ха, — остановился наконец бывший футболист и сказал: — Все равно сожрут волки!

— Найдет дорогу, выберется! — к радости Вики сказал Бата и, вытащив из машины ружье, пошел в противоположную сторону.

Церендорж временами смотрел козе вслед и, потирая руки, произносил какие-то слова, но и это не помогло: коза не возвращалась. Волшебство не состоялось.

А что у вас?

Скоро послышался шум, и из ущелья вышли альпинисты.

— Что тут у вас произошло? — спросила Людмила Ивановна.

— Динозавр убежал, — сказала Вика, поймав на себе взгляд Василия Григорьевича.

— Злые духи, — подтвердил Церендорж, — заставляют нас кушать консервы.

— А что у вас? — спросила Вика.

— Не говорите! Пусть сами узнают! — крикнула Светка.

И Коля, который почему-то вернулся без галстука, пропел:

— «А у нас огонь погас, это раз...»

— А где Бата? — вдруг спросил Генка.

— Ха! Бата! — сказал Церендорж. — Пошел на охоту. Думает, что так быстро все получится...

Но когда где-то за скалами ударил выстрел, другой, Церендорж добавил:

— Правда, охотник он хороший. И места знает. Но уже вечер...

В это время послышался еще выстрел. Видно, в Бате проснулся охотник. По скалам еще раз, ахая, прокатилось эхо — ударились в горы, и все смолкло.

А через полчаса захрустел, зашуршал щебень, слышались быстрые упругие шаги, и Бата сбросил со спины крупную тушу барана и несколько каких-то корней:

— Давай огонь!

Пока ребята собирали сухую траву и ветки саксаула, он освежевал тушу и сказал:

— Будет мясо, будет суп!

Что будет мясо, поняли все. Но откуда суп, когда никаких кастрюль в машине не было!

Бата мастерски выпотрошил и вымыл бараний желудок, набил его мясом и стал один за другим, выхватывая из костра, бросать внутрь раскаленные камни. Потом опустил туда несколько очищенных корешков, завязал мешок жилкой и, закопав его в горячую золу, сверху присыпал углями.

Между тем солнце завалилось за гору. Там, где была недавно радуга, загорелась какая-то звезда.

Издалека снова донесся рокот, и притихший было Бата прислушался.

Наконец он разгреб золу, вытащил мешок, развязал и крикнул:

— Миски! Ложки!

Девчонки разложили простынку, Генка принес из машины посуду. Бата держал удивительную кастрюлю, Коля разливал из нее бульон, а лучшие куски мяса подкладывал девчонкам.

Церендорж, разжигая аппетит, ходил рядом и приговаривал: «Вкусно! Сайн!» Людмила Ивановна качала головой. А Генка косился на ее остроносые туфли.

Над скалами, над древней долиной все разрасталась и темнела ночь, и все веселей становилось пламя пахучего, шумного костра...

Люди, камушки, метеориты

— Ну как, нравится? — Церендорж доел мясо, выпил бульон и посмотрел на ребят. — Сайн?

— Сайн! — ответили ребята хором. Им было приятно ответить монгольскими словами, потому что это как нельзя точно подходило к этому костру, и юрте, и ко всей этой гобийской ночи.

— Сайн! — сказал Церендорж, довольно хлопнул себя по животу и прилег на кошму у костра, поближе к Василию Григорьевичу.

Тот сидел на камне и, подбрасывая в огонь ветки саксаула, смотрел, как они тлеют и наполняют воздух горьковатым ароматом. Наискосок от него сидела Вика. Обхватив ноги и упершись подбородком в колени, она наблюдала за

Василием Григорьевичем и старалась понять, о чем он сейчас думает.

— Ну что, споем? — спросила Людмила Ивановна.

Никто не ответил. Лишь Светка тихо спросила: «Зачем? И так хорошо...» — и посмотрела сквозь дым костра на юрту, на яркие звезды.

— Хорошо, — произнес Церендорж умиротворенно и мечтательно и положил под голову руки. — Есть степь, есть звезды. Хорошо. С ними никогда не бывает одиноко. Ты на них смотришь, говоришь с ними, они на тебя смотрят, тоже говорят по-своему, посылают сигнал...

— Посылали! — уточнил Генка, собирая дровишки для костра.

— Почему посылали? Вот смотри — горят. — Церендорж показал вверх. Прямо над головой по хребтам гор шагало прекрасное созвездие: на охоту выходил звездный охотник Орион, и звезды — его пояс, палица, меч — сияли волнующим бессмертным светом.

— Горят или горели, мы не знаем, — сказал Генка, — потому что свет от Бетельгейзе идет до нас шестьсот лет! И лучу, который мы сейчас видим, шестьсот лет. Но это что! — сказал он. — Есть ведь лучи, которые вышли «в дорогу», когда на земле ходили динозавры!

— Как ты это считаешь? — пожала плечами Светка.

— Компьютером! — Генка хлопнул себя по лбу, а Светка вздохнула:

— Так зачем тогда посылать друг другу сигналы? Все равно никто никогда ответ не получает.

— Почему это вдруг? — сказала быстро Людмила Ивановна.

— Ха! Пока оттуда будет идти ответ, того, кто его послал, уже не будет. Ни от динозавров, ни от нас ничего не останется.

Светка присела на корточки и, хлопнув ладонью, с горечью сказала:

— Вот тут один на другом лежат миллионы лет. И динозавры, и стада, и люди... — Ребята придвинулись к костру. Певица из Еревана говорила такие вещи, которые волновали всех. — Их следы ушли, а наши следы тоже уйдут, — продолжала Светка. — Зачем жизнь человека такая короткая? — спросила вдруг она и посмотрела на Василия Григорьевича. — Даже если кто-то там есть наверху, все равно узнать не успеешь. Зачем тогда жить? Даже горы когда-то были вот такие, а теперь одна пыль! — Светка зачерпнула ладошкой горсть песка.

— Ну, завела! — сказала Людмила Ивановна и, устроившись поудобнее, засмеялась.

Василий Григорьевич внимательно посмотрел на Светку и задумался. Его и самого часто мучил этот вопрос: «Зачем мы живем?».

Тревожил и в детстве, когда он смотрел на вечернее небо, и потом, в долгие морские вахты, когда в рубке светились зеленые циферблаты, а за иллюминаторами качались и падали в море звезды.

Он вглядывался, бывало, в небо, и порой ему казалось, что вокруг летят сигналы с планет,

которых, может быть, давным-давно не существует. И тогда он думал: ведь если разумные существа посылали сигналы миллионы лет назад, значит, они хотели сказать друг другу: мы не одни, и вы не одни!

И от этого небо казалось родным, веселым, и тогда еще больше хотелось жить и работать!

Вот о чем думал Василий Григорьевич. Он повернулся к Светке и сказал:

— Нужно жить друг для друга. Чтобы было хорошо тебе и людям, с которыми вместе ты живешь, чтобы потом, даже отыскав осколки твоей жизни, человек захотел совершить что-то прекрасное.

Светка прислушалась и, опустив руку в карман, сжала камень, подобранный утром в пустыне.

— Разве это не прекрасно, что до нас жили Спартак и Джордано Бруно, Ломоносов и Пушкин?!

— Павлик Морозов и Олег Кошевой, — подхватила Людмила Ивановна.

Ребята сдвинулись еще тесней. Только Бата вставал иногда и подбрасывал в костер хвост...

— Это же великие люди! — сказал со вздохом Коля.

— И любой человек, — сказал Василий Григорьевич, — любой может прожить как надо. Вот, смотри, — он вдруг потянулся к камню в Светкиной руке, — простой камень, а хранит блеск моря! Вот так бы и нам сохранить в себе все самое дорогое. Навсегда! Чтобы по нашей жизни могли судить о жизни всего поколения...

— Как по метеориту о планете! — вклинился в разговор Генка.

— Ха! — привстал вдруг Церендорж. — А в жизни много таких метеоритов и камушков. — Он улыбнулся. — Живет какой-нибудь старичок, старый, как камушек. Ворчит. Смотришь на него, думаешь: неинтересно! Стоит, смотрит, как машины едут, как верблюды идут. А он вспоминает, какие штормы его били, какие волны качали.

Вика прислушивалась и краснела: ей показалось, что это говорят про нее... И в ее доме было много старых камушков, которых она не замечала...

Но Светка перебила ее мысль, сделав неожиданное открытие:

— Я сама чем-то похожа на этот камушек. Только раньше во мне был один Севан, а теперь и пустыня, и Байкал, и Гоби.

И все засмеялись.

Улыбка

Горы вдруг ответили эхом и тоже рассмеялись. Они были старыми-старыми, и все равно им хотелось жить, любоваться звездами и тысячи лет слушать разговоры людей у костра.

— Да, — сказал Василий Григорьевич. — Стоит жить! И есть зачем жить. Столько интересного в мире! Столько чудес! — И он подвинулся к Вике.

— Чудеса? — спросила Вика и сама сказала: — Кости, а не чудеса... — Она вспомнила уродливый скелетик птицецавра в учебнике...

— Что ты понимаешь! — возмутился Генка. — Ты попробуй найди хоть коготок какого-нибудь динозавра, так завтра вся школа, вся Москва будут показывать на тебя: «Вон Вика, которая нашла коготь динозавра!»

— Конечно! — сказал Василий Григорьевич. — Но дело не в славе, а в удивительных вещах. И здесь их немало.

Василий Григорьевич подбросил в костер несколько веточек саксаула, там уже перегорали угольки, положил Вике на плечо руку и спросил:

— Хочешь, я прочитаю тебе стихи?

Вика быстро подняла глаза.

Василий Григорьевич встал, посмотрел на небо и спокойно, выделяя каждое слово, стал читать:

Среди развалин, в глине и в пыли
Улыбку археологи нашли.

— Как это — улыбку? — вставил Генка. — Это что, монета?

— Включи лучше компьютер! — сказала Светка.

Василий Григорьевич сделал маленькую паузу и повернулся к Генке:

Из черепков, разбросанных вокруг,
Прекрасное лицо сложилось вдруг.

Улыбкою живой озарено,
Прекрасно отличается оно
От безупречных, но бездушных лиц
Напыщенных богинь или цариц.

Спустилась ночь, и долго при луне
Стояли мы на крепостной стене.
Ушедший мир лежал у наших ног,
Но я чужим назвать его не мог.

Ведь в этой древней глине и в пыли
Улыбку археологи нашли.

— Прекрасно! — воскликнула Людмила Ивановна.

На минуту все примолкли.

Впереди голубовато мерцали горы. По их вершинам широко шагал красавец Орион, и звезда Бетельгейзе издали светила своим древним светом.

— Хорошо! — сказал Церендорж и улыбнулся. — Только нужно собрать черепки!

— Сначала надо найти, — сказала Светка. — А где? — И она подбросила на ладошке маленькое обо из блестящих камушков.

А Василий Григорьевич повернулся к Вике:

— Ну что? Будем собирать улыбку?

Вика ответила улыбкой. Ей было необыкновенно хорошо оттого, что она чувствовала, как

дышит эта бесконечная пустыня, как живут и прислушиваются к звездам эти старые горы, и оттого, что на глубоком доньшке этой гобийской ночи сидят они у маленького, как пионерский значок, костра и думают и читают стихи. Все вместе. Все свои!

И Вике стало вдруг грустно — до слез! — оттого, что эта ночь должна была кончиться, а костер угаснуть...

Становилось прохладно. Коля вдруг спросил у Вики:

— Накинуть куртку?

Но Церендорж замахал руками:

— Все! Все! Пора спать! Завтра большой день, большая дорога и, может быть, большие осколки...

Мелкие ночные происшествия

В юрте было тихо. От стен исходило мягкое войлочное тепло, и все окутывало дремой. Чему-то усмехался во сне Бата. Рядом Василий Григорьевич вдруг пробормотал: «Жил отважный...», но не закончил, сделал глубокий вдох и нырнул глубоко-глубоко...

Но через час-другой в открытую дверь из ущелья потянулся холодный, снежный воздух. Вика почувствовала, что дрожит, и услышала, как кто-то заботливо поправил на ней одеяло. Светка сказала во сне:

— Подвинься... Я тоже хочу к костру. — И вдруг недовольно заворчала: — Ну что такое? Какой еще зверь пошел по моим ногам?

Кто-то направился к выходу.

Лучи лунного света осветили повязанную козынькой голову Людмилы Ивановны, черный Светкин затылок. Будто монгольская луна проверяла, хорошо ли спят ее гости, и довольно улыбалась: сайн, сайн...

И вдруг юрта словно сдвинулась с места. Что-то случилось. Все подскакивало в ней.

Земля качнулась, словно на роликах. Потом второй, третий раз.

— Шуточки Церендоржа, — сонно пробормотал Василий Григорьевич.

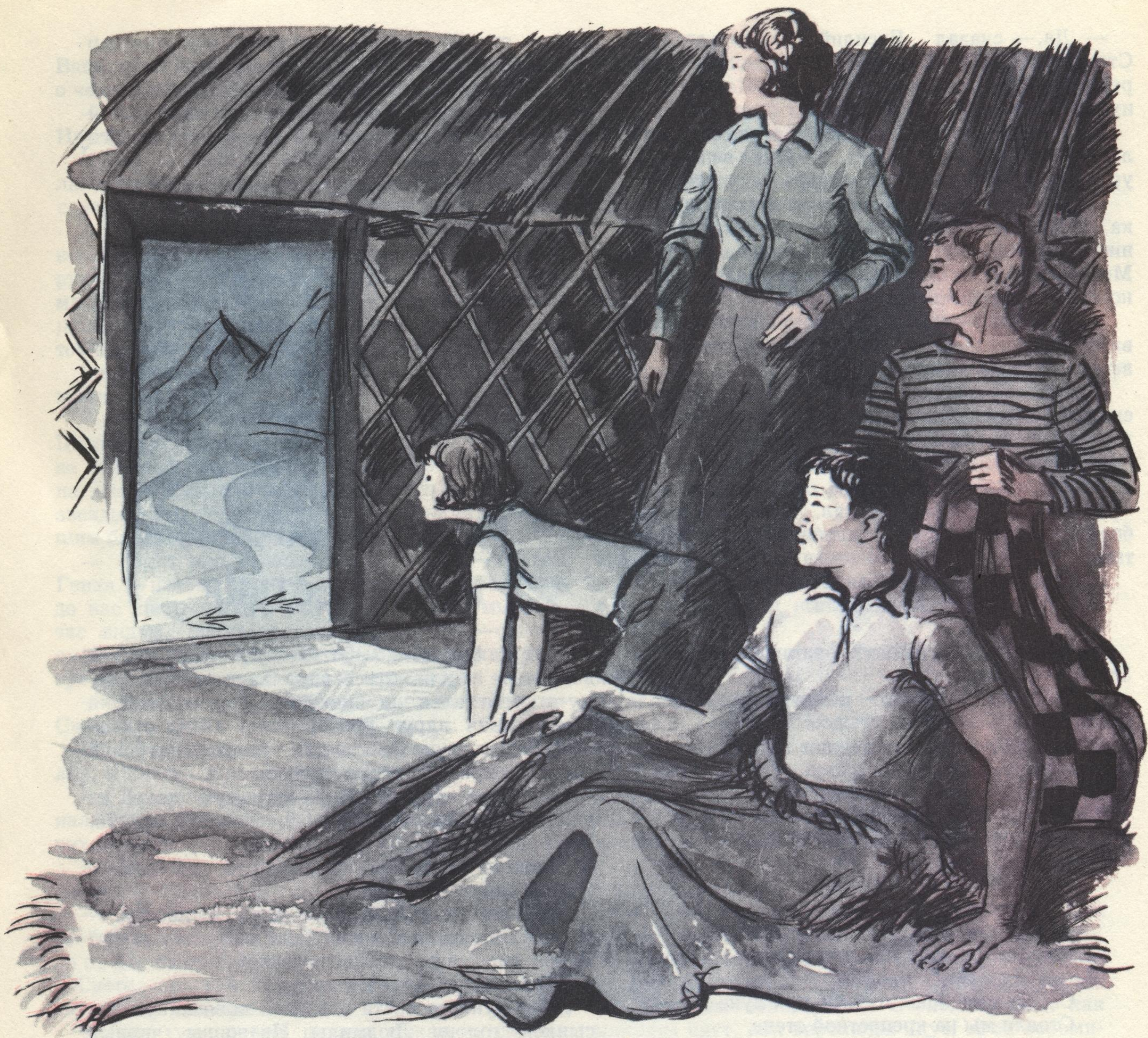
Но Церендорж, протирая сонные глаза, возразил, что к этому чуду он отношения не имеет, землетрясениями он не командовал.

— Может быть, уйдем подальше от гор? — спросила тревожно Людмила Ивановна: юрту трянуло еще раз.

— А, бывает! — сказал Церендорж и собрался повернуться на другой бок. В это время Светка крикнула:

— Ой, что это?!

Все сорвались с места и увидели возле выхода острые трехпалые следы, впечатанные в щебень.

— Динозавр! — вскрикнула Людмила Ивановна. Она прыгала на одной ноге и искала свои туфли.

— Фонарь! — прошептал Василий Григорьевич. Этого не могло быть, но это же было! В щелчке один за другим были видны совершенно отчетливые следы.

Бата включил фары, лучи резанули по ущелью, и вся экспедиция заметила впереди Генку.

— Что ты там делаешь? — сказала Светка.

А Церендорж весело засмеялся. Зачем было спрашивать, если и так все было видно: Генка держал в руках туфли Людмилы Ивановны, острые носки которых точно совпадали со следами динозавра.

— Ну, знаете! — возмутилась Людмила Ивановна. — Фабриковать следы динозавра моими туфлями!

— Хм! — сказала Светка, которой очень хо-

телось спать. — Этим-то и занимаются астрофизики? Какие глупости! — Она пожала плечами, вздохнула. — Ну ладно, печатал бы себе следы. Так зачем еще было сдвигать землю, устраивать землетрясение? — И под общий хохот полезла в юрту.

Таинственное слово

Проснулась Вика раньше всех с чувством необыкновенной радости.

Она сунула ноги в туфли, выбралась наружу, улыбнулась.

И юрта, и долина, и горы наполнялись сочным розовым светом. Словно раскололи только что созревший арбуз. У юрты, под машиной, у костра вспыхивали десятки ярких камушков, будто тоже радовались этому утру.

Вика оттолкнулась от земли, сделала сальто, прошла колесом на руках, потом ополоснула из ручья лицо и, пригладив челку, быстро пошла к вершине — туда, где вчера стояли ребята. Но не по ущелью, а прямо по скалам.

Сначала она взбегала легко, и ей самой было приятно чувствовать, какая она легкая и пружинистая. Потом подъем стал круче, на пути начали попадаться каменные ребристые глыбы, и все равно это было хорошо, быстро одолевать их — такое у нее было настроение!

Скоро идти стало трудней, захотелось остановиться еще раз, но она только кивнула головой (остановлюсь у вершины!) и поднималась до тех пор, пока почти на краю неба не показалось маленькое обо, из которого легкий горный ветер выдувал язычки пламени.

Вика оглянулась, подняла голову и замерла. По ее рукам скользили легкие прохладные лучи солнца. Они освещали цепи гор, и горы эти уходили неведомо куда. Но так далеко все было видно, что казалось: пробеги по этим вершинам — и сразу за ними Москва, Красная площадь. А там, дальше, Артек, Черное море. Вика даже показалось, что она вот-вот услышит легкий звук горна. Но звук раздался снизу:

— Ви-ика-а! Ик-ка-а!

И ущелье повторило: «И-ика-а! Ик-ка!»

Это кричала Светка. Она, как крохотный муравей, стояла возле юрты и смотрела вверх из-под руки. Рядом Коля и Генка делали зарядку.

Вика махнула им: «Сейчас!» — и пошла вверх к каменному обо. Костерок все выбрасывал из него язычки пламени.

Вика подошла к нему и увидела, что это взлетают на ветру концы красных галстуков. Один — с маленькой штопкой был Колин. А второй — его-то и приняли вчера за огонь — был, наверное, оставлен монгольскими ребятами. На нем фиолетовым карандашом было написано: «Найрамдал».

Она припомнила, что уже читала это слово в Улан-Баторе на транспарантах. Слышала во время выступления, но как-то не задумывалась. А теперь оно синело здесь, в Гоби, на пионерском галстуке — рядом с галстуком Коли...

— И-ик-а! — донеслось снова. Вика посмотрела вниз: там, далеко-далеко, Бата раздувал огонь, а Василий Григорьевич делал зарядку.

Вика придавила край галстука камнем, потом вдруг сделала почти на краю обрыва легкую стойку — такое у нее было настроение! — и стала спускаться вниз, повторяя, чтобы не забыть «Най-рам-дал».

Придержав бег, она съехала на спине к леднику и наткнулась на Василия Григорьевича: он быстро растирал руки, грудь снегом и весело ухал...

Вика отдышалась, ей хотелось хоть немно-

го, хоть чуть-чуть поделиться с ним своим настроением и спросить, что такое «Найрамдал». Но ее опередила Светка. Она подбежала к нему, протянула руку и спросила:

— Василий Григорьевич, а это что такое?

Разве это не чудеса?

На ладошке у Светки опять лежал камень. Он был плоский, как листок, а по его краю тянулись какие-то словно обкусанные щипчиками зубцы.

Василий Григорьевич рывком натянул тельняшку и посмотрел на Светку:

— Ты где это прихватила?

— Вон там их полно! — пожала плечами Светка и показала на каменный островок, который поднимался напротив палатки.

Подбежав к островку, Василий Григорьевич закричал:

— Да вы смотрите! Смотрите! — И он запустил руки в целую кучу камней-кремушков, халцедонов, подкусанных, оббитых, отделанных рукой первобытного человека. Каменный век! Целая мастерская!..

Скребла, кремни, наконечники стрел лежали прямо на земле под скалой, будто их только вчера оставили неизвестные мастера, хотя прошло уже десять тысяч лет! Вот здесь, у крохотного грота, в одеждах из шкур они сидели, здесь они били камнем о камень...

Василий Григорьевич поднял голову и вдруг на скале на уровне глаз заметил легкие штрихи. Он приподнялся, потер их ладонью — штрихи проступили сильнее. Он потер рукавом тельняшки — и на древнем камне вдруг выступили очертания дикого верблюда, выцарапанного рукой древнего охотника.

— Ну что! — Василий Григорьевич азартно повернулся к Вике. — Нет чудес? — и запустил руку в кучу халцедонов. Здесь их было столько, что можно было вооружить первобытное войско!

К камню босиком бежала Людмила Ивановна, она хотела что-то крикнуть, но ее опередил Коля. Без всякого подвоха, искренне и горько он выпалил:

— Не может быть!

Ведь мог же он, именно он, а не кто-то другой открыть стоянку древнего человека, у костра которого он просидел всю ночь.

— Ну видишь? — сказал Вике еще раз Василий Григорьевич и высыпал ей в ладонь горсть камней. — А ты говорила!

Но убеждать ее более не было необходимости. Она и сама хотела в дорогу!

— А как же все это? — растерялся Коля.

— Сообщим в Академию наук, — сказала Людмила Ивановна.

— Сообщим и зарегистрируем! — подмигнул Генка и похлопал себя по карману, в котором беспокойно перекачивался камень, пролетевший, может быть, миллионы космических километров.

— Так что? — сказал Василий Григорьевич Церендоржу, который грыз баранье ребрышко, двинемся за динозаврами?

— В общем, да! — утвердительно кивнул Церендорж. — Правда, есть еще одна маленькая остановка, — и он кивнул на Бату. — Целый год отца не видел...

— О чем речь! — сказал поднырнувший под руку Генка. — Уважать родителей — главный пионерский закон!

Василий Григорьевич хлопнул его слегка по затылку, и, польщенный знаком внимания, Генка спросил:

— Собираться?..

— Конечно! — сказал Церендорж и вдруг, показав на вход в юрту, спросил сам:

— А следы динозавра будем забирать?

Но Генка великодушно махнул рукой:

— Оставим что-нибудь и следующим экспедициям!

...Плюс тысяча

«Газик» подбрасывало на колдобинах. Ветер приносил струйки горячей пыли, запах отары. Но никто не обращал на это внимание.

Участники экспедиции перебирали подробности землетрясения, нашествия динозавров, и порой кузов сотрясался от взрывов хохота.

Вика, обняв Светку, перебирала на ее ладони удивительные халцедоны и прислушивалась. Генка излагал Людмиле Ивановне и Церендоржу свои предположения о существовании многих цивилизаций на территории нынешней Монголии.

Коля смотрел на дорогу и улыбался своим мыслям. Он думал то о динозаврах, то о дороге Чингисхана. И вдруг — на тебе! — прямо у дороги найденные орудия труда первобытных людей и их рисунки. Мысли-облачка впряглись в одну упряжку — доклад, который он сделает на заседании исторического кружка.

Смущаясь, он сказал:

— Интересно! Пока не думаешь о прошлом, едешь вроде бы сам по себе, а подумал, представил себе — будто стал на тысячу лет старше. — Коля улыбнулся, но глаза его остались серьезными. — Мне четырнадцать. Четырнадцать плюс тысяча — тысяча четырнадцать!

— Ты только посмотри, как он говорит! — сказал Василий Григорьевич.

— Так, шутя, и делаются великие выводы, — улыбнулся Церендорж.

— В этом-то и дело. — Василий Григорьевич

хотел что-то объяснить, но его перебила Светка, пораженная собственным открытием:

— Значит, мне почти три тысячи лет?

— Почему? — спросил Василий Григорьевич.

— Мне двенадцать, и Еревану две тысячи семьсот пятьдесят!

— Совсем старушка, — горько вздохнул Церендорж. И даже Бата рассмеялся...

— Вот что значит шевелить парусами, — сказал Василий Григорьевич.

А Церендорж добавил:

— Вот что значит иметь хорошие паруса!

Коля, улыбнувшись, подумал: «Вот что значит иметь хороших друзей!»

Старый бывалый камушек

Может быть, разговор о ветре и парусах зашел потому, что по равнине пробежал легкий ветер, наполнил воздух молочным запахом и шумом, похожим на морской рокот.

Бата осадил «газик», как осаживают лихого коня.

— Что это, море? — удивленно спросила Светка.

— Море! — подтвердил Бата, прищипорил «газик» и запел по-русски: «По морям, по волнам...»

Василий Григорьевич увидел впереди волны. Они бежали навстречу «газику»: черные, серые, коричневые.

Это шли табуны, охраняемые всадниками в легких кэде. Один из них подскочил к «газику» и вскрикнул:

— О! Бата! Сайн байну!

Впереди показались домики, юрты. Из них выбегали люди и, размахивая руками, кричали.

— Бата! Бата!

Бата круто повернул и остановил машину у крыльца невысокого домика.

Неподалеку лежал верблюжонок, на корточках сидели старик и маленькая с косичками девочка. Старик осматривал сбитую ногу верблюжонка, а девочка гладила мягкие губы малыша. Увидев Бату, она быстро вскочила на ноги и крикнула. Старик рассмеялся: «А, Бата!». Старик вымыл в ведерке руки и подошел к Бате.

— Здравствуй, отец, — сказал Бата.

Старик похлопал его по плечу.

— Хорошо! — И поздоровался с гостями.

Старик быстро скосил глаза в сторону девочки и подмигнул. Бата глянул на девочку и сказал:

— Здравствуй!

Обрадованная девочка сорвалась с места и побежала к юрте.

— Растет, — сказал лукаво старик. — Все спрашивает, где Бата.

— Племянница, — объяснил Бата. — Обещал, когда вырастет, взять ее с собой на Хубсугул и подарить часы.

Скоро, приветливо кланяясь, несколько женщин пронесли к дому большой чан с кумысом, а девочка — дымящееся блюдо с пахучими кружками теста — поурсками.

Старик похлопал Бату по спине, кивнул на дверь, и Бата сказал:

— Председатель приглашает.

Гости сели за стол, и девочка стала разливать в пиалы кумыс.

Старик спросил:

— Куда едете?

— За динозаврами, — сказал Генка.

— Ха. — Старик покачал головой. — Как Ефремов?

Гости и мальчишки переглянулись. Под удивленными взглядами членов экспедиции спросил Василий Григорьевич:

— А вы встречали Ефремова?

— Немного встречал, — с гордостью ответил старик. — Кто его не видел. Здесь вся земля Ефремова!

Мальчишки снова переглянулись. «Земля Ефремова!»

Старик показал старую алюминиевую флягу.

— Вот, — сказал он, — немного сидели у костра, немного пили.

— Так вы с Ефремовым ходили в экспедицию? — спросил Коля.

— Немного, — улыбнулся отец Баты. — Дорогу показывал.

— К динозаврам?

Старик улыбнулся.

Несколько рук протянулись к фляге.

А Светка вдруг, к общему удивлению, протянула:

— Вот это камушек, ничего себе просто камушек!

— Он Сухэ-Батора видел. И Унгерна в плен брал, — с гордостью сказал Церендорж.

— Так пусть расскажет! — попросил Коля.

— Долго рассказывать! всю жизнь. — Старик взглянул на Бату. — Я тогда совсем молодой был. Моложе Баты, отару пас, охотился.

— Да, давно это было. А как было. — И он посмотрел куда-то вдаль, будто вспоминал, в какие бури и штормы его бросало, какие ветры вокруг шумели. — Как было, надо спросить ее. — И он показал на саблю, которая висела на стене. — Унгерн знал, самурай знал...

У открытых окошек и у дверей толпились старики с дымящимися трубками, мальчишки. То и дело в комнату доносилось ржанье — мимо проезжали всадники.

— Лучше скажите, как ехали, — спросил старик. — Все хорошо?

— Хорошо! — сказал Церендорж. Взглянул на ребят и добавил: — Плохо, немножко помешали злые духи! Один раз отвязали козу, второй раз устроили маленькое землетрясение... Со злыми духами надо быть осторожными. Не будем их вспоминать. Лучше кушать и пить кумыс. — И он протянул Людмиле Ивановне большую пиалу. По ее серебристому ободку важно ступали верблюды.

У ребят были такие же пиалы, только по ободку скакали быстрые монгольские кони.

В этот момент за окном что-то звякнуло.

Светка оглянулась — она сидела у окна — и вдруг от неожиданности чуть не уронила пиалу. Над ней нависла серебристая верблюжья голова, она шевелила толстыми мохнатыми губами, будто говорила: «А вот мы сейчас попробуем...»

Светка вскрикнула, а все засмеялись.

— Он добрый, очень любит катать гостей, — улыбнулся председатель и, подойдя к окну, погладил верблюда, который вел себя вполне интеллигентно, позванивал колокольцем, висющим у него на шее.

— Ух! — облегченно вздохнула Светка. — Я так испугалась! Так чего же мы сидим? Идем кататься!

Она допила кумыс. Людмила Ивановна с Викой тоже поднялись и вышли из дома.

Председатель крикнул: «Цагцурэн!».

Племянница Баты, тряхнув косичками еще раз, выбежала из дома. А вскоре она подъехала к окну на коне. За лошадью бежал рыжий верблюжонок.

— Покатайтесь! — сказал председатель и, глянув на пиалы с кумысом, воскликнул:

— Ай-ай-яй, разве так пьют кумыс?

Кумыс

— Монголы так не пьют. Вот Баирсайхан — тот сразу выпивает шесть пиал!

— Восемь! — поправил кто-то из стариков. — Надо позвать Баирсайхана.

За столом остался один Коля. Он глянул в

окно и увидел, как какой-то худенький мальчишка помогал Генке взобраться на коня. Коле очень хотелось прокатиться и на коне и на верблюде, но не мог же он огорчить пожилого человека, заслуженного партизана! И он взял вторую пиалу, выпил содержимое до дна и вздохнул.

— Все!

— А вот Баирсайхан... — сказал председатель.

И тут вбежал тот самый худой мальчик, который подсаживал Генку. Он сел за стол и сразу принялся за кумыс.

Коля посмотрел на него и попросил:

— Дайте мне еще!

Тяжело отдуваясь, он одолел еще полпиалы и сдался:

— Не могу больше!

А Баирсайхан допивал уже четвертую.

— Мало, мало... — сказал отец Баты Коле, — сам генерал Давыдов хвалил...

— Вы и его знаете?

— Как не знаю, — сказал старик, — на Халхин-Голе знал, на фронте под Москвой знал!.. — И объяснил: — Мы туда с танковой колонной вошли. Бой был. Победа была. Шапками менялись. Давыдов мне танковый шлем подарил, а я ему лисью шапку. Молодые были. Как Бата! Хорошо было, — и поджал губы.

— Его дедушка тоже вместе с генералом Давыдовым воевал, — сказал Церендорж.

— Они фотографировались вместе! — добавил Коля.

— И я фотографировался! — вскрикнул старый партизан. — У меня карточка есть! Бата!

Подняв крышку старого сундука, Бата быстро достал танкистский шлем, бинокль и маленькую старую фотокарточку.

На гусенице танка сидел танкист с золотой звездой на лисьей шапке и играл на гармошке, а вокруг стояли на снегу люди в полушубках, в комбинезонах. Среди них молодой отец Баты в танковом шлеме, с биноклем на груди.

Колиного дедушки на карточке не было. И Коля огорчился.

Но старый солдат сказал что-то Церендоржу, а тот перевел:

— Не грусти, иди пока катайся, дарга даст тебе адрес генерала. Напишешь ему, и он расскажет, как воевал твой дедушка. Иди катайся!

Коля допил кумыс и выбежал из дома, крича:

— Генерал Давыдов нашелся!

Но тут же прижался к стене, потому что мимо него под общий хохот задом наперед, как Иванушка-дурачок, пролетел на старой кобыле разгоряченный Генка. Следом за ним цокал копытами конек Цагцурэн, за которым бежал трусцой верблюжонок, а сзади на белом, как айсберг, верблюде тряслись девочки и Людмила Ивановна, восклицавшая:

— Ну, это мне академическое дитя!

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

УЧИТЕЛЬНИЦА. Какой треугольник называется равнобедренным?

УЧЕНИК. У которого все ребра одинаковые.

Света Кириллова,
г. Чебоксары.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

УЧИТЕЛЬ. Расскажи, где рождаются айсберги...

УЧЕНИК. Родина айсбергов находится в горах.

Эльмира Гаджиева,
Азербайджанская ССР,
пос. Баладжары.

* * *

УЧИТЕЛЬНИЦА. Вова, скажи, кого охраняют в заповедниках?

УЧЕНИК. Мамонтов.

М. Коробейников,
Пермская область.

* * *

УЧИТЕЛЬ. Расскажи о выветривании гор...

УЧЕНИК. Это когда горы выветриваются и камешки в разные стороны летят.

Таня Макарова,
г. Мичуринск.

НА УРОКАХ ФИЗИКИ

УЧИТЕЛЬ. Почему с разбега можно прыгнуть дальше?

УЧЕНИК. Потому что, разбежавшись с большой скоростью, ноги отталкиваются и летят дальше по инерции, а туловище остается на месте.

Света Малина,
г. Пенза.

* * *

УЧИТЕЛЬНИЦА. Что было бы с человеком, если с его тела не испарялись бы капельки пота?

УЧЕНИЦА. Он бы утонул.

Ирина Чурбанова,
г. Куйбышев.

Из школьных сочинений

«В «Мертвых душах» Гоголь показал отрицательную физиономию Чичикова».

«Снегу было мало, как кот заплакал».

«От страха заяц закрыл глаза и уши».

«Мальчик гулял на улице, а подросший птенец стоял у него на плечах».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменке» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.
Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Игры слуха и зрения

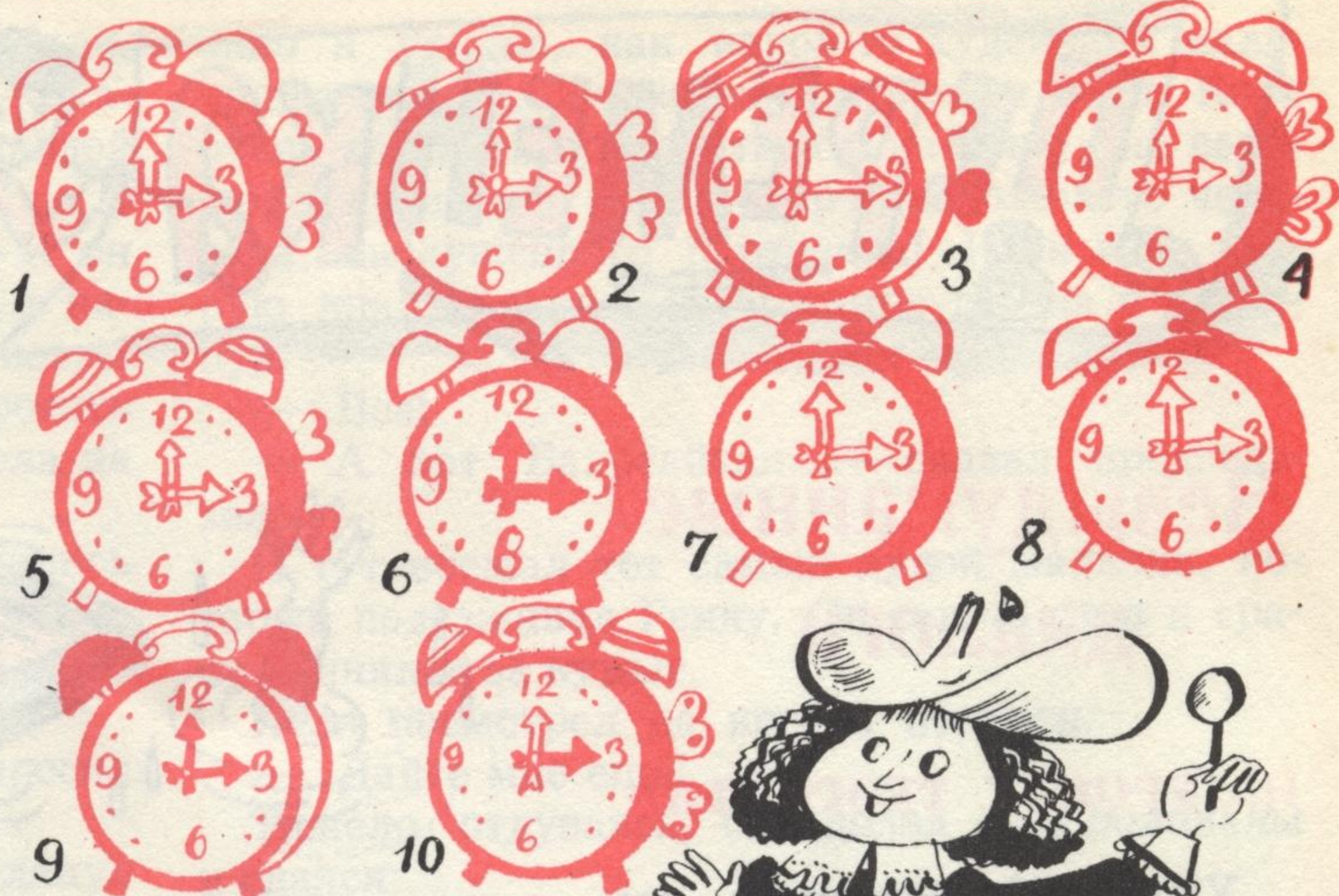

Бамилеке

Лула и Пинцет очень дорожат своей маленькой коллекцией камерунских марок. Их всего девять, цена разная. Марки можно наклеить в один ряд, расположив по цене — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 франков.

Пинцет расположил марки иначе, в три ряда, и так, что в каждом ряду по горизонтали, вертикали и по диагоналям общая стоимость трех марок равняется пятнадцати франкам. На рисунке шесть марок перевернуты. Скажите, в каком ряду и в каком месте находится девятифранковая марка, на которой изображен костюм для народного камерунского танца — бамилеке?

Капитан Перо
ищет помощника

ТИК-ТАК

Карандаши сконструировали прибор, похожий на будильник. Он показывает время, на которое резинки назначают свои тайные совещания. Безошибочно действуют только два будильника. Они абсолютно похожи друг на друга. Найдите их.

Капитан Перо

Игры деда Буквоеда

Помогите
ВОРОВЬЮ

зигзаг

Над задачей в птичьей школе
Бьется бедный воробей:
Сколько чучел в этом поле?
Сколько также в нем людей?
Сядьте рядом на скамью,
Помогите воробью!

Примечание Деда Буквоеда: слова «чучело» и «человек» при подсчете можно читать любыми зигзагами, лишь бы только клеточки соприкасались. Будьте внимательны!

Дед Буквоед.

чучеловек
чучеловек
чучеловек
чучеловек

чу
чел
ел
ов
ек
чел
овек
чел
овек
чел

Всё ли верно?

Краски в стол, а кисти в воду!
Срочно гвоздик нужен мне,
«Африканскую природу»
Я повешу на стене.
Превосходная картина:
В небе страусы парят,
Спят под пальмой два пингвина,
Ест пантера виноград,
Кенгуру гоняет мячик,
Лось из Нила воду пьет,
Рыжий тигр за зеброй скачет,
У норы стоит енот.
Справа — шустрый белый заяц.
Слева — хмурый черный як.
Напишите, не стеснясь,
Если что-нибудь не так!

Живживка

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 10

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Кто виноват? Если вы правильно заполнили таблицу, то в графе желтого Карандаша будет четыре крестика, значит, голоса разделились пополам. Такое скопление голосов в таблице есть только в этой графе, следовательно, по условию задачи виновным может быть только желтый Карандаш.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Восемь рек: и-Волга, си-Нева, ла-Дон-ь, пр-Ока-за, др-Обь, Буг-ор, Кура-нты, пе-Лена.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Маркобусы — Либерия, Уганда.

Нас подружил фестиваль!

Журнал «Пионер» попросил ребят рассказать о том, что их больше всего удивило на Кубе, на форуме молодежи мира. Вот что они рассказали:

Таня ДОШОКОВА, город Москва:

— Самое большое впечатление на меня произвело открытие фестиваля, которое останется в моей памяти на всю жизнь. Мы приехали на стадион, где были делегаты всех стран. Все ждали вождя кубинской революции Фиделя Кастро, и когда он появился, его встречали бурной овацией. Я была счастлива, что увидела Фиделя Кастро, Луиса Корвалана, которому мы, московские пионеры, посылали в Чили поздравительные письма и открытки, когда он томился в застенках. На открытии фестиваля перед моими глазами прошел весь мир. Я с гордостью смотрела, как над колонной советской делегации гордо реял наш красный флаг. Такие минуты — незабываемы!

Рафаэль ГЮЛЬМАМЕДОВ, город Баку:

— Больше всего мне понравился международный пионерский лагерь имени 26 июля. У себя дома я занимаюсь в кружке изобразительного искусства. А на Кубе все яркое. Я сделал много зарисовок, дарил их на память своим новым друзьям, с которыми всегда буду дружить.

Я никогда не забуду, как мы ездили на Плайя-Хирон. Здесь мы познакомились с героями, которые разгромили интервентов и отстояли независимость Кубы.

Игорь КУЗЬМИН, город Ленинград:

— На Кубе я еще раз понял, как важно изучать иностранный язык. Я владею испанским. В лагере подружился с мальчиком по имени Пепито. Мы подолгу разговаривали с ним о нашей пионерской работе. На прощание мы обменялись с Пепито адресами, и теперь я буду писать письма на Кубу и ждать ответа от моего друга.

Тоомас КРУУСИМЯГИ, город Таллин:

— Неповторима кубинская природа. На яркие цветы, на пальмы, на синее-пресинее море можно смотреть часами. В лагере имени 26 июля я подружился с ребятами из разных стран мира и узнал об их жизни много интересного и теперь обо всем, что я увидел на Кубе, рассказываю своим друзьям в школе.

На Кубе я понял самое главное: непобедим народ, который свершил революцию!

Алексей УЗУНОВ, город Бердянск:

— У каждого человека есть товарищи, дру-

Продолжение на последней обложке.

СОДЕРЖАНИЕ

С праздником Октября! — Рисунки В. Костицына	1
Красный флаг. Дальние дороги. — Стихи А. Костецкого. Перевел с украинского В. Корчагин	1
Памятник Известному солдату. — Очерк С. Иванова. Фотографии В. Арсирия	2
Танк. — Стихи Шогенцукова. Перевел с кабардинского С. Липкин	7
Всесоюзный штаб Тимура	
«Боевой листок»	8
Дружная, сплоченная, боевая. — В. Капрелов. Рисунки С. Аристокесовой	10
Штаб пионерских активистов «Горн». — Т. Жижина. Фотография П. Асаульченко	13
Гроза над Машуком. — Документальная повесть Ю. Качаева. Продолжение. Рисунки С. Трофимова	14
У нас в гостях журнал грузинских пионеров — «Пионери» — «Пионеру». — В. Шелия. Рисунки З. Порчхидзе	28
Флаг. Герб	29
От вершин Кавказа до берегов Черного моря. — О. Черкезия	30
Стихи. — И. Нонешвили, С. Шаприани, Г. Дзеладзе, И. Кемертелидзе, К. Каладзе	32
Ния-Грузинская. — Т. Иларионова. Рисунки В. Костицына	34
Молодцы, ребята! — И. Орджоникидзе	35
Дела пионерские	38
В Грузии поют все. — И. Павленко	40
«Пионерия, здравствуй!» — Слова С. Шамприани. Музыка Р. Габичвадзе	41
Пионерская клятва. — Стихи М. Поцхишвили	42
«Кораблик»	43
Тайна подпольной типографии. — Д. Месхи	45
День луны. — Рассказ С. Самхараули. Печатается с сокращениями. Рисунки Л. Хачатряна	46
«Тбилиси, край солнца и роз...». — М. Хергиани	52
Зима. Кто мой друг? — Стихи М. Лебанидзе и Н. Киласония. Рисунки Л. Хачатряна	53
Гончар и шут. — Сказка Г. Варазанашвили. Рисунок З. Порчхидзе	54
Международный гроссмейстер	56
Пословицы и поговорки	57
Соседи. — Сказка Т. Патурашвили	57
Теплый хлеб. — Рассказ Н. Базарашвили. Рисунок В. Стрижкова	58
Викторина	59
Нас подружил фестивалы! — С. Фурин	60, 80
Маршрутами десятой пятилетки	
На тюменской вахте. — Ю. Родин, рисунки автора	62
Коготь динозавра. — Повесть В. Коржикова. Продолжение. Рисунки В. Дудкина	64
«Переменка»	77
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой	78
На обложке:	
На тюменской вахте. — Рисунок Ю. Родина.	

Главный редактор С. А. ФУРИН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела коммунистического воспитания), Ю. М. ЧИЧКОВ.

Технический редактор Е. Г. ЕВДОКИМОВА.

Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1978.

Адрес для писем: 101459, ГСП-4, Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

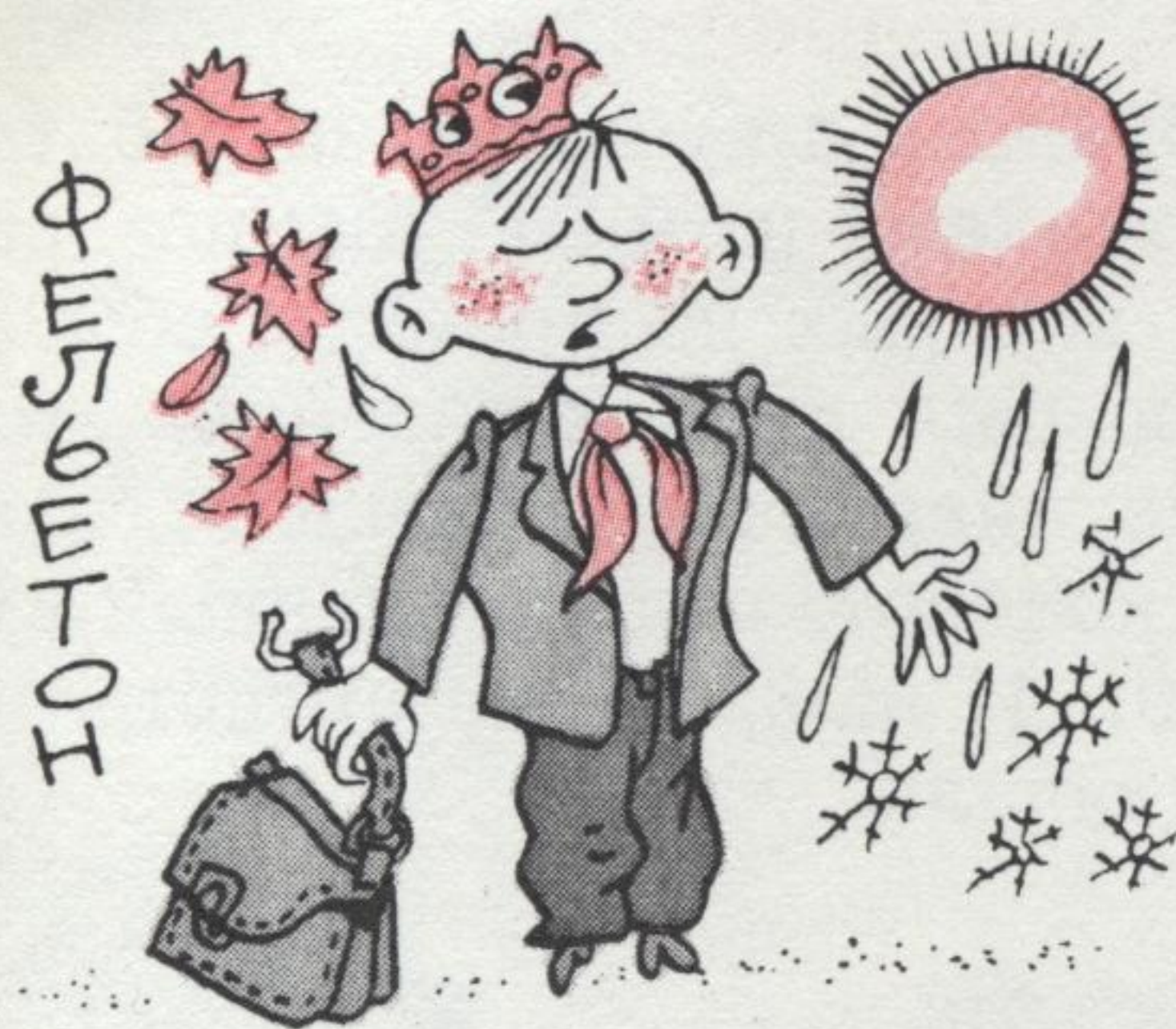
Сдано в набор 31.08.78.
Подписано к печати 02.10.78. А 09131. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 9,33. Учетно-изд. л. 11,24.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2506. Заказ № 2731.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Ярослав Харечко

ТОЧНОСТЬ — ВЕЖЛИВОСТЬ КОРОЛЕЙ

Вот скажите, ребята, только честно, кто из вас может представить себе такую картину: до старта космического корабля осталось, как поется, «четырнадцать минут», а космонавта все нет. Проходит еще пять минут, корабль заправлен горючим, все системы проверены... а вот космонавт задерживается. Старт! А он еще не пришел. И только десять минут спустя он появляется и, виновато теребя ремешки скафандра, докладывает: «Товарищ Председатель Государственной Комиссии, извините — проспал, меня бабушка не разбудила... Но, честное слово, я это в последний раз!»

Представить себе такое невозможно, верно? Но вот почему-то никого совершенно не удивляет, когда вы сами с такими словами входите в класс, где уже давно идет урок. Ну, конечно, не обязательно с этими словами. Каждый опоздавший придумывает себе свою, глубоко индивидуальную причину опоздания.

Те, кому не удастся свалить вину на бабушек, дедушек, пап и мам, чаще всего валят ее на транспорт. То троллейбус перевернулся, упал на дверь и нельзя было

выйти... То трамвай с маленькими колесиками попался.

Можно, конечно, привлечь на свою сторону стихию. Ну, например:

— В чем дело, Олег, почему ты опоздал?

— Я не виноват, Валентин Иванович, я шел против ветра.

И на следующий день:

— Так. Ну, а теперь почему ты опоздал, Олег? Ведь ветер, кажется, в нашу сторону...

— Совершенно верно! Он так дул в спину, что меня пронесло мимо школы...

Короче говоря, дорогие школьницы и уважаемые школьники, вас, наверное, не удивит, если я скажу вам, что каждый месяц... трое из вас по дороге в школу натыкаются на лужу, и не оказывается рядом лодки, чтоб ее переплыть. Пятеро из вас не успевают на урок потому, что помогают пограничникам обезвредить опасного диверсанта. Четверо спасают провалившуюся в прорубь фигуристку.

Да что я вам рассказываю?! Вы все это знаете лучше меня! Единственное, что я мог бы подсказать новенького, так это то, что, придумывая оправдания, неплохо было бы учитывать тот урок, на который вы опоздали. Ну, скажем, опоздав на физкультуру, надо говорить: «Извините, но там была яма в 10 метров шириной и забор высотой в 3 метра... И мне все это пришлось сразу перепрыгнуть».

На уроке географии лучше всего сказать, что вернулся брат с Антильских островов, проездом на Мадагаскар, и вы грызли с ним кокосовые орехи и раскрашивали контурные карты...

На зоологии можно сделать испуганные глаза и сказать, что, когда вы шли на урок, вам дорогу перебежал черный муравьед.

Вот чего я вам не советую, так это думать, входя в класс на полчаса позже, что «Лучше поздно, чем никогда». Это заблуждение. Ведь за то время, пока вас не было, учитель объяснил всем остальным, что такое электричество... А вы это пропустили. И теперь вас всю жизнь будет дергать током. По секрету я вам вот что скажу (только эти сведения не для разглашения): если каждый из вас хоть один раз в году опоздает на одну минуту, то получится примерно 44 миллиона минут. То есть просто так пропущено около 80 лет. 80 лет! Это же целая жизнь загублена.

Так что давайте не опаздывать. Давайте чаще смотреть на часы. Помнить, что нас ждут. И торопиться.

Да, и вот еще что... Вам может показаться, что все это вам говорит человек, который никогда не опаздывал. Да если б я не опоздал с этим фельетоном, его бы напечатали в предыдущем номере. Просто я хотел вам подсказать, что... Впрочем, ничего подсказывать я не буду. О подсказках поговорим в следующий раз...

на Кубу. Об острове Свободы я прочитал много книг, но сколько нового и интересного я узнал, когда наш самолет приземлился в Гаване, когда мы жили в пионерском лагере!

Что больше всего поразило меня в этой стране? Конечно же, трудолюбивый, гостеприимный, жизнерадостный народ, который сделал все, чтобы фестиваль на Кубе прошел успешно, чтобы хорошо отдыхалось ребятам в лагере имени 26 июля. Мы жили одной дружной семьей. И хотя у нас был разный цвет кожи, мы говорили на разных языках, но подружились навсегда!

Светлана САВИНА, город Москва:

2 августа мы собрались с кубинскими ребятами и нашими сверстниками из ФРГ. Мы поздравили всех ребят, у которых во время пребывания в нашем лагере был день рождения. Мы пели, танцевали, разучивали игры разных стран. А потом состоялся концерт, подготовленный кубинскими пионерами. И наши юные артисты из Грузии тоже не подкачали.

Начало на 80-й странице.

зья, но среди них всегда есть самый лучший, самый близкий. Таким был для меня Тырк. Он живет в ГДР, в Дрездене, и неплохо владеет русским языком. Мой новый друг рассказал мне о своем городе, о его музеях, о том, что увлекается спортом, собирает значки, фотографирует. Я подарил ему много советских значков, открыток, рассказал о нашей Родине. Я никогда не забуду, как в конце смены мы вместе с ним ходили фотографировать наш красивый лагерь, своих новых друзей. Эти фотоснимки всю жизнь будут мне напоминать о тридцати незабываемых днях, пролетевших так быстро.

Олег МИТИН, город Муром:

Я участвовал в викторине «Викки» журнала «Пионер». И какова была моя радость, когда я узнал, что я победитель этой викторины и еду